

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЮРИЙ БОРЕВ

Более или менее безумные миры

ВОСКРЕСШИЙ ИЗ ЖИВЫХ

И ЕГО АВТОБИОГРАФИЯ

ВОЙНА И АНТИМИР — фантастическая комедия

Странности любви

ЗЕМНАЯ ЛЮБОВЬ НА СЕДЬМОМ НЕБЕ —

повесть

Проблемы эстетики

ЭСТЕТИКА ТРОЦКОГО

И СТАЛИНСКАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА

ЛИТЕРАТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ —

Лекция, прочитанная в Сорбонне

Журнал
РУССКОЕ БОГАТСТВО

Литература, искусство, культура

В каждом номере — произведения одного автора.
Издается с 1876 г. Возобновлен в 1991 году
редактором - издателем Анатолием З л о б и н ы м

В 1994 г. выйдут четыре номера:
Владимир ВОЙНОВИЧ
Григорий ПОМЕРАНЦ
Юрий ТРИФОНОВ
Владимир НАБОКОВ

В 1994-95 г. г. будет издано (совместно
с издательством "Всемирное слово", С. Петербург)
Собрание сочинений Виктора Некрасова
в 6-ти томах.

Романы, повести, рассказы, эссе, письма.

Подписаться на журнал "Русское богатство" и
Собрание сочинений Виктора Некрасова можно,
направив заявки по адресу:

129010, Москва, Астраханский пер., д. 5, кв. 86.

"Русское богатство"

127254, Москва, ул. Руставели, 8. фирма "Адрес"

РУССКОЕ БОГАТСТВО

Независимый частный журнал: литература, искусство, культура

Издается с 1876 года

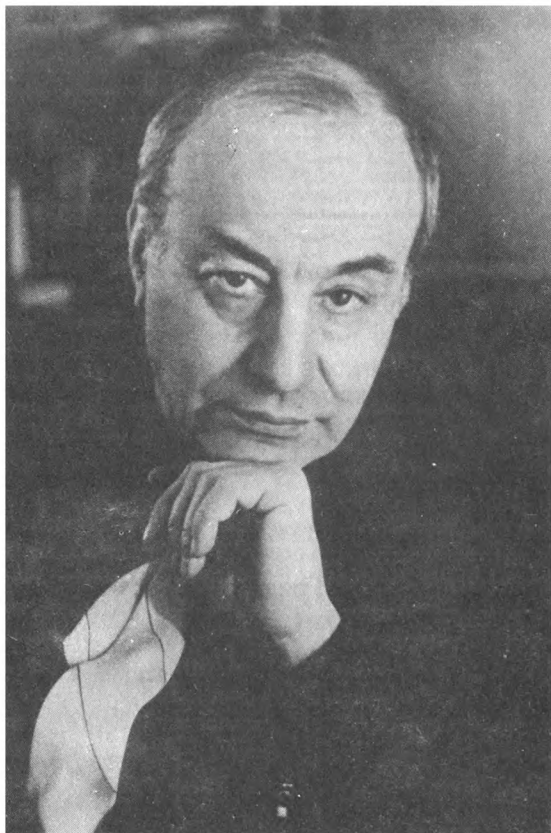
Редактор-издатель — АНАТОЛИЙ ЗЛОБИН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Даниил Гранин
Владимир Дудинцев
Сергей Зурабов
Татьяна Иванова
Леонид Лиходеев
Лев Копелев
Булат Окуджава
Николай Панченко
Михаил Рощин
Николай Шмелев
Сергей Юрский

№ 2

Москва, 1993

* * *

Ну что ж, не зря проходят годы.
Скупей улыбка,

тверже взгляд.

Неумолим закон природы —

Иду с зенита на закат.

Ах годы, годы!

Не спешите!

Я был как все мы —

юн и глуп.

Хочу побыть еще в зените.

Я жизнелюб.

Я солнцелюб.

1005

РУССКОЕ БОГАТСТВО

Журнал одного автора

Юрий Боров

№ 2/4/
1993

К сведению издательств и редакций!

Просим зарубежные и российские издательства, а также периодические издания ставить нас в известность о желании перепечатать те или иные произведения, помещенные на страницах нашего журнала.

Правление «Русского богатства»

Редакция рукописи не возвращает и не рецензирует

- © Журнал «Русское богатство», 1993
- © Автор проекта А. Злобин
- © Юрий Боров, 1993

СОДЕРЖАНИЕ

Юрий Боров

Более или менее безумные миры

АВТОБИОГРАФИЯ «Воскресшего из живых»	6
ВОСКРЕСШИЙ ИЗ ЖИВЫХ (Историческая хроника, притча)	18
ВОЙНА И АНТИМИР (Комедия в межпланетном масштабе)	60

Поэзия

ИЗ РАБИНДРАНАТА ТАГОРА	99
----------------------------------	----

Более или менее безумные идеи

КОСМОГОНИЯ. КОНВЕРСИЯ. ДИСТАНЦИОННОЕ УПРАВЛЕНИЕ. ДИЗАЙН. ФИЗИКА. МЕДИЦИНА. ФИЛОСОФИЯ	102
--	-----

Мифы, предания, анекдоты

ИНТЕЛЛИГЕНТСКИЙ ФОЛЬКЛОР (Вместо предисловия)	106
СТАЛИНИАДА	109
ФАРИСЕЯ	126
ЗАБУГОРЬЕ	134
ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА СОВЕТСКОГО	162
ОЧЕНЬ ПОЛИТИЧЕСКИЕ АНЕКДОТЫ	183
ОЧЕНЬ ОЗОРНЫЕ АНЕКДОТЫ	184

Странности любви

ЗЕМНАЯ ЛЮБОВЬ НА СЕДЬМОМ НЕБЕ	186
ПОВЕСТЬ О ТРЕУГОЛЬНИКАХ	252
ЛИРИКА	306

Отечественная культура: вчера, сегодня, завтра

ЭСТЕТИКА ТРОЦКОГО И СТАЛИНСКАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА	308
ЛИТЕРАТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ (Лекция в Сорбонне)	323
ТОТАЛИТАРНАЯ И ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА (Доклад на международной конференции)	328

Будущим гражданам

ЗВЕРУШКИ И ЛОВУШКИ (Рассказы для детей)	331
---	-----

Автобиография «Воскресшего из живых»

Корней Чуковский грустно чувствовал: «Русский писатель должен жить долго». Этот сценарий был написан полжизни назад, и вне исторического контекста, возможно, не все будет ясно современному читателю. В судьбу сценария оказались вовлечены крупные художники, из которых «иных уж нет, а те далече». Я уже и не надеялся на публичную жизнь «Воскресшего из живых» — к счастью, рукописи не горят.

Когда умер Сталин, я «вместе с народом» плакал. Вечером 4 марта 1953 года по радио передали последнюю сводку о состоянии его здоровья: коллапс... Я был по делу в доме моего начальника — заведующего отделом теории Института мировой литературы Эльсберга. Я пробормотал, силясь осмыслить немислимое: «Сталин умирает?!» Эльсберг, которого несколько лет спустя исключат из Союза писателей за доноительство в особо крупных размерах и за то, что благодаря его усилиям 37-й год для интеллигенции начался рань-

ше и продлился до 53-го, кривил рот в сатанинской улыбке. Не знаю, что было лучше: мое глупое горе или его циничная радость. Было непостижимо, что Сталин, с именем которого мое поколение вошло в жизнь и жило, может умереть. Уже тогда мы знали о той эпохе почти все: что были в ней индустриализация, победа над фашизмом, с одной стороны, и аресты, кампании по борьбе, убитые писатели — с другой. Мы знали почти все и почти ничего, ибо знание фактов, не проясненных концепцией, не есть знание. Кроме того, даже страшные факты тогдашние авторитеты, газеты и радио истолковывали как проявление мудрости и величия Сталина. А шаг в сторону от такого толкования приравнивался к побегу заключенного, по которому открывали огонь без предупреждения. И наше сознание из чувства самосохранения истолковывало все эти страшные факты как нетипичные, случайные.

Нас раскрепостил XX съезд. Реабилитированы были сотни ты-

сая. Выжившие возвращались. Они рассказывали о пережитом, и полужизнь становилось знанием не только потому, что мы узнавали много нового, но и потому, что теперь были готовы все осмыслить и оценить. Ясность приходила не только извне от пережившейся в стране обстановки, но и изнутри от пережившегося сознания, созревшего противостоять любым переменам социальной погоды: от оттепели к зазимью и обратно. И еще было важно духовно не надломиться, найти силы жить, работать и сохранять веру в Отечество.

Таким было мое поколение, которое позже назовут шестидесятниками и которое сыграет решающую роль в окончательном крахе сталинизма в конце 80-х — начале 90-х годов. Но до этого каждому из нас нужно было еще дожить и дорасти.

В пятьдесят девятом я сел писать этот сценарий. Его непосредственной жизненной основой стала история моего отца — ровесника века — Бориса Борева. Он, коммунист с 18-го года, вместе с моей матерью участвовал в гражданской войне, потом учился. В начале 30-х заведовал кафедрой философии Харьковского университета, работал профессором ВУАМЛИНа (Всеукраинская ассоциация марксистско-ленинских научных институтов) и главным редактором Партиздата Украины. Директором этого издательства была Мария Демченко — жена

будущего первого секретаря Киевского обкома, который затем станет наркомом заготовок СССР и погибнет в 37-м году.

Осенью 1934-го года отец отдыхал в Крыму. В столовой санатория рядом с ним сидели Бухарин и его молодая жена. Однажды утром Бухарин открыл газету, прочел какое-то сообщение, взволнованно сказал что-то жене, и они ушли не завтракая и в тот же день уехали из санатория. Газета писала об убийстве Кирова. Вернувшись в Харьков, отец узнал, что в числе тридцати двух других профессоров он исключен из партии, и все исключенные, кроме него и также отсутствовавшего профессора Козаченко, уже расстреляны. Когда отец шел по университету, от него шарахались, как от выходца с того света. С ним боялись здороваться — чтобы не оказаться в сообщниках. Проректор простодушно спросил: «Борыс! Хиба тэбэ нэ зныщили?» Отца исключили из партии, как русского шовиниста (читал лекции на русском языке). Его коллег исключили за украинский национализм (читали лекции на украинском). Кроме того, отец обвинялся в том, что он — ученик украинского националиста, философа академика Юринца, незадолго до этого арестованного. Отец поехал искать правды в ЦК партии Украины (столицу только что перевели из Харькова в Киев). Те, кому он звонил, надеясь на помощь, не отважились его

принять. Только заведующий отделом пропаганды ЦК КП(б)У Килерог (Горелик) предложил отцу прийти после рабочего дня. И дальше произошел разговор, легший в основу сцены «Боков — Чекин».

— В Харьков не возвращайся, затеряйся в каком-нибудь маленьком городке и начинай жить сначала. Не мельтешишь. Не добивайся восстановления. Сейчас в связи с делом Кирова пойдет большая волна. Многих она накроет.

— А как же ты?

— Я останусь до конца, буду помогать людям.

Человек, спасший отца, вскоре погиб.

Я, сестра и мать остались одни. Отец уехал, но не в маленький городок, где он был бы как на ладони, а в Москву. Он сменил профессию философа на профессию юриста — благо было второе образование — и начал с нуля. Но жизнь выталкивала его наверх, и через несколько лет он был уже замом главного арбитра Московского областного госарбитража. Осенью 36-го мы переехали к нему. Не зная за собой никакой вины, отец жил в страхе. Ради безопасности семьи он сжег две свои книги по философии, изданные еще в прежней, харьковской, жизни. Многое из судьбы отца я узнал лишь после XX съезда: он берег мое сознание от внутреннего конфликта с официальной точкой зрения.

В 1955 году, еще до XX съезда,

была освобождена из лагеря бывший директор Партиздата Украины Мария Демченко. В подчинении у ее мужа в 30-м годах Хрущев работал инструктором Киевского обкома. Она просидела восемнадцать лет. Хрущев лично вернул ей партбилет и долго слушал рассказы о пережитом. Первый дом, куда пришла она, вернувшись к жизни, был дом моих родителей, и там я услышал удивительные истории, которые перед этим она рассказывала Хрущеву. Я записал эти истории и положил в папку под названием «Мемуары по чужим воспоминаниям».

От Демченко я услышал историю (не знаю, насколько реальную) об адъютанте Блюхера. В предчувствии ареста Маршал отпустил от себя своего адъютанта. Тот изменил фамилию, начал жизнь сначала и в Отечественную стал доблестным боевым офицером.

Таковы жизненные истоки сюжета этого сценария. Работа над ним стала для меня самого осмыслением эпохи, когда миллионы хозяев жизни вставали при имени одного слуги народа. Я не знал, понадобится ли кому-нибудь то, что я делаю. На этот вопрос я получал потом разные ответы. Поэт Яков Козловский показал мой сценарий своему соседу — киносценаристу Евгению Габриловичу, перед талантом и остротой социального мышления которого я преклоняюсь. «Яша,

вы мне этот сценарий не давали, и я не советую вам держать его у себя дома», — сказал он. Я был обескуражен, но успокаивал себя: Габрилович не отверг сценарий, он с не меньшей трудностью, чем я, по капле выдавливает из себя страх и перестраивает свое сознание. Я показал сценарий Андрею Тарковскому — только что дебютировавшему фильмом «Иваново детство». Андрей прочел «Воскрешшего из живых» и, не сказав мне ни слова, передал Ромму. Последний — об этом я узнал позже — пересказал его тогдашнему заведующему отделом культуры ЦК КПСС Поликарпову. Тот, якобы после разговора с Хрущевым, дал добро, и Ромм пригласил меня на «Мосфильм», в руководимое им 3-е объединение, где со мной заключили договор.

На первом обсуждении, в 62-м году, было многолюдно. Мне запомнились общая атмосфера и некоторые выступления.

Юрий Райзман говорил, что не взялся бы ставить этот сценарий: он — режиссер традиционного психологического склада, сценарий — интеллектуального, — и тем не менее предложил одобрить его. Михаил Ромм подчеркнул важность первой попытки создать образ Сталина с современной точки зрения. Ромм стал рассказывать поразительные апокрифические сюжеты, бытовавшие в те времена. Вот некоторые из них.

«В доме Сталина свет зажигался сразу во всех комнатах, и со

двора нельзя было определить, в какой находится вождь. Точно так же свет тушился: сразу во всем доме. Комнаты были абсолютно похожи: стол, кровать, кресло. И никто не знал, в какой Сталин работает, а в какой спит. Квартира отделялась от внешнего мира бронированной дверью, с окошком для передачи пищи. Ни один заключенный в мире не содержался в такой изоляции, какую сам себе определил Сталин.

При доме жил молодой охранник, исполнявший обязанности денщика. Он вытирал пыль, чистил обувь, накрывал пледом уснувшего ненароком вождя, делал другую нехитрую работу по поддержанию казарменного порядка и уюта. В порыве благоговения денщик решил, что как он ни старается, а все-таки топает сапогами, беспокоя товарища Сталина. Он выделил из полочки деньги, купил себе тапочки и подшил их сукном — шаг стал мягким, бесшумным.

Однажды Сталин проснулся от тишины: он не слышал привычного топота сапог, но ощущал, что кто-то ходит по квартире. Он нащупал наган, всегда лежавший под подушкой, но увидел знакомую фигуру денщика. Сталин пожаловался Берии:

— Зачем-то ходит в тапочках, а не в сапогах. Хочет подкрасться, когда я сплю...

Парня расстреляли за попытку покушения на вождя».

«После войны одного крупного

флотоводца, адмирала, пригласили на Политбюро для доклада о перспективах развития флота. Адмирал сказал: перспективы развития флота зависят от выбранной концепции. Наступательная концепция диктует нам создание крупных боевых единиц, оборонительная — основывается на принципе разумной достаточности и позволит ограничиться строительством небольших судов.

Первым сформулировал свое мнение Ворошилов: создание крупных боевых единиц в условиях послевоенной разрухи нам не под силу, целесообразнее поэтому принять оборонительную концепцию и строить небольшие, недорогие суда.

Ворошилов сел. Воцарилась тишина. Выступил Берия. «Нашей великой стране нужен великий флот, и у нас хватит сил его создать», — заявил он.

Сталин выдержал длинную паузу, а потом заговорил:

— Мы давно подозревали, что Ворошилов — английский шпион, однако у нас не было доказательств. А сейчас он сам себя разоблачил. Он хочет, чтобы Британия была владычицей морей, а Советский Союз не имел сильного флота. Куда смотришь, товарищ Берия?

Ворошилов сидел бледный, понурив голову, со лба его падали неправдоподобно большие капли пота и разбивались о полированный стол. Сталин, помолчав еще немного, сказал, что вопрос не

подготовлен и к нему необходимо вернуться на следующем заседании, а сейчас вниманию участников заседания предлагается фильм Чаплина «Новые времена». Все перешли в зал с экраном. Тут стояли маленькие столики, на них — по две бутылки боржоми, и у каждого — по два стула. Все сели по двое, только Сталин и Ворошилов — по одному. Сталин — важно за первый столик, Ворошилов — обреченно — за последний. Никто не посмел сесть с ними рядом.

Сталин смотрел фильм с интересом и прослезился, когда герой выходит из тюрьмы. Он вытащил платок, высморкался, аккуратно его сложил и спрятал в карман. Когда включили свет, Сталин продолжал сидеть, — никто не двигался — наконец встал, окинул всех просветленным взглядом и сказал:

— Мало мы заботимся о людях. Вот, например, Ворошилов, наш старый боевой товарищ. Он много сил отдал победе, а теперь устал и даже начал ошибаться. И никто не позаботится, чтобы он отдохнул. Почему ты, Берия, не предложишь ему путевку в санаторий?

Бледность сошла с лица Ворошилова...»

А эту историю, рассказанную Роммом, я слышал потом и от второго ее участника — Вайды.

Однажды им понадобился какой-то хроникальный материал. Механик поставил ролик, и перед

изумленным взором Ромма и Вайды предстали Сталин и соратники, несущие в одну сторону гроб с телом Кирова, Сталин и соратники, несущие в другую сторону гроб с телом Орджоникидзе, Сталин и соратники, несущие гроб с телом Куйбышева... гроб с телом Горького... Похороны всех видных деятелей партии и государства всегда запечатлевались кинохроникой, пленку хранили по тематическому принципу: к кадрам похорон одного подклеивали кадры похорон другого, третьего и так далее. Когда-то Гегель задавался вопросом: сколько раз нужно просыпать наборный шрифт, чтобы сложилась строфа «Илиады»? То есть, может ли чистая случайность создать художественный образ? История с роликом правительственных похорон ответила на этот вопрос утвердительно: бюрократическая форма хранения пленки оказалась гениальным монтажом и создала потрясающий образ Сталина — разносчика смерти. По совету Ромма я вставил этот материал в эпический кинохроникальный фон сценария.

Обсуждение это дало мне много. Своими рассказами Ромм вводил меня в атмосферу философически обобщенной конкретности. Образ Сталина в то время еще не был художественно осмыслен нашей литературой, еще не существовало ни попыток, ни традиции в обрисовке этой фигуры (если не считать официозных творений

недавнего прошлого). Поэтому-то Ромм поддержал мое собрание устных преданий, как уникального материала, содержащего неискаженный пропагандой образ Сталина.

«Мосфильм» предоставил мне время на доработку сценария. Осуществляя ее, я постиг, насколько кино коллективное искусство. Историю с козой подарил мне Андрей Тарковский. Эпизод об анонимке на имя Ленина вырос из рассказанной мне Расулом Гамзатовым истории об «анонимке» в Мавзолей от народных музыкантов Дагестана, которых обвинили в формализме и которые отродясь такого слова не слышали. Много добрых советов я получил от сценариста Дани Храбровицкого, драматурга Игната Дворецкого, поэта Александра Межирова, порекомендовавшего, в частности, придать сценарию характер библейской притчи.

Сценарий зажил своей жизнью и в 62-м году без моего участия пошел по рукам — таков был тогдашний литературный обиход. Люди, далекие от литературных кругов, каким-то образом читали «Воскресшего из живых», и, признаваясь, не всегда это имело для меня хорошие последствия. Мой начальник Эльсберг, например, предложил дирекции института решить вопрос, совместимы ли мои политические взгляды с работой в Академии наук. Однако его затея не удалась. Директор Анисимов полистал ротапринтный эк-

земляр сценария опытной рукой, нашел на последней странице некий таинственный знак «Рот. тип. «Мосфильм». Зак. 651-30 т. е.» и оставил своевременный сигнал Эльсберга без внимания.

В 65-м году по непоставленному сценарию (в довесок шли работы по эстетике и теории кино и телевидения) я был принят в Союз кинематографистов.

Сценарий попал в руки Игоря Ильинского, и он захотел со мной встретиться. Первая наша встреча состоялась в конце 62-го года, у него дома. Оказалось, он давно мечтал сыграть Сталина и был рад, что нашелся удовлетворивший его сценарный материал. Ильинский решил, что он будет не только играть роль Сталина, но и ставить фильм. Он хотел строить образ в трагикомическом плане и показывал, как бы он сыграл некоторые сцены. Вот Ильинский—Сталин в величественной позе стоит на трибуне Мавзолея; когда он нехотя бросает взгляд на проходящую внизу демонстрацию, его лицо принимает презрительное выражение. Одна рука заложена за борт импровизированного френча, другой он машет проходящим, причем этот жест — и официальное приветствие, и брезгливое отмахивание от давно надоевшей, но необходимой для его величия толпы. Не так давно мне рассказали: после военного парада, перед началом демонстрации трудящихся Сталин обычно ворчал: «Сейчас

бараны пойдут». Вот как верно Ильинский творил этот образ!

Лепил Сталина Ильинский отчасти по личным впечатлениям. Вот как он рассказывал об этих встречах.

«Меня впервые пригласили на праздничный концерт в Кремль после выхода фильма «Волга-Волга», где я исполнил роль Бывалова. Когда я выходил на сцену, несколько человек в штатском ошупали меня глазами, а двое из них простояли за кулисами, невидимые для зала, в продолжение всего выступления. Я страшно волновался. Я читал рассказ Чехова, но не чувствовал никакого контакта с аудиторией и с ужасом сознавал, что проваливаюсь. Обстановка была непривычна: гости сидели за маленькими столиками по четыре человека, в отдалении, за длинным столом — Сталин в окружении членов Политбюро. Все ели, пили, переговаривались, меня никто не слушал. От этого я зажимался еще больше и читал почти механически, на актерских навыках и от волнения вертел пуговицу на пиджаке. Кончилось тем, что она запрыгала по сцене, и до конца номера я искал ее глазами. Когда я зашел за кулисы, ко мне подскочили те двое и строго спросили:

— Что вы высматривали?

— Пуговицу. — И я показал на мой пиджак.

Расстроенный, я сел за столик рядом с певицей Шпиллер. Вскоре подошел Молотов и поблаго-

дарил за выступление. Я немножко успокоился. И тут к нашему столу приблизился вождь. Мы встали. Сталин высоко оценил исполнительскую деятельность певицы Шпиллер, но заметил:

— Вам следует поработать над верхним «до».

Шпиллер поблагодарила и обещала поработать.

Потом он повернулся к сопровождавшим его людям и спросил, показывая на меня:

— А это кто такой?

— Известный артист Ильинский, товарищ Сталин.

— Кому известный? Мне не известный.

Я стал объяснять, что я артист театра и кино, но Сталин не слушал:

— Как он сюда попал? Кто он?!

Мне стало страшно. Наконец человек, видимо, отвечавший за то, что я сюда попал, в отчаянии пояснил:

— Это актер Ильинский. Он только что удачно сыграл в кинофильме «Волга-Волга».

Тут Сталин расплылся в улыбке, пожал мне руку и воскликнул:

— Товарищ Бывалов, здравствуйте! Мы, бюрократы, всегда пойдем друг друга...»

А вот рассказ Ильинского о последней его встрече со Сталиным:

«Это было в конце 1952 года. Меня пригласили на концерт для делегатов XIX съезда партии. Все шло привычно. Выступал Красно-

знаменный ансамбль песни и пляски. Сталин был доволен. Но вот от правительственного стола отделился Ворошилов, поспешно подошел к Александрову и что-то ему сказал. Александров взмахнул палочкой — и зазвучал знакомый мотив. Сталин поднялся со своего места, встал рядом с Александровым, выпрямился, положил руку за френч и запел, а Александров дал команду играть тихо, чтобы был слышен негромкий, старческий голос:

Эх, яблочко, куда катишься,
В Губчека попадешь —
не воротишься,
В Губчека попадешь —
не воротишься...

Меня охватил ужас. Я понял, что Сталин вышел из образа вождя, и испугался, что, опомнившись, он захочет избавиться от свидетелей. На цыпочках, боком я выбрался из зала и уехал домой».

Я еще более усиленно стал собирать истории о Сталине. Их было огромное множество — целый пласт культуры: легенды, апокрифы, анекдоты, а иногда и достоверные факты. Для меня особенно важна была не столько фактическая, сколько художественная достоверность этих историй.

Сценарий продолжал жить приливами и отливами, и всякий раз это соответствовало общей социальной ситуации. Во время очередного такого глубокого отлива мне рассказали, что Ромм и Райзман принимали в ВТО Анджеа

Вайду, и эти три мастера хорошо говорили о «Воскресшем из живых», а сцену встречи двух колонн назвали лучшей сценой мирового кинематографа. Я понимал, конечно, что, во-первых, это может быть и легендой и, во-вторых, что даже если такие слова действительно были сказаны, они продиктованы! поддержкой социальной позиции автора, а уж потом художественными достоинствами упомянутой сцены. И все же это меня морально поддержало. Хотя, когда много позже в Варшаве мой друг профессор эстетики Стефан Моравский познакомил меня с Вайдой, тот сказал совсем другое: «Жаль, что о любом деспоте, погубившем тысячи людей, десятки писателей и художников сотни лет будут создавать произведения».

Нужно сказать, что сценарий не принял Чуковский. Он был недоволен тем, что стихи о тараканище использованы в нем для аллюзии. Видимо, пришлось ему в свое время понервничать из-за этого тараканища. А основания для беспокойства были, и немалые, что подтверждает история, услышанная мною от Сельвинского, в поэтическом семинаре которого я некоторое время занимался в Литинституте.

Сельвинского вызвали с фронта на заседание Политбюро. В строчках:

Родная русская природа,
Она полюбит и уroda,
Как птицу, вырастит его, —

Сталин заподозрил намек на себя.

Заседание вел Маленков. Он долго добивался от поэта, топая ногами, кого он имел в виду? Сельвинский ничего не понимал и объяснял прямой и единственный смысл стихов: русская природа добра ко всему живому. С резкой критикой творчества поэта выступил Георгий Александров. Ситуация сложилась грозная. Неожиданно непонятно откуда в зале заседания появился Сталин и сказал:

— С Сельвинским следует обращаться бережно: его стихи ценили Бухарин и Троцкий.

В отчаянии Сельвинский закричал:

— Товарищ Сталин, так что же я в одном лице право-левацкий блок осуществляю?! Я тогда был беспартийный мальчик и вообще не понимаю, что они писали. А ценили меня многие.

Сталину ответ понравился, он сказал:

— Надо спасти Сельвинского.

Маленков, который перед этим топал ногами, теперь оказался в дурацком положении и дружески сказал:

— Видите, товарищ Сельвинский, что вы наделали?

Сельвинский ответил:

— Товарищ Сталин сказал, что меня надо спасти.

Все расхохотались. Сельвинский попросил разрешения почитать стихи. Фадеев и Щербаков поддержали просьбу. Сельвинский прочел «Русской пехоте». Стихи

всем понравились. Было принято решение: не пускать Сельвинского на фронт. Сельвинский переживал: дед — кантонист, отец — участник русско-турецкой войны, а его на фронт не пускают. И еще долго Сельвинского не печатали.

Впрочем, это цветочки... За стихи о кремлевском горце, в которых была строчка «тараканы смеются усища», поэт Мандельштам поплатился жизнью. Чуковский не хуже меня знал эти истории и даже в начале 60-х, будучи совершенно раскованным в высказываниях, мне казалось, по психологической инерции болезненно воспринимал иносказательную трактовку своих стихов. Так, быть может, излишне в свою пользу я объяснял себе неудовольствие Корнея Ивановича сценой «Вова читает стихи».

Главные же претензии Чуковского относились к языку сценария — особенно в ремарках — и были совершенно справедливы, я постарался учесть его замечания.

В 63-м году я доработал сценарий и вышел на повторное обсуждение. В нем уже не принимали участия мастера, высказавшие свое мнение раньше. Подмастерья же не отвергали и не утверждали сценарий. Социальная ситуация была неопределенной: о Сталине говорили то как о тиране, то как о верном марксисте, допускавшем некоторые ошибки.

После этого, повторного, обсуждения Тарковский посоветовал не трогать больше сценарий, чтобы

не замучить его. Тарковский считал, что теперь дело за режиссером, что по ходу съемок еще что-то на фронт. Сельвинский пере- Андрей в это время работал над Рублевым и говорил, что, если бы не этот дорогой ему замысел, он взялся бы за «Воскресшего из живых». Идея его была такой: включать в фильм целые пласты кинохроники и даже стилизовать под нее игровые эпизоды (где-то поцарапать пленку, где-то неточно в кадр снять сцену). Под творческим влиянием Тарковского я изменил стилистический ключ сценария и определяющий его жанр подзаголовков.

Несмотря на совет Тарковского воздержаться от доработок, я, чтобы сохранить отношения с «Мосфильмом», продолжал с периодичностью в год представлять новые редакции сценария. Мне их возвращали, полагаю, все с той же целью — выиграть время до прояснения ситуации.

Кроме Игоря Ильинского хотели снимать этот фильм Габай, Чулюкин и еще несколько режиссеров. Правда, они не были очень настойчивы, их отношение к сценарию менялось и находилось в зависимости от оценок Сталина прессой. Только Ильинский не был подвержен таким колебаниям. Когда уже не осталось надежды на «Мосфильм», он обсуждал со мной возможность снять фильм во внестудийных условиях, на основе профессиональной самодеятельности. Была уже у нас даже

немецкая узкоплечная кинокамера. Но как бы мы сняли в условиях хоть и профессиональной, но все-таки самодеятельности, например, встречу двух колонн или эпизоды на заводе «Запорожсталь?» И главное, мы уже теряли уверенность в том, что фильм кому-то нужен. От общения с Ильинским осталась у меня книга «Игорь Ильинский. Сам о себе». На титульном листе он написал: «Дорогому Юрию Борисовичу Борову с надеждой на большую творческую дружбу и совместную ра-

боту. Игорь Ильинский. 12 дек. 1962 г.». К сожалению, надежды эти не сбылись. К сожалению. Потому что, я уверен, Ильинский— Сталин был бы так же гениален, как Чаплин — Великий диктатор. Жизнь еще раз свела меня с Ильинским: в 1966 году я принес ему письмо-обращение представителей советской интеллигенции к XXIII партийному съезду против попыток реабилитировать Сталина, и он мужественно его подписал.

На последнем обсуждении, в 65-м году, Атаров, консультант

при сценарной коллегии «Мосфильма», откровенно сказал то, о чем молчали редакторы:

— Сейчас мы не можем запустить этот сценарий: он не совпадает со сложившейся на сегодняшний день ситуацией. В нем есть много интересных художественных решений — и, может быть, завтра нам партия скажет вновь, что эта тема актуальна и важна. Мы должны смотреть в будущее и быть к нему готовыми, чтобы не оказаться с пустыми руками при новых поворотах нашей истории.

Еще некоторое время «Мосфильм» терпеливо ждал этих новых поворотов истории, но такových в те поры не случилось. И тогда — я считаю это рыцарским жестом со стороны редакторов — мне было сказано: мы ничего сделать не можем, советуем пожаловаться на нас в ЦК. И я пошел в ЦК к людям, ведавшим кино, с просьбой познакомиться со сценарием и помочь в его прохождении. Прочитал сценарий Ермаш. Он принял меня приветливо, говорил доброжелательно и неопределенно. Никакой помощи я не получил, и никаких впечатлений от этой встречи не осталось. В 1966 году я получил уведомление «Мосфильма», что договор со мной расторгнут — это уже не было неожиданностью.

Писатель Борис Ямпольский

прочитал мой сценарий еще в 1961 году и долго после этого встречал меня вопросом: «Ну как, Юра, форточка работает?» (Ему очень нравился эпизод «Сталин вылетает в форточку».) Мне казалось, что моими рассказами о перипетиях сценария он оценивает социальную ситуацию. После 65-го года он спрашивал уже так: «Ну что, форточку закрыли наглухо?»

Сценарий дал мне ощущение приобщенности к тому крылу нашего общества, которое выступало за искоренение сталинизма. Другое крыло оказалось более мощным и в середине 60-х на два десятилетия затормозило процесс демократизации, начавшийся после XX съезда — наступила эпоха культа личности без массовых репрессий и без личности.

Перечитывая сегодня «Воскресшего из живых», видишь, что в ряде моментов история обогнала авторскую мысль, и видишь, как далеко вперед ушло наше самосознание. Мне хотелось многое переписать, изменить, но я провел лишь небольшую редактуру и дописал концовку — в основном сценарий публикуется по варианту конца 63-го года. Так что читателю — за исключением оговоренных изменений — предлагается подлинный факт исторического самосознания эпохи оттепели.

ВОСКРЕСШИЙ ИЗ ЖИВЫХ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА, ПРИТЧА

Фильм черно-белый. В некоторых эпизодах цветная съемка. Максимально используется кинохроникальный материал. Фильм имеет характер притчи, стилизованной под кинохронику.

Город Владисибирск. Большая стройка пятилетки. Вечер под Новый год. Цех. Лозунг. «Пятилетку — в четыре года!» Последние приготовления к пуску прокатного стана. Среди рабочих инженер Боков, имя которого известно стране. Он отдает распоряжения. Предпусковая суeta, и наконец все замерли. Толпа, напряженные лица. Стан пущен. С грохотом катится по валкам раскаленный сляб. Грохот сливается с криком: «Ура!» Десятки рук подбрасывают начальника строительства.

Боков (*летя вверх*). Львов! Отправь телеграмму — надо, чтобы Москва сегодня же узнала, что стан пущен!

Львов (*снизу*). Отправлю!

Кабинет Бокова. На стене портреты Сталина и Топорова. На письменном столе лежит чистый лист с заголовком: «Отчет за истекший период».

Боков. Не знаю, как начать.

Львов. Обычно. «Под мудрым водительством...»

Боков. Верно. Начнем традиционно.

Звонит телефон. Боков снимает трубку.

Голос из трубки. Сообщаю пренеприятное известие: к вам едет ревизор.

Боков. Что ж, покажем товар лицом! (*Начинает писать отчет: «Под мудрым...»*)

Львов. Новый год прозеваешь.
Боков (смотрит на часы). Ого! Пошли.

Празднично убранная комната. Елка. На стене портрет Сталина. Входит Боков.

Зоя. Почему так поздно?

Боков. Работает! Уже доложил Москве!

Зоя счастливо улыбается. По радио бьют куранты. Переглянувшись, оба метнулись к столу, налили вина, чокнулись, выпили до половины, обменялись бокалами и допили до дна. Целуются. Над ними — календарь. На его листке — 1 января, год 1937-й. По радио очень ритмичная музыка. Зоя лихо выбивает чечетку.

Боков (показывая на рюмку). Что будет после второй?

Зоя. Загрущу. (Мечтательно.) Закатиться бы в тайгу!

Боков и Зоя идут по ночной тайге. Морозная ночь. На небе крупные звезды.

Боков. ...Счастье? Это когда в груди бьется солнце.

Зоя становится на цыпочки и тянется к звезде.

Зоя (со вздохом). Не достала.

Звезды снежинок тают на ее ладони. Боков и Зоя выходят к могучей сибирской реке. Звездопад осыпает их. Звезды мчатся по небу, оставляя ослепительные следы.

Боков. Здесь десять Днепрогэсов. Мы с Львовым уже начали колдовать над проектом. (Над тайгой туча. Начинается снегопад. Шагая навстречу ветру, Боков почти кричит).

Снегопад замечает тайгу,

Стонут сосны на берегу.

Гул стоит, колокольный гул.

Это ветер качает тайгу.

Это ветер ударил в набат,

Сосны колоколами гудят.

Останавливаясь на бегу,

Тучи падают прямо в тайгу...

Зоя счастливо улыбается.

Кабинет Бокова. Стенографистка ведет запись.

Председатель комиссии Топоров. Подведем итоги. Ты, Боков, плохой руководитель: на тебя мало жалоб

от подчиненных — ты нетребователен. Не выполняешь указания...

Топоров (*по телефону*). Боков инициативен, но...

Знакомый голос с акцентом. Инициативность — ценное качество. Мы должны воспитывать инициативу. Нопора понять: у нас излишек в вождях и недостаток в исполнителях. Все хотят быть политиками. А кто будет работать? Народная мудрость гласит: когда восходит солнце, звезды меркнут. Нужно потушить звезды, и тогда настанет рассвет нового дня. Следует кое-кого немножечко арестовать. Есть такое мнение: поручить товарищу Топорову подработать этот вопрос и доложить об исполнении.

Топоров. Будет исполнено. (*Глядя на трубку, из которой доносятся короткие гудки.*) Великий человек!

Небо краснеет — на комбинате разлив чугуна. На лице Топорова огненные отсветы. Где-то звучит «Цыпленок жареный».

Зоя. Ты слишком прямолинеен. Кругом аресты...

Боков. Перестань. В конце концов у нас диктатура пролетариата, а не диктатура НКВД. Если что, я напишу лично товарищу Сталину.

Зоя уходит. Телефонный звонок. Боков снимает трубку.

Голос. Ни о чем не спрашивайте. Немедленно уезжайте — сегодня вас арестуют!

Боков удивленно смотрит на трубку, потом поднимает глаза на портрет и успокаивается. Входит сын и шика Бокова.

Боков. Ты почему не спишь?

Володя. Хочу рассказать сказку. (*Боков обнимает Володю. Володя декламирует.*)

Ехали медведи
На велосипеде,
А за ними кот
Задом наперед.
А за ним комарики
На воздушном шарике,
А за ними раки
На хромой собаке.
Волки на кобыле.

Львы в автомобиле.
 Зайчики в трамвайчике,
 Жаба на метле...
 Едут и смеются,
 Пряники жуют.

Боков задумчиво листает детскую книжку с картинками.
 Володя *(продолжает)*.

Вдруг из подворотни
 Страшный великан,
 Рыжий и усатый
 Та-ра-кан!
 Таракан, Таракан, Тараканище!
 Он рычит и кричит
 И усами шевелит:
 «Погодите, не спешите,
 Я вас мигом проглочу!
 Проглочу, проглочу, не помилую».
 Звери задрожали,
 В обморок упали.
 Волки от испуга
 Скушали друг друга.

Володя *(робко)*. Дальше мы не проходили.

Боков. Мы тоже. Но мы еще дочитаем эту сказку.

Входит Зоя.

Зоя *(сыну)*. Спать немедленно!

Володя. Ой, мамочка, еще немножко!

Зоя. Никаких немножко. *(Володя уходит.)* Ребенок должен знать слово «нельзя». А ты ему ничего не запрещаешь.

Боков. Нужно воспитывать желания. Если человек хочет правильно, тогда нечего запрещать.

Зоя уходит. Из окна доносится «Цыпленок жареный». Небо озаряется: на заводе разливают металл. Звонок. Боков открывает дверь. Входит начальник местного НКВД Чекин.

Чекин. Здравствуй, Боков. Надо поговорить.

Боков. Проходи, если не шутишь.

Чекин *(садится)*. Не до шуток, брат.

Боков. У тебя неприятности?

Чекин. Не у меня лично, а так, вообще.

Боков. Может, тебе надо помочь?

Чекин. Скорее тебе.

Боков. Не темни. В чем дело?

Чекин. Сам не все понимаю. Идут странные директивы...

Боков. Директивы надо выполнять.

Чекин. А если они неправильны?

Боков. Не нам судить. Снизу не все видно.

Чекин. Верно. Но бывают указания, принципиально неправильные.

Боков. Значит, где-то в вашем аппарате враг.

Чекин. Может быть. Только перебор врагов получается.

Боков. Плохо ловите.

Чекин. То ли мы ловим, то ли нас ловят

Боков. Что?!

Чекин. Во имя революции у меня рука не дрогнет. Но мне предписывают арестовывать честных людей!

Боков. Напиши Сталину.

Чекин. Были у нас такие умники. Да только перевелись. Не он ли режиссер этой трагедии...

Боков (*в сердцах*). Ты думай, что говоришь. Страна обязана ему успехами индустриализации и коллективизации, разгромом оппозиции...

Чекин. Что ты меня за советскую власть агитируешь? Но разгром в своей партии — разве это успех?

Боков (*гневно*). Ты думай, Чекин!.. (*Сдержавшись*.) Если бы не знал тебя с гражданской, я бы за такие слова...

Чекин. Погоди, перестрелять друг друга мы еще успеваем. Это от нас не уйдет! Волна арестов не случайна. Создается атмосфера всеобщего страха. Сталин устанавливает личную диктатуру и уничтожает мешающих этому. Спротивляться? Но народ ему верит, а фашисты Германии первые воспользуются нашей междоусобицей... Заколдованный круг.

Боков (*вынимая наган*). Ты, Чекин, или провокатор, или окончательно переродился. Я отведу тебя в органы. Пусть твои подчиненные разберутся, откуда такая путаница в голове их начальника.

Чекин (*успокаиваясь и улыбаясь*). Тоже неплохо. Начнем разговор с конца, если он с начала не получается. Дура! У меня же ордер на твой арест.

Боков. Врешь! Я честный человек!

Чекин *вынимает из кармана ордер и кладет его на стол.*

Боков (*опуская наган*). Хорошо. Пошли. Разберемся.

Чекин. А что разбираться? Будто я тебя не знаю?

Боков. Так ты мне веришь?

Чекин. Тебя же по телефону предупредили... Уходи!

Боков. Смешно. На мне комбинат. Ты же мне веришь.

Чекин. Решаю не только я. Уходи, не то поздно будет.

Боков. А ты? Уходить — так вместе.

Чекин. Нет. Каждый день моей работы — это люди, спасенные от ареста, или арестованные, спасенные от расстрела. Или расстрелянные, у которых спасены родные. Ты уезжай. При массовости кампании и несовершенстве учета человек может затеряться среди бумаг.

Боков. А ты остаешься? Это же почти самоубийство.

Чекин. Сегодня для одних убийство, для других — самоубийство становятся партийной работой.

Боков вешает гардину.

Зоя (*с улыбкой, ворчливо*). Целый месяц допроситься не могла шторы повесить, а тут коммунистический субботник!

Боков. Что читаешь?

Зоя. Готовлюсь к семинару «Личность и народ».

Боков. Вслух.

Зоя (*читает*). Карамзин писал: «История принадлежит царю». Декабристы опровергали это: «История принадлежит народу... Смешно дарить ею царей!»

Боков слезает с табуретки, оставляя косо висящую гардину, подходит к жене и обнимает ее за плечи.

Боков. А получается, что история не принадлежит никому. Жизнь превращается в абсурд.

Зоя. Что с тобой?

Боков. Мне грозит арест. Я попытаюсь уехать. Не волнуйся.

Гардина обрывается и падает.

Зоя. Как? Тебя, Бокова, арестовать?!

Боков. Это ошибка. Все выяснится. (*Задумался.*) Если я не вернусь через полгода... жду тебя, скажем, в Запорожье на главной почте в семь часов вечера каждое воскресенье...

Областное управление НКВД. Чекин заходит в кабинет к своему заместителю Баранову.

Баранов (*встав*). Разрешите доложить. Получен приказ, укрепляющий законность. Если окажется, что арестованный не виноват, следовательно получает до десяти лет.

Чекин. Ну и что же вы станете делать, если в результате следствия убедитесь, что арестованный не виноват?

Баранов. Наверное, выпущу...

Чекин. И получите десять лет? Орешек между молотом и наковальней.

Баранов. Расколоть можно и арестованного.

Чекин. А если он не виноват?

Баранов. Вот и я говорю, а если он не виноват?

Чекин. Думайте, Баранов, ведь вы действуете именем закона.

Баранов (*про себя*). Но и арестовывать мне велят тоже не от имени тещи.

Чекин (*про себя*). Кажется, до Баранова дошло...

Кабинет следователя Долгова. Долгов сидит за столом, перед ним стоит человек.

Долгов. Заключение Львов, бывал ли в вашем доме Боков?

Львов. Бывал. Но я не заключенный, а подследственный.

Долгов (*показывая в окно*). Вон идет человек. Вот он подследственный, а ты — заключенный.

Входит Чекин. Долгов вскакивает, вытягивается.

Долгов. Товарищ начальник, следователь Долгов ведет допрос гражданина Львова.

Входит дежурный.

Дежурный. Товарищ Чекин, прибыл уполномоченный из центра — товарищ Эстеркин.

Входит Эстеркин.

Эстеркин. Я прибыл с чрезвычайными полномочиями! Ты, Чекин, завалил работу! Ты или политический слепец, или сам враг народа! Такого низкого процента арестованных нет ни в одном управлении! Налицо утрата бдительности или саботаж. Я отстраняю тебя от должности. Сдай оружие, и мы разберемся, что ты за птица! (*Долгову.*) Фамилия?

Долгов (*встав смирно*). Долгов! Новый работник.

Эстеркин. Это хорошо, что новый. Примешь дела у Чекина. Проведешь следствие по его делу.

Чекин. Оружие?.. (*Вынимает пистолет, переводит его с Эстеркина на Долгова.*) Не подходить к звонку!

Эстеркин. Не блажи, Чекин. Сдай оружие, и ты еще можешь быть помилован!

Чекин. Я не буду стрелять: не знаю, кто из вас заслуживает пули. Сейчас вы будете меня слушать. Нашими руками Сталин устанавливает личную диктатуру. Когда мы выполним свою норму на аресты невинных людей, нас уберут. Пришел мой час, придет и ваш. Боритесь с беззаконием! Прощайте! *(Приставляет пистолет к виску и стреляет.)*

Долгов *(придя в себя)*. Саботажник, сорвал следствие!

Эстеркин. Что он наговорил! Нельзя было допускать такие недопустимые высказывания!

Долгов *(подходит к лежащему Чекину, берет из его руки пистолет)*. Я не слушал. *(Про себя.)* Устроил митинг. Стрелялся бы себе на здоровье молча. Теперь Эстеркин захочет от меня избавиться. Придется начинать игру...

Эстеркин. Вызывай дежурного.

Долгов. А ведь он мог одного из нас шлепнуть.

Эстеркин. Душа не позволила.

Долгов. Душа — это миф девятнадцатого века. *(Стреляет в Эстеркина — тот падает.)* Бросил вызов судьбе... Теперь вызову дежурного. *(Нажимает кнопку звонка. Входит дежурный.)* Пишите! *(Диктует, разгуливая по кабинету, переступая через тела.)* Телеграмма. Правительственная. Раскрыт заговор целью покушения жизнь товарища Сталина тчк во главе Чекин зпт Боков другие руководящие работники области тчк Эстеркин убит задержании Чекина тчк принимаю меры аресту виновников результаты сообщу тчк Долгов. Отправить телеграмму! Подать список руководящих работников области. Арестовать Бокова. И уберите *(показывает на тела)* это. Начинаются большие события. Все должно быть чисто. Чтобы комар носу не подточил!

Дежурный. Есть отправить телеграмму, подать список, арестовать Бокова! Есть чтобы комар носу!

Ночь. Со двора управления отходят закрытые черные машины и идут в разные стороны по спящему городу. Красный свет светофоров. Черные машины идут на красный свет. Дождь. Красный свет отражается в мокром асфальте — вся улица залита красным светом. Красный свет отражается в дожде — и с неба идет красный дождь. Море красного дождя падает с неба. И текут красные потоки по городу. И разбрызгивая красные лужи, мчатся по городу черные машины. На них горят красные стоп-огоньки, их свет отражается в асфальте, и кажется, что это машины оставляют след на

земле. Красные светящиеся названия магазинов: «Хлеб», «Вода», — змеясь, отражаются в мокром асфальте. На разных этажах дома стучат в двери.

Испуганные голоса. Кто там?

Вид дома с улицы. На разных этажах в разных окнах зажигается свет. То же в соседнем доме. У подъездов в красных лужах стоят черные машины.

Квартира Бокова. Зоя сидит на кровати, держит на руках сына. Книги и бумаги свалены на пол. Ящики письменного стола вывернуты.

Один из чекистов (по телефону). Бокову удалось уйти.

Из трубки голос Долгова. Сообщить приметы Бокова на станцию Зима. Пусть проверят ночной на Москву. Найти живого или мертвого!

— Есть или мертвого!

Купе. Все спят. Боков смотрит в окно: тайга, тайга...

Боков (про себя). Огромная страна... А может, Чекин неправ? Вокруг враги. А лес рубят — щепки летят? (Пауза.) Чекин сказа бы: «Люди не щепки». (Выглядывает в окно: станция «Зима».) Коммунисты у власти, а я, коммунист, должен скрываться. Бред! Не в подполье же мне уходить. Надо ехать в Москву, к Сталину... (Поезд трогается.)

По вагону идут люди, заходят в купе, спрашивают документы. Боков настороженно слушает.

Голоса за дверь. Слыхал? Чекин-то обернулся врагом народа! И что ему народ плохого сделал? Шкура.

Боков (про себя). Кажется, я приехал!

Боков запирает дверь купе на предохранитель.

Стук в дверь. Боков становится ногами на столик, открывает окно. Соседи по купе проснулись. Сильный стук.

Голос из-за двери. Открывай! Стрелять буду!

Женский голос с полки. Боря, спрячь корзинку с продуктами и мою сумку! (Выстрелы в дверь.) Боря, немедленно ложись! Почему ты такой дурак, что вечно лезешь под пули? Ты хочешь, чтобы тебя наконец убили?

Снова выстрел. Боря, схватив в охалку кошелку, полную клюквы, бросается на полку. Ягоды сыплются на пол. Из кошелки течет клюквенный сок. Боков вылезает в окно и повисает на раме. Поезд въезжает на мост. Тени от балок

моста несутся вдоль поезда. Вновь тайга. На повороте поезд замедляет ход, и, оттолкнувшись ногами от стенки вагона, Боков летит в темноту. В купе вламываются люди. Поскользнувшись на кюльке, один из них падает.

— Вы почему не открывали? Мы — НКВД!

— Мы думали — бандиты...

Долгов (читает телеграмму). «Боков убит при попытке к бегству».

За письменным столом сидит Топоров. Перед ним список: «Жены врагов народа». Первая в нем — З. Бокова. Топоров устал решать их судьбу. Он снимает трубку вертушки и... оказывается в кабинете вождя.

Сталин (подозрительно). Вы почему, товарищ Топоров, так пристально смотрите на меня?

Топоров (с улыбкой). Вам придется терпеть нашу всенародную любовь. Нам постоянно нужны ваши руководящие указания. Как следует поступить с женами и детьми врагов народа? Следует ли применить к ним высшую меру?

Сталин (медленно и проникновенно). Это важный вопрос. Я отвечу правдивой историей. Однажды Наполеон со своей армией въезжал в итальянский город. Жители спрятались, и только прекрасная итальянка с ребенком на руках вышла навстречу императору и стала перед его белой лошадью на колени, прося пощадить ее город. Наполеон должен был на сутки отдать город солдатам — и он пришпорил коня и растоптал мать и ребенка, а потом пересел на другого коня и задумался. Маршал спросил: «Вы опечалены, мой император, что вам пришлось убить женщину и ребенка?» (Входит дежурный, подает Сталину бумаги: материалы по беспосадочному перелету, освоению Северного полюса, строительству ГЭС. Сталин продолжает рассказ, листая бумаги.) «Нет, — ответил Наполеон. — Я опечален тем, что я задумался, прежде чем пришпорить коня, и тем, что я сменил лошадь, а хороший император не имеет права на чувства».

Топоров. Я немедленно подпишу высшую меру!

Сталин. Зачем немедленно? Можно и завтра. И зачем сразу высшую? Можно ограничиться десятью годами. Мы не Наполеон. У нас могут быть чувства.

Топоров (*про себя*). Он гений: никогда не знаешь, что он сделает через минуту. (*Вслух.*) Мы порекомендуем всем изучение эпохи Наполеона.

Сталин. Зачем Наполеона? Поднимайте национальные традиции. Например, Иван Грозный — великий государственный деятель. У буржуазных историков здесь были определенные недооценки. Следует внести ясность. (*Входит дежурный, подает Сталину телеграмму. Сталин читает про себя.*)

Голос Долгова за кадром. «Правительственная тчк материалами следствия делу Бокова—Чекина полностью установлена виновность областного руководства организации покушения жизнь товарища Сталина тчк уходя ответственности Чекин покончил собой зпт Боков убит попытке бегству тчк остальные арестованы и признают себя виновными тчк начальник Владисибирского НКВД Долгов...»

Сталин (*отрываясь от телеграммы*). Обеспечьте, чтобы десять лет женам врагов народа были пожизненными... Быть добреньким легко. Быть жестоким трудно. Но история не дает нам права быть добренькими, потому что это будет доброта к человеку за счет народа. Если мы, большевики, будем добренькими, в стране воцарится хаос, а враги нашего дела поднимут головы. (*Сталин думает. По стене, за его спиной, проплывают тени людей, самолетов и кораблей, заводов и плотин и вновь тени людей.*) ...Способный работник этот Долгов. Есть такое мнение: выдвинуть товарища Долгова в центральный аппарат. Там лошадок поменять надо.

Топоров пишет на списке резолюцию: «Десять лет».

Боков идет через дремучий лес. Он выбился из сил. Деревья качиваются над ним. Боков идет по тайге. Под ним качается земля. Птицы пролетают над его головой. Слышны странные голоса леса. Они звучат тихо, а потом громко, как бы через усилитель. Тяжелые ботинки Бокова ступают по земле. И тикает время, и идут ботинки в такт тикающему времени. Вот время замедляется и совсем останавливается, потом как будто усилием воли включается опять.

За спиной Бокова земной шар, он пытается опереться на шар, но шар откатывается, и Боков падает. Шар со звоном несется в пустом пространстве. Боков встает и снова идет. Лес хороводом кружится над его головой. Боков выходит к околице. У крайней избы на крыльце крадет кринку с молоком. Выпив молоко, долго стоит. Лают собаки, но Боков не

уходит, лишь заслышав голоса людей, снова углубляется в тайгу. Вновь в глазах Бокова раскачиваются деревья. Бокову кажется, что он идет среди леса поднятых рук. Слышен торжественный голос: «Принято единогласно». Лес рук вновь обращается тайгой. «И даже на краю небес все тот же был зубчатый лес»,— многократным эхом повторяет тайга.

Из-за деревьев на Бокова смотрит множество глаз людей и зверей. Уже нет больше деревьев, а только глаза— без лиц. И вот уже только один огромный глаз во весь экран, и на его фоне Боков идет по ладони. Он спрыгивает с ладони и идет по лесу. Прямо из тайги Боков входит в Спасские ворота Кремля. Бьют куранты, часовые отдают Бокову честь, он входит в кабинет. Сталин поднимается из-за письменного стола, приветливо идет навстречу, улыбается и пожимает Бокову руку.

Сталин. Садитесь, товарищ Боков. У вас усталый вид. Переутомились или неприятности? Сталинская забота о людях— священный долг каждого советского руководителя. Чего бы вы хотели?

Боков. Хочу честно работать!

Сталин. Постараемся вам помочь. (Снимает телефонную трубку.) Товарищ Топоров, ко мне тут заглянул товарищ Боков. Позаботьтесь о нем.

Боков. Спасибо, товарищ Сталин.

Сталин провожает Бокова до дверей и тепло прощается с ним. Потом в раздумье ходит по кабинету, курит трубку— и вдруг вылетает в форточку.

В звенящей тишине Сталин, как Бог, парит над страной. Колонны демонстрантов несут знамена и его портреты. Боков с портретом. Летящий Сталин запекает:

От края до края по горным вершинам,
Где горный орел совершает полет,
О Сталине мудром, родном и любимом
Прекрасные песни слагает народ.

Народ безмолвствует. Ленинград. Медный всадник. Празднично одетая толпа несет портреты Сталина и молча приветствует летящего над городом Бога. Стоит зловещая тишина, лишь слышна песня, которую в небе поет Сталин:

На просторах Родины чудесной,
Закаляясь в битвах и труде,

Мы сложили радостную песню
О великом друге и вожде.

Народ безмолвствует. Бог взмахивает жезлом, как дирижерской палочкой. Демонстранты, и с ними Боков, подхватывают:

Сталин наша слава боевая,
Сталин нашей юности полет,
С песнями, борясь и побеждая,
Наш народ за Сталиным идет.

Сталин нисходит с небес в тайгу — к Бокову. Он протягивает Бокову анкету.

Сталин. Ты хотел работать? Заполни. Фамилия, имя, отчество, пол, национальность, специальность, партийность. Состоял — не состоял. Был — не был. Подвергался — не подвергался.

Боков (*на пеньке заполняет анкету*). Боков.

Бог. Ты теперь не Боков, а Богов. Пиши!

Боков (*пишет «Богов»*). Специальность? Я был инженером. А теперь? Напишу: «человек».

Бог. Человек отменяется. Теперь все колесики и винтики большого государственного механизма. Пиши: «винтик».

Боков. (*Пишет «Винтик»*.) Партийность? Кто же я теперь: партийный или беспартийный?

Бог. Ты — антипартийный.

Сталин бьет молнией в дерево. Тайга загорается. Боков идет сквозь горящую тайгу. И рядом с ним вырастают люди и идут в огонь. Сталин хватает одного из них и повергает на землю.

Боков (*кричит*). Остановись! Мы тебя любим...

Бог. Мало любить, нужно бояться! Государство держится на страхе!

Поверженный человек силится приподняться. Сталин подминает его. Подбегает женщина и старается оттащить Сталина, который все более и более свирепеет и превращается в медведя. Боков, плохо понимая происходящее, вступает в борьбу. Исцарапанная женщина и Боков вносят в домик, одиноко стоящий в лесу, тяжело раненного бородатого человека.

Бородатый человек. Сколько лет на зверя хожу. Все про зверя знаю. Лучше, чем про человека. А тут, вишь, не уберегся. (*Бокову*.) Спасибо тебе.

Мария и Боков у могильного холма, прилаживают крест. Молча возвращаются домой.

Мария и Боков в избе, сидят у огня. За окном гроза. Мария стелет кровать. Боков устраивается на полу.

Мария. Я не спрашиваю, чего ты по тайге маешься. Верно, не от хорошей жизни. (*Молчит, ждет ответа и, не дождавшись, продолжает.*) Не бойся, я же тебе жизнью обязана.

Боков (*устало и безразлично*). Я не боюсь.

Мария. Скажи, что надо, я помогу.

Боков (*устало*). Не знаю.

Боков проваливается в сон. Мария лежит с открытыми глазами, смотрит на всполохи молний.

Утро. Боков еще спит. Мария долго смотрит на него.

Мария. Кожа тонкая — городской.

Встает. Выходит во двор с ведром. Кругом омытый грозой лес. В небе радуга. Кусок радуги качается в ведре. Боков проснулся. Стоит в дверях избы, смотрит вокруг.

Боков и Мария сидят за грубо сбитым столом, едят. Долго длится молчание.

Мария. Ну что ж мы в молчанку играем? Скажи хоть, как величать тебя?

Боков. Николай.

Мария. Я — Мария. А как жить думаешь?

Боков пожимает плечами.

Мария. Хочешь, возьму тебя к родне — деревня рядом, работать станем. А то можно податься золото мыть.

Боков. Я на люди не хочу.

Мария. Бирюком не проживешь. Давай странничать. Козлом пропитаемся.

Боков. Козлом?

Мария. Возьмешь его за веревочку и пойдешь по деревням — будешь сыт, пьян и нос в табаке.

Боков. Как это?

Мария. Будешь козла на случку водить. В каждом дворе и угостят, и снеди на дорогу дадут.

Боков. Ну что ж, тоже работа. А где козла-то взять?

Мария. Это уж моя заботушка.

Осень. Боков и Мария идут по лесной дороге. Боков с бородой, в одежде покойного мужа Марии, на поводу ведет козла.

Мария. А ты все грустный, все свое думаешь...

Боков (*про себя*). Инженер при козле! Не могу больше. (*Вслух.*) Сделай доброе дело: дай документы мужа. В город тянет...

Мария. Бери. Вольному воля.

Боков (*рассматривает документы*). Начинаю новую жизнь. Я — Никитин.

Запорожсталь. Никитин стоит у станка. Гудок. Рабочие идут на обеденный перерыв. Никитин продолжает стоять у станка. Подходит бригадир Линник.

Линник. Пэрэрва. Хиба тоби, бородач, две нормы за смину вже мало? Пишлы снідаты.

Никитин останавливает станок. Идет с рабочими по заводскому двору. На Доске почета портреты.

Линник. Дывись, бородач, твій портрет на червону дошку повисылы!

Никитин, с досадой взглянув на Доску почета, уходит.

Никитин (*про себя*). Работать, дураку, надо хуже.

Никитин поворачивает назад, прогуливается у стенда и, улучив минуту, срывает свой портрет.

Никитин сидит за столом вместе с другими рабочими. Торопливо возвращается Линник.

Линник. Слушайте, товарищи! Якась вражина зирвала портрет нашего шановного стахановця — товарища Никитина. Треба разоблачиты того куркуля.

Егоров. Бородач — мужчина видный. Какая-нибудь дивчина содрала.

Линник. Ты, Егоров, мабуду, газет не читаешь?

Воскресенье. Шесть часов вечера. Центральный почтамт Запорожья. Никитин сидит и читает газеты. Отрываясь от чтения, оглядывает зал. Листает подшивки.

Оживает газетный текст, сквозь него проступают исторические события. Кинохроника становится эпическим фоном фильма и раскрывает трагическое состояние мира. Горящий рейхстаг, марширующие отряды штурмовиков, факельное ше-

ствие фашистов — и лицо Зои Боковой. Она идет из глубины экрана и никак не может пройти: колючая проволока; война в Абиссинии; кукулуксклановцы; суд линча; горящий крест; немецкие войска в Праге, Вене, Париже, печи Майданека; Соловецкий монастырь; Сталин, Орджоникидзе и другие соратники несут гроб с телом Кирова; навстречу этой процессии Сталин, Куйбышев и другие несут гроб с телом Орджоникидзе; Сталин и соратники несут гроб с телом Куйбышева, потом Горького — разносчики смерти! Зоя идет наперекор потоку истории и никак не может пройти до почтамта Запорожья, где ее ждет муж.

Никитин идет по цеху и слышит спор главного инженера Ломидзе и бригадира Линника.

Ломидзе. Опять занижаешь скорость на прокатном? Линник. Валки летать.

Никитин (*мимоходом*). Слябы нужно сильнее разогреть — тогда можно повысить скорость проката.

Ломидзе (*Линнику*). Похоже на правду. Попробуй.

Никитин (*про себя*). Опять дернул черт! Эдак меня живо на чистую воду... Но сил же нет молчать, когда знаешь, как лучше. Бежать с завода?.. Нет, при козле я уже состоял...

Никитин у станка.

Линник. Никитин, срочно к директору!

Никитин (*про себя*). Срочно? Неужели узнали?

Юдин. Так вот ты какой, бородач.

Никитин (*испуганно*). А что? Борода — для красоты.

Юдин. Не борода человека красит, а голова. Предложение будем внедрять, пошлем тебя в институт. Будем растить из тебя командира производства. Товарищ Сталин указывает: «Кадры решают все».

Никитин. Без меня меня женили? (*Про себя.*) Мне ж нельзя вылезать!

Ломидзе. Учись — инженером будешь.

Никитин. Завод бросать не хочу.

Юдин. Учись заочно.

Ломидзе. Не ленись. У тебя способности.

Юдин. Вот тебе направление в заочный институт.

Никитин берет направление и неуверенно благодарит.

По стране, будто песня,
 пройдет он от края до края.
 Вечер... Спелые звезды
 горят в вышине,
 В тихих водах родного Днепра
 отражаясь.

Спокойный пейзаж. Общий вид огромного завода. Степь. Мотив песни еще продолжается, но уже слышен нарастающий гул нашествия. Визг бомб, взрывы. Тот же пейзаж огромного завода, но завод охвачен пламенем. Звучит тема нашествия из Седьмой симфонии Шостаковича.

Пехотная дивизия на марше. Впереди и позади — степь да снег. Хорошо еще ветер в спину. Подняли воротники шинелек бойцы, шапки-ушанки опущены, шаг греет, а все равно студено на пронзительном снежном сухове. Поет, свистит ветер. Быстро гаснет за последней шеренгой ее широкий след. Ветер обдаёт и степь, и идущую по степи дивизию колючим снегом. Далеко впереди в белой мути замельтешилось что-то живое, стало приближаться, и уже можно было догадаться, что идут люди, много людей. Солдаты стали всматриваться, и Никитин тоже глядел так пристально, что слезы навернулись на глаза, и он, сняв рукавицу, приложил к ним ладонь. Солдат, шагающий с ним в одной шеренге, пригорюнился и уверенно предположил худшее: «Отступаем». Никто не ответил. Все всматривались. Стало видно: идет колонна. Обозначились по краям ее конвоиры. И тогда оживились солдаты, стали тихонько подталкивать друг друга локтями, и один выпалил:

— Ребя, фрицев ведут!

А колонна все приближалась. И уже можно было различить разношерстно и плохо одетых людей разного возраста. Они промерзли, выбились из сил, шли вразнобой, а снег бил им в лицо. С близкого расстояния было непохоже на пленных.

И тогда кто-то из солдат обрадовался: «Так это же...», — но тут голос его упал, и слово «наши» он произнес удивленно и неуверенно.

Солдаты насупились. Стал слышен скрип снега под ногами двух сближавшихся людских потоков. А тот солдат, который раньше всех предположил и больше всех обрадо-

вался своему предположению, что ведут пленных, теперь присвистнул и почему-то шепотом выговорил:

— Своих ведут!

Дивизия и встречная колонна поравнялись. Некоторые заключенные стали с любопытством разглядывать солдат. Другие не поднимая головы продолжали идти навстречу ударам ветра.

Никитин стал всматриваться в проходящих: кого-то искал или что-то хотел разглядеть и понять. Некоторые арестанты отвечали на его взгляд — кто угрюмо, кто зло, кто виновато, а кто почти незаметным ободряющим кивком или даже движением губ, отдаленно напоминающим улыбку.

Никитин обратился к командиру:

— Разрешите выйти из строя.

Командир кивнул, Никитин отошел в сторону и очутился между двумя встречными потоками. Стараясь сохранить равновесие, он стал подтягивать сапог. Его качнуло, и он чуть не упал в сторону арестантской колонны. Конвоир добродушно пошутил: «К политическим захотел? Можем пристроить».

Никитин (вежливо улыбнувшись). Куда это вы их?

Отвечая вежливостью на вежливость, стражник нехотя пояснил: «От Гитлера спасаем». И пошел конвоир, ружье наперевес, в одну сторону, а Никитин, ружье за спиной, — в другую. Вот он уже настиг свою шеренгу и стал ладиться в ногу. Не сразу попал, но наконец зашагал вместе со всеми тяжелым неспешным шагом, рассчитанным на долгую дорогу и нескорый привал.

А арестантская колонна все шла и шла мимо двигающейся к фронту дивизии. И пар стоял над людскими потоками. И казалось: два бесконечных состава идут один мимо другого. И даже чудился металлический перестук встречных эшелонов. И вдруг стало удивительно тихо. Снег заглушил и поглотил звуки мерного шага солдатских сапог и нестройный топот встречной колонны. Тишина. И из самой глубины тишины звенящий от мороза молодой солдатский голос то ли запел, то ли позвал:

Вставай, страна огромная!

Голос сразу захлебнулся, может, от порыва ветра, а может, от ощущения бескрайности расстояния, которое ему предстояло охватить. Но солдаты не дали угаснуть песне,

где-то в головных шеренгах повторили строку и повели песню дальше:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой...

Арестантская колонна встрепенулась так, будто и к ней относилась запевка. А дивизия уже подхватила:

С фашистской силой черною,
С проклятою ордой!

И взяли ногу солдаты. И подняли головы заключенные. И бодро пошли конвоиры. И уже вся дивизия грянула:

Не смеют крылья черные
Над Родиной летать...

Тут некоторые заключенные робко, как бы стесняясь, подхватили песню. На смельчаков стали оглядываться другие. И вся их колонна уже зажила каким-то иным ритмом, чуть-чуть отогрелась изнутри и поверила в песню:

Поля ее просторные
Не смеет враг топтать...

И разогнулись плечи заключенных, и глаза увлажнились, а иные, напротив, обрели неестественно сухой блеск. И вот уже мощный хор огласил степь. Это дивизия и колонна заключенных выдохнули из себя припев:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна...

Солдаты стали рубить шаг. Ритм стал четче. Песня переросла в походный марш:

И-дет. вой-на на-род-ная,
Свя-щен-ная вой-на!

И заключенные тоже взяли ногу. Чеканит шаг разномастная обувка: ботинки, валенки, сапоги, калоши, туфли. Кто во что горазд, но все в ногу:

Дадим отпор губителям
Всех пламенных идей...

Тут некоторые конвоиры как бы опаматовались и стали кричать на заключенных, мол, неча петь, не арестантское это дело. А один особо внимательный к службе стражник даже замахнулся прикладом:

— Неча советские песни поганить!

Но потом он застеснялся справлять свою трудную работу на глазах у солдат. И образовалась некоторая неловкость, теперь уже среди конвойных, которые никак не могли уловить, как им блюсти полную строгость под взглядами бой-

цов. Они пытались установить нормальный режим движения колонны. Но у песни был такой могучий голос и такой всепокоряющий ритм, что вот уже и конвоиры, винтовки наперевес, пошли торжественно, как на параде, и некоторые из них тоже подхватили песню:

Насильникам, грабителям,
Мучителям людей.

Ух-ух-ух — будто великан поднял дубину и колотит ею о землю.

Ноги рубят и отсчитывают такт. На мгновение металлический гул двух встречных составов снова врывается в песню, но она перекрывает все шумы. Два встречных людских потока, охваченные одним порывом, на едином дыхании поют. И теперь уже поют совершенно все, и даже те конвоиры, которые только что кричали на заключенных:

Идет война народная...

В обе стороны степи идет песня, и один ее вал накатывается на другой, шибаются, плещется. И когда в одну сторону плывет еще припев, в другую плывет уже новая строка:

...Мучителям людей...

...Священная война...

Никитин поет со всеми. И это уже не походный марш, а хорал, сотрясающий землю и небо. Органная музыка перекрывает голоса. Звуки уходят в самое небо, отражаются от него, как от свода, и снова падают на заснеженную землю. И просветлели омытые музыкой, исступленные лица солдат, заключенных и конвоиров. Вкладывая всю страсть, как будто от судьбы этой песни зависит судьба мира, люди поют о священной народной войне. И теперь уже нет на земле силы, которая могла бы заглушить эту песню или противостоять этим людям. И вот уже разминулись два бесконечных потока и пошли, не оглядываясь, в разные стороны, унося с собой разные судьбы, но одну и ту же песню. И до самого горизонта, то замирая, то вспыхивая, звенело:

Пусть ярость благородная

Вскипает как волна,—

а с другого конца откликалось, как эхо:

Идет война народная,

Священная война...

В землянке лежит тяжело раненный командир Егоров. Рядом сидят Никитин и политрук Мажахов.

Никитин. Попробуй заснуть.

Егоров. Некогда. Хочу жизнь понять.

Малахов. А чего понимать? Работал. Война — пошел воевать. Правильная твоя жизнь.

Егоров. А я всю нашу жизнь понять хочу.

Малахов. И вся наша жизнь правильная.

Егоров. Раз с фашистами деремся — значит, в общем правильная.

Малахов. Почему в общем? Какие у тебя претензии?

Егоров. Биография моя средней обыкновенности. Беспризорничал. Потом колония. Потом Запорожсталь. Стал комсоргом. Жизнь пошла азартная. Однажды мы возьми и учуди: посадили одного бюрократа в тачку и с улюлюканьем — к проходной. А он оказался парнем щекотливым, и получил я свои законные пять лет. Направили меня к уркам: обrekli, значит. Вспомнил я старое и вошел в барак с блатными шуточками. Приняли. Повадился «Графа Монте-Кристо» рассказывать. Прижился, а потом паханом стал и повел моих аристократов работать. Удивилось начальство: барак наш отпетым числили. В тридцать седьмом меня до срока освободили. И пошел я из лагеря навстречу течению.

Малахов. Ну и что же ты, на советскую власть обижен за то, что отсидел?

Егоров. Обижен? А чего бы я здесь лежал? У меня на заводе бронь была.

Малахов. Тогда о чем разговор? Правильная твоя жизнь, хотя были в ней неправильные страницы.

Егоров. Ну а народ, что навстречу шел: я из тюрьмы, они — в тюрьму. Я разговаривал: нормальные люди. Это, по-твоему, правильная страница?

Малахов. Вопрос сложный. Лес рубят — щепки летят. Я сам соприкасался: служил в органах. Однажды спросил моего начальника Долгова: зачем, мол, наша работа? Разве мы врагов ловим? Фабрикуем! А он, человек заслуженный, мне в окно показывает: «Видишь, люди? Каждый чем-нибудь недоволен. Один квартирой, другой начальством, третий займом, четвертый снабжением. Все они потенциальные враги народа. Но что поделать: всех не пересажаешь. Поэтому надо сажать представителей, ну, вроде бы делегатов от населения. Тогда другие свое недовольство даже от самих себя будут прятать. Наша работа — государственная».

Егоров. Врет твой Долгов. Не может быть народ врагом народа.

Малахов. Это философия. А недовольные всегда есть. Так что я необходимость понимаю, но — слабак. При первой возможности дезертировал на фронт. Здесь проще.

За дверью землянки нарастает грохот артобстрела. С потолка сыплется земля.

Егоров. Не дают жизнь обдумать. (Никитину.) Примешь командование... И ни шагу...

Никитин и Малахов выходят из землянки в окоп. Малахов подходит к бойцам, что-то говорит. За грохотом слов не слышно. Нарастает тема нашествия из Седьмой симфонии Шостаковича. Шум танков.

Никитин. Когда на бой идут — поют,
А перед этим можно плакать.
Ведь самый страшный час в бою —
Час ожидания атаки.

Бой с танками. Некоторые из них загораются. Приближаются автоматчики. Стреляют на ходу, их поливают ответным огнем. Немцы залегли.

Никитин. Пошли!

Малахов (кричит). Вставай, ребята, ура!

За ним поднимаются солдаты. Нарастает «ура». Никитин догоняет Малахова, они бегут рядом в цепи бойцов.

Малахов. Вперед! За Родину! За...

В Малахова попадает пуля, он оседает на землю. Никитин продолжает бежать. Он оторвался от своих. Цепь дрогнула. Никитин очутился между своими и врагами на ничейной земле.

Никитин. Вперед! За Родину! За Сталина!

Солдаты поднялись. Гремит «ура!». Контратака.

Отбитое у немцев село. Никитин и Малахов, с перевязанным плечом, в хате.

Малахов. Я тебя всегда держал за настоящего, а сегодня ты и вовсе молодец. Представили тебя к ордену и к офицерскому званию. (Пишет. Бумага ерзает по столу.) Поддержи. Я тебе рекомендацию пишу, а то странно, ей-богу: идейно развитый, воюешь хорошо, в плену не был, а до сих пор беспартийный! (Отрываясь от листка.) Может, у тебя происхождение не то или родственники за границей?

Никитин. Происхождение из рабочих. Родственников

за границей нет. Да, судя по всему, и вообще нет. (*Про себя.*) У меня старый партбилет сохранился, буду теперь дважды коммунистом.

Малахов. Хорошо: анкета чистенькая. Вот тебе рекомендация, коряво написанная, кровью скрепленная!

Входят жители деревни, солдат с автоматом и человек средних лет. Малахов внимательно глядит на задержанного.

Малахов (*обрадованно*). Товарищ Долгов? Вас не узнать! (*Никитину.*) Это мой бывший начальник!

Солдат. Полицай...

Долгов. Я не просто полицай, а при исполнении.

Малахов. Надо отправить его повыше. Там разберутся.

Долгов. Я требую внимательного отношения.

Никитин. Я с полным вниманием провожу тебя в СМЕРШ.

Занесенное снегом поле. Вдали движутся две точки. Вечереет. Точки приближаются. Это Долгов — впереди и Никитин с автоматом наперевес — сзади.

Никитин. Ты как у фашистов оказался?

Долгов. Организовывал эвакуацию — попал в окружение. Я нам нужен! Чтобы сохранить жизнь, временно пошел в полицай.

Никитин. Сохранить жизнь ценой предательства?

Долгов. Во имя великой цели все средства хороши. (*Со страстью подсудимого, произносящего последнее слово.*) История всегда творит добро и прогресс с помощью зла. Дьявол выше Бога!

Никитин (*почти с уважением*). Вы что, современный Мефистофель?

Долгов. Я лишь посланник, ангел зла. Дьявол-Творец нашей эпохи — Сталин. Для него народ — топливо локомотива истории.

Никитин. Народ заслуживает лучшей участи. Он — цель истории.

Долгов. Когда это история считалась с народом? Надо жить без предрассудков.

Никитин. Циник! Ты служил фашистам — это закономерный итог цинизма. И твою философию следует опровергать не рассуждениями, а силой. (*Хлопает рукой по автомату.*)

Долгов. Нет, я — наш! У меня заслуги. Я лично извес-

тен Сталину... Я раскрыл заговор во Владисибирске во главе с врагом народа Боковым...

Никитин. Врешь, гад! Я не враг народа! Враг — ты!

Долгов (*играя ва-банк*). Хорошо встретились — хорошо разойдемся! Враг, не враг — мы оба люди! Ладно, я пошел, а ты стреляй мне в спину!

Долгов сворачивает с дороги и не оборачиваясь идет через глубокий снег.

Никитин. Стой! (*Долгов продолжает идти.*) Стой! Стрелять буду!

Никитин стреляет ему вслед. На снегу кровь, но Долгов мистически исчезает. Никитин дает долгую очередь в темноту.

Берлин. Разбитые дома и буйная зелень. Черный дым пожаров и белый — яблонь. Красный флаг над рейхстагом, белые — в окнах домов. Никитин радостно возбужден, как все, кто идет навстречу. На плечах погоны подполковника, на груди — ордена. Молодой лейтенант декламирует:

Сила силе доказала:

Сила силе не ровня.

Есть металл — прочней металла,

Есть огонь — страшней огня.

Никитин подходит к группе офицеров. Рядом куча пепла и опаленный кусок земли.

Офицер. Кто говорит — прах Гитлера, кто — Геббельса...

Никитин (*про себя*). Один Дьявол, творивший историю Злом, повергнут. (*Шагает по пеплу.*)

Москва. Кабинет министра. Министр — Юдин, бывший директор Запорожстали.

Никитин. Демобилизовался и хочу работать.

Юдин. Я из твоей анкеты не понял: ты институт кончил?

Никитин. Диплом не защитил — война помешала. Но говорят, добровольцам диплом выдали без защиты. Так что формально я инженер.

Юдин. Ты фактический инженер — я помню. Мы тебя на крупную работу прочим.

Никитин. Крупную я бы не хотел.

Юдин. Не скромничай. Есть мнение — послать тебя во Владисибирск — строить вторую очередь комбината. Дело

огромное. А ты коммунист, инженер, подполковником войну кончил. Вполне... *(Юдин продолжает говорить, но его голос приглушается.)*

Никитин *(про себя)*. Все возвращается на круги своя. Вторая жизнь. Воскрешение из живых. И сколько ни начинай сначала, я проживу так же. Но во Владисибирск мне пути заказаны. *(Вслух.)* Я хочу на Запорожсталь.

Юдин. Но там черт ногу сломит — мы еще не решили, что делать. Смотри, бородач. В Запорожстали наши, оставляя город, закозлили домны и демонтировали цеха. Фашисты, отступая, светопреставление устроили: все взорвали...

Никитин. Пошлите меня на Запорожсталь!

Юдин *(проводя Никитина до дверей)*. И не чаял найти туда добровольца!

Огромный чудовищно разрушенный завод. Нечеловеческая сила согнула колоссальные железные балки в спираль. Чудится: это застыли стальные змеи, готовые удавить все живое. Кирпичная пыль. Развалины цехов. Накренившаяся домна. Никитин идет по территории завода, его сопровождает главный инженер Ломидзе. Кое-где рабочие разбирают завалы. Посреди цеха — братская могила погибших в боях за Запорожсталь. Цветущие акации белеют над развалинами, как неосевший пороховой дым.

Никитин. Кладбище!

Ломидзе. Фашисты пригоняли в цеха эшелоны взрывчатки и прямо здесь взрывали...

Подъезжают две черные машины. Из передней выходит Топоров, здоровается с Никитиным и Ломидзе. Они продолжают путь втроем. Их сопровождают, как тени, люди в штатском.

Топоров *(Никитину)*. Ваше лицо мне знакомо. Мы встречались?

Никитин. Я знаю вас только по портретам.

Топоров *(польщенный)*. Значит показалось. Итак, к делу. Ваш план неэкономичен. Возиться с развалинами — дело трудоемкое и долгое. Завод следует строить рядом.

Никитин. Но на старой территории сохранилась сеть подъездных путей, подземное хозяйство — кабели, трубы, фундаменты цехов и домен. Это готовый нулевой цикл.

Топоров. А вы гарантируете, что после взрывов все это пригодно?

Никитин. Многое пригодно.

Никитин, Топоров, Ломидзе обходят покосившуюся домну.

Топоров. Демонтаж этой махины съест все лимиты и сроки. Американцы отказались продавать нам тонкий лист. Если мы не введем в строй слябинг, не только автомобили и трубы, даже консервные банки не из чего будет делать.

Никитин. Домна — начало металлургического цикла. Пока она мертва — и прокат мертв. Начнем восстановление завода с домны. Мы не будем ее демонтировать, мы будем ее лечить.

Топоров. Мертвых лечат только сумасшедшие. Домна накренилась и может обрушиться. Внутри нее застывший шлак и металл.

Никитин. Разобьем отбойными молотками. Наклон ликвидируем: корпус домны отрежем автогеном, поднимем лебедками, к основанию приварим скошенное кольцо, компенсирующее перекося, приварим к нему корпус. И встанет домна как свечечка.

Топоров (*Ломидзе*). Ваше мнение?

Ломидзе. Блестящее инженерное решение.

Топоров. Рискованное! А рискуете вы головой!

Они идут по железнодорожному пути. Плакат: «Не перебегайте пути перед поездом. Выиграете минуты, потерять можете жизнь!»

Лебедки держат домну на весу. Лица напряжены. Одна лебедка поползла. Ее удастся укрепить. На ТЭЦ работа остановлена, люди облепили окна и проемы, высыпали на крышу. Смотрят. Никитин и Ломидзе на разных концах площадки руководят ходом дела. Наконец домна выпрямилась. «Ура» оглашает стройку. Ломидзе обнимает Никитина.

Никитин (*читает письмо*). «Прощеница просим за беспокойство. Жена Ваша, Мария Никитина, в беде живет. А как я есть правдолюб — разыскал Вас и по совести прошу помочь. Житель колхоза имени Сталина товарищ Акимов». (*Про себя.*) Шантаж или действительно Мария в беде?

Никитин едет в машине. Развилка. Указатель: направо — «Поселок Путь Ильича», налево — «Колхоз имени Сталина».

Машина сворачивает налево и вскоре останавливается в селе. Никитин окликает человека в рваной телогрейке. Они идут к избе, на крыльце которой толпится народ.

Никитин. Собрание?

Акимова. Это через мое письмо. Я отписал лично товарищу Сталину: мол, в нашем колхозе вашего имени разор. Сегодня, вишь, ответ пришел — книга об языке. Верно, касательство к колхозной жизни у языка имеется, раз лично товарищ Сталин прислали.

Никитин проходит в правление. В комнате нетоплено, накурено, людно. Со двора слышно мычание коров.

Докладчик. Подобьем итог. Корифей наук, друг советских колхозников товарищ Сталин написал гениальный труд, своевременно указывающий, что язык неклассовое явление. Освещены актуальные вопросы и даны ясные ответы. *(Слышно мычание коров.)* Что за неорганизованное мычание?!

Акимова. Коровы голодные.

Докладчик. Труд товарища Сталина о языке имеет прямое отношение ко всему. Наша неотложная задача применить гениальный труд к поголовью скота и другим неотложным задачам.

В избе темно, холодно. Мария в телогрейке и платке.

Мария. Чумичкой стала.

Никитин. Ну и живете вы тут... Руководство никуда не годится.

Мария. Руководство у нас почитай каждые полгода укрепляют.

Входит Акимова.

Акимова. Прощеница просим. Еще раз наше вам. Вот анонимку написал. Будьте ласковы, не откажите.

Мария *(тихо Никитину)*. Болезный человек. Не чурайся.

Никитин *(читает)*. Москва, Красная площадь, Мавзолей. Ленину. От колхозника Акимова из колхоза имени Сталина.

АНАНИМКА

Дорогой Ильич. Всюду писал. Даже лично товарищу Ста-

лину. А ничего не меняется и колхоз в разор идет. А лично товарищ Сталин прислали нам только книгу про язык. А что с ней делать, мы в толк не возьмем, и докладчик городской ясно не посоветовал. И коровник, и дома крышей прохудились, и трудодень плох. Отпиши, Ильич, как дальше жить, или указание какое пришли, или помощь какую.

С низким поклоном Вам, бывший красноармеец-буденновец и раненный солдат войны с Гитлером, ныне колхозник
Акимов.

Никитин (*волнуясь*). Что же ты написал, дорогой ты мой человек? Ленин-то умер. Кому же я твое письмо отдам?

Акимов. Ты личность персональная, при тебе машина с шофером. Так что не отказывайся. Чай, в газете читал: Ленин умер, но дело его живет. Вот и неси анонимку туда, где живет хоть какое дело. Не обязательно в Мавзолей.

Никитин (*ошарашенно*). Ленину. Анонимка. Невероятно!

Раннее утро. Табличка на двери: «Директор завода Никитин В. Ф.». Кабинет. Никитин сидит за столом. На стене портрет Ленина. Входит Ломидзе.

Ломидзе. Поздравляю, дружище! Собирайся в Москву и верти в пиджаке дырочку для ордена Ленина!

Входит Линник.

Линник. Товарищ Никитин, як же ж моя заява прокимнату? Писля вийны с жинкою й дитьмы в бараку живемо.

Никитин. Постараюсь, а обещать не могу. Заявлений много — жилья мало. Вот еду в Москву. Буду добиваться фондов на жилстроительство.

Кабинет Топорова. На стене портрет Сталина в форме генералиссимуса. На столе список лиц, подлежащих аресту. Среди них Никитин и Юдин. Топоров идет к Сталину.

Топоров. В связи с победой в войне и успехами в восстановлении хозяйства не следует ли смягчить наши предупредительно-карательные меры? Я думаю, нужно выдвинуть идею доброты и сталинской заботы о людях.

Сталин. Сталинская забота? Хороший лозунг. Что касается доброты, то нельзя забывать уроки истории: Иисус Христос был очень добрым человеком, и за это его распяли его собственные ученики. Доброта для государственного деятеля не является деловым качеством.

Топоров (*про себя*). Если бы он не был гением, я бы решил, что он сумасшедший. Если бы Сталина не было, его нужно было бы выдумать. Кем бы я был без него? С неруководящей работой я бы не справился.

Никитина ведут по длинным коридорам под конвоем.

Никитин (*про себя*). Вот и Москва... Только вместо ордена — ордер. Узнали? Тихо надо было сидеть.

Никитина вводят в кабинет следователя Баранова.

Баранов. Вы обвиняетесь в связях с врагом народа, бывшим министром Юдиным. Признаете ли вы себя виновным?

Никитин (*про себя*). Никитин повторяет судьбу Бокова. Только аппарат теперь работает четче. (*Вслух.*) Насчет Юдина? Как же я, директор завода, могу быть не связан со своим министром?

Баранов. Значит, связь не отрицаете. Одобряю благоразумие. Раз вы к нам попали, сидеть вам придется.

Телефонный звонок. Баранов снимает трубку.

Голос Топорова. Товарищ Баранов, мы все понесли невосполнимую утрату — скончался товарищ Сталин. Вновь начатое дело прекратить.

Баранов (*в трубку*). Слушаюсь. (*Вешает трубку.*) Нас всех постигло большое несчастье — скончался товарищ Сталин. Вы извините, но вас придется отпустить.

Баранов сидит задумавшись. Над его головой портреты Сталина и Топорова. Звонок.

Баранов. Слушаю.

Голос Топорова. Прекращение дел прекратить.

Баранов (*растерянно*). Я, согласно предыдущему указанию, уже освободил Никитина и Юдина...

Голос Топорова. С освобождением никогда не следует торопиться.

Баранов (*про себя*). Не соскучишься. Товарищ Топоров не позволит!

Бесконечная очередь. Траурные флаги. Портрет Сталина в траурной раме. Звучит траурная музыка Моцарта, Шопена. Никитин пристраивается к очереди. Очередь упирается в воинские грузовики, перегораживающие улицу, и штурмует их. Милиция на лошадях теснит людей.

Голоса из толпы.

— Пустите!

— Мы что, без очереди за мануфактурой лезем?

— Мы к Сталину идем!

Милиционер на лошади (*оправдываясь*). У нас приказ.

Старушка. При жизни не довелось, так я хоть на мертвенького взгляну. Муж в тюрьме помер, сыны на фронте погибли. Только он, родимый (*крестится на портрет*), у меня остался...

Молодая женщина (*плачет*). Что теперь будет с моим ребенком?

Вдали виден горящий огнями Дом Союзов. Очередь медленно движется.

Акимов (*мурлычет*).

Цыпленок жареный, цыпленок пареный

Пошел по улице гулять.

Его поймали, арестовали...

Голос из толпы. С ума сошел, в такой день петь?

Акимов. Усатый хвост откинул — не плакать же!

Голос из толпы. Что ты мелешь, пьяная морда?!

Акимова бьют, он отбегает.

Акимов. Ты плачешь, я пою! Кто из нас тверезый? (*Показывает на мальчонку.*) Он нас рассудит!

Женщина. Не трогайте его: человек с горя в уме повредился!

Никитин входит в Колонный зал, утопающий в цветах. Звучит траурная музыка.

Никитин (*про себя*). Океан скорби. Божественная трагедия не кончается даже со смертью Бога.

Никитин на минуту застывает перед гробом. Он пристально смотрит на лицо покойника. В следующее мгновение жи-

вой улыбающийся Сталин смотрит из гроба на мертвое лицо Никитина. Сталин встает из гроба.

Сталин (*заботливо*). Вы что-то устало выглядите, товарищ Никитин. Может быть, вам чем-нибудь помочь?

Никитин. Нет-нет, я сам.

Сталин *покорно ложится в гроб.*

Человек из очереди (*Никитину*). Вам нехорошо? Я вам помогу!

Никитин. Теперь мне хорошо. Теперь я все сам...

Колонный зал подернулся туманом. Задрожали и стали черными люстры. Цветы и венки поднялись в воздухе и закружились, словно листья в ноябре. Потолок стал опускаться, а потом взмыл вверх и разверзся. Верх стал низом и открылась адская бездна.

Никитин (*про себя*). Да он же не Бог, он — Антихрист!

Никитин огромным усилием отрывает взгляд от Сталина и, пошатываясь, идет к выходу. Его поддерживают люди.

Старушка. Надо же, как человек убивается!

Улица. На домах огромные портреты Сталина, заслоняющие окна. Вечереет. В окнах зажигается свет. Сквозь портреты просвечивает силуэт матери с ребенком. В другом окне — мужчины и женщины. В третьем — работающий человек. В четвертом — рама окна, и кажется, что портрет перевернут крестом.

Светится экран телевизора. Заставка: «XX съезд КПСС». Хрущев на трибуне. Передача кончается. Никитин выключает телевизор, и с экрана входит в комнату Зоя.

Никитин. Зоя, мне очень тебя не хватает.

Зоя. И все-таки ты счастлив?

Никитин. Для счастья я слишком многое потерял. И все же я жил! Мне знакомы и страх смерти, и ощущение бессмертия. Я вобрал в себя мир. И я раздаю себя этим непримиримым, жестоким и все же добрым людям.

Зоя. И ты счастлив?

Никитин. Помнишь Руставели:

Что отдашь — к тебе вернется.

Все, что спрячешь, — потеряешь.

Быть счастливым — это значит быть жадным к жизни и щедрым к людям.

Зоя. Я за тебя рада. Счастье может быть горьким, но оно дороже любой сладкой жизни.

Никитин. Но вкушивши сладкого, не захочешь горького. Я разыщу тебя и Вовку.

Зоя исчезает. Никитин садится и пишет письмо в ЦК КПСС. Перечеркивает, рвет. «Министру Госбезопасности СССР». Опять рвет и пишет:

*«Главному прокурору СССР
от Никитина В. Ф.»*

ЗАЯВЛЕНИЕ

*Прошу сообщить о судьбе Бокова Н. П. и его семье, репрессированных в 1937 году.
10 марта 1956 г. Н. Никитин».*

Никитин запечатывает письмо, идет по улице, ходит мимо почтового ящика туда и обратно. Наконец опускает письмо.

Никитин. Я никогда не думал, что мое поколение доживет до краха сталинизма.

Ломидзе. А я и не представлял, что возможна иная обстановка, кроме той, в которой мы жили.

Никитин. Сталинизм породил трудно обратимые процессы: рабское сознание, утрату инициативы, коллективную продрозверстку колхозов, отгороженность от мира...

Никитин в пижаме, сидит у телевизора. Звонок в дверь. Никитин открывает. Берет письмо. Адрес отправителя — Прокуратура СССР. Долго стоит. Садится на стул и вскрывает конверт. Буквы расплываются — ничего нельзя прочесть. Сквозь расплывшиеся буквы выступают мировые события последних лет.

Вновь эпический фон жизни мира врывается в фильм: заключенные строят канал Волго-Дон; атомный гриб; Сталин произносит речь на XIX съезде; почетный караул у гроба Сталина; вьетнамская деревня в огне; убийство Кеннеди; Брежнев делает доклад — и сквозь все это безумие мира

идет и никак не может пройти Зоя Бокова, а с другого конца экрана бежит ей навстречу ее сын и никак не может добежать. Нет, не только сталинизм разбил ее судьбу, а все зло и безумие мира, которые позволили состояться сталинизму. Трагедия личности выступает здесь как производная от состояния мира. А навстречу Зое идет Боков, и возникает иной эпический фон жизни мира. Фашистские знамена, брошенные к подножию Мавзолея; Черчилль произносит речь в Фултоне; Волгоградская ГЭС; праздник национальной независимости Индии; Эйнштейн читает лекцию; ракета уходит в космос; Москва встречает Гагарина; Плисецкая танцует на сцене Большого театра. И сквозь этот героико-эпический фон событий мира твердой поступью идет Боков.

Возвращается лист бумаги с расплывшимися буквами, Никитин читает: «...Н. Н. Боков и его жена З. И. Бокова посмертно реабилитированы. Сын Н. Н. Бокова был отдан в детский дом, где ему изменили фамилию, почему и не представляется возможным его разыскать. Номер детдома в деле не обозначен».

Никитин (про себя). Ни жены, ни сына, а я посмертно реабилитирован.

Сидят Никитин и Топоров.

Топоров. Ударили так, что от меня только вакантное место осталось. Топоров — фракционер! Не смешно. Но вы, Никитин, знайте: я лично отдал распоряжение, чтобы вас освободили из-под ареста.

Никитин. А распоряжение арестовать тоже лично или через секретаршу?

Топоров. Не злопамятствуйте. Мы, русские, отходчивы. Лежачего не бьют.

Никитин. Ты не лежачий, а ползучий. Но я не бью, хотя следовало бы.

Топоров. Приехал устраиваться. Масштабного места мне пока не видать. Но хоть что-нибудь... Говорят, у вас место директора электростанции свободно? Я еще могу играть роль.

Никитин (смеясь). Можете и играть роль, и петь роль, и даже плясать. Какими вы становитесь жалкими, когда теряете власть!

Дворец съездов. На трибуне XXII съезда Хрущев. В за-

ле сидят Никитин и Баранов. Они внимательно слушают.

Хрущев. ...во всей полноте раскрылись факты злоупотребления властью, факты произвола и репрессий против многих честных людей, в том числе против видных деятелей партии и советского государства.

Никитин (*про себя*). Развязка божественной трагедии? (*Баранову*.) А ведь мы встречались, товарищ Баранов.

Баранов. Не припоминаю.

Никитин. Вы меня допрашивали.

Баранов (*неловко пожимая плечами*). Служебный долг. Встреча неприятная, но я надеюсь, вы не таите обиды.

Хрущев. Центральный Комитет решил сказать правду о злоупотреблениях властью в период культа личности.

Зал аплодирует. Никитин и Баранов аплодируют.

Никитин. Аплодируете?

Баранов. Я привык идти в ногу с партией.

Перерыв заседания съезда. Фойе. Многолюдно. Никитин, Баранов, Юдин продолжают разговор.

Никитин. По-вашему, честен и тот, кто честно выполнял бесчестные поручения?

Баранов. Я боролся за коммунизм теми средствами, которые партия считала правильными, и выполнял указания.

Никитин. Кто же виноват в беззакониях?

Баранов. Никто. Было трагическое заблуждение, ошибка самой истории.

Никитин. Виновата история? Но ее делают люди.

Баранов. Значит, виноват Сталин.

Юдин. Народ имеет таких правителей, которых заслуживает.

Баранов. Значит, виноваты все.

Никитин. Не верю! Карьерист и палач Топоров ответственен, как все? Вина конкретна. Есть трагическая вина тех, кто не понимал и не мог понимать происходящее. Таких большинство. Они заслуживают сочувствия. Моральная вина на тех, кто мог, но не хотел понимать. Особо ответственные те, кто все понимал и участвовал в беззакониях. А главные виновники — те, кто давал, и те, кто выполнял указания о расправах.

Баранов. Целый табель о рангах. Смешно!

Юдин (*Никитину*). Действительно. Вы что, хотите, что-

бы жертвы объявили гражданскую войну своим гонителям? Или хотите расправиться с виноватыми сталинскими методами?

Баранов. Вот именно, нужен государственный хозяйский подход к кадрам, особенно к старым, заслуженным.

Никитин. Наследники Сталина хмелеют от малейшего глотка власти. Гарантия от реванша: процесс, подобный денацификации, которую провели немцы после падения Гитлера. Важно развенчать идею насилия во имя добра. Зло творят во имя зла. Если при этом возникает некоторый прогресс, то лишь по той же причине, по которой даже в Ливийской пустыне сквозь песок пробивается жизнь.

Баранов. Это дух реваншизма и отмщения.

Никитин. Я не за отмщение, а за необратимость исторических перемен.

Никитин сбрил бороду и помолодел. Он входит в здание ЦК КПСС, идет по коридору. Навстречу Львов.

Львов. Простите, ваша фамилия не Боков?

Никитин (*не узнавая Львова*). Не знаю, может быть, и Боков. Именно это я и хочу здесь выяснить.

Львов (*пожимает плечами, а потом обрадованно*). Ну конечно, Боков! Ты что, тоже реабилитирован?

Никитин. Да, посмертно.

Львов (*про себя*). Несчастный — сошел с ума...

Никитин входит в кабинет. За столом сидит человек, уткнувшись в бумаги. Машинально предлагает сесть. Звонит телефон.

Малахов (*в трубку*). Малахов слушает.

Никитин. Малахов, ты?!

Малахов (*вглядываясь*). Никитин? А где борода?

Голос из трубки. Какая борода?

Малахов. Позвоните позже. (*Выходит из-за стола, обнимает Никитина.*) Мода, а ты сбрил! Боишься, чтобы с Фиделем не путали? Ну, где борода?

Никитин. Ты спроси: где Никитин?

Малахов. Это я знаю. Чай, грамотные, газеты читаем. Гремись! Горжусь однополчанином!

Никитин. Погоди, я к тебе — официально. И если фронтовая дружба помеха, то перешли меня к другому партследователю.

Малахов. А что, неприятности? Я ничего не слышал.

Никитин вынимает бумаги и кладет их на стол.

Никитин. Неприятности или приятности — сам определить не могу. Вот заявление. Вот документ о моей посмертной реабилитации. А вот мои два партбилета: Бокова и Никитина.

Малахов с волнением просматривает документы.

Малахов. Детективный роман какой-то. История графа Монте-Кристо, а не заявление в Комиссию партийного контроля. Не ожидал от тебя... Чего же ты хочешь?

Никитин. В заявлении все сказано. Хочу восстановить мое настоящее имя, прошу помочь разыскать сына. И хочу добиться посмертной реабилитации Чекина. У меня долг перед ним.

Малахов. ...Выходит, ты скрыл прошлое, когда вступил в ряды?

Никитин. Можно, конечно, и с этой стороны рассмотреть мое дело.

Малахов. Я твой рекомендатель — обоим отвечать.

Никитин. На фронте ты не был ни трусом, ни догматиком.

Малахов. При чем тут догматизм! Партия есть партия, а обман — обман. С другой стороны, Боков посмертно реабилитирован... А как ты воевал, я помню. С третьей стороны, столько лет человек живет по подложным документам: у тебя даже психология должна быть непойманного преступника. Если бы тебя в 37-м расстреляли — все было бы нормально: посмертно реабилитировали бы, и все дела. А ты все запутал, и что с тобой теперь делать — ума не приложу.

Никитин. А ты приложи.

Большая стройка. В центре площадки идет демонтаж скульптуры Сталина. Мощный башенный кран. Вокруг шеи Сталина обвит трос. Рядом еще один кран.

Долгов. Подымай!

Трос натягивается. Сталин повисает в воздухе. Рабочие уходят на обед. Сталин болтается на тросе. Одни прохожие смеются, другие возмущаются. Боков останавливается, смотрит.

Боков (про себя). Все нужно делать достойно.

Боков решительно взбирается на кран и пытается повернуть его. Стрела крана, описав круг, возвращается на прежнее место. Трос скользит вниз, и Сталин вновь оказывается

на пьедестале. Трос соскальзывает с шеи и обвивает основание пьедестала. Возвращаются с обеда рабочие, увидев Сталина на пьедестале, со страхом пятятся. Появляется Долгов.

Долгов (идет к крану и кричит). На моем объекте наследники Сталина?! (Поднимается в кабину крана.)

Никитин. Долгов?

Долгов. Боков? Вот так встреча. Но мы квиты: ты меня тогда подстрелил в степи. Так что можешь закрыть счет. А вот к нему (показывает на Сталина) счет я не закрою: обманул — оказался гениальным ничтожеством! Все стало зыбким, а ведь на какой крови было замешано! Власть — это страх. Его боялись! А демократию никто не боится. Я вам покажу демократию!

Боков. Кончилось твое время! Они (кивает на людей внизу) не позволят тебе приняться за старое. И я не позволю.

Долгов. Я от дедушки ушел, я от бабушки ушел...

Боков пытается не дать Долгову уйти и задевает рычаг крана. Сталин то повисает в воздухе вверх ногами, то возвращается на пьедестал, то опять висит с петлей на шее. Долгов бежит вниз по вертикальной лестнице, но цепляется за крюк другого крана и повисает на нем. Над городом раскачиваются две фигуры — Сталина и Долгова. Вот-вот они столкнутся...

Долгов (кричит). Я за демократию! Я за гласность! Я за перестройку! Я ваш! Я нам нужен! Я еще пригожусь!

Боков перебирает рычаги управления. Монумент выделывает немыслимые пируэты и наконец отвесно рушится на землю. Когда рассеивается пыль, Долгова уже нигде нет, только раскачивается трос, на котором он висел.

Боков (спустившись вниз). Где тут ваш начальник?

Голоса:

— Сталиным придавило.

— В машине уехал.

— Сняли с повышением.

— Где-нибудь объявится.

Боков сидит у телевизора. На экране Хрущев. Экран мигает.

Хрущев. Догоним... Перегоним... Выполнили... Перевыполнили... Успехи... спехи... Победы... беды...

Хрущев снимает ботинок и бьет им по трибуне.

Боков выключает телевизор. Под звон курантов из темноты экрана возникают Сталин и Хрущев.

Сталин. Я тебе сам завещал: когда будет плохо — вали на меня. И все же XX съезда я тебе, Никита, никогда не прощу!

Хрущев. Напрасно сердитесь, товарищ Сталин. Разоблачения ваших злоупотреблений укрепило партию.

Сталин. Вы тут помешались на разоблачениях. Уже мертвых разоблачаете. Я же учил вас, как работать с кадрами: живых надо разоблачать.

Хрущев. Мне от вас в наследство целый загробактив достался. Одного посмертно реабилитирую, другого разоблачаю. До живых руки не доходят.

Сталин. Американской деловитости не хватает.

Хрущев. По кукурузе мы их догнали и по деловитости догоним!

Сталин. Пустомелизм и пустозвонизм. Ни один вопрос до конца довести не можешь. Начал мое персональное дело — так я уже и сам не знаю, кто я: то великий ленинец, то культ личности, то убийца на троне, то выдающийся марксист. Сапоги всмятку.

Хрущев. Вы же сами учили гибкости в политике.

Сталин. У тебя перегибы в гибкости.

Хрущев. Перегибы — это дела времен культа.

Сталин. А ты зато хозяйство развалил. Управление так запутал, что сам себе дедушкой приходишься.

Хрущев. А вы зато сами про себя писали, что вы гений, вождь всех народов, корифей всех наук и друг советских физкультурников!

Сталин. Замолчи!

Хрущев. Не могу молчать. Слабость к слову имею и недержание. Культу вашей личности кузькину мать показываю.

Сталин наступает на Хрущева. Хрущев пятится, поворачивается и бежит. Сталин за ним. Они бегут по улицам Москвы, Ленинграда, Киева, Ташкента, по полям и лесам. Временами Сталин догоняет Хрущева, хватая его за пиджак. Хрущев вырывается и бежит, подбегает к пропасти, за которой залитая солнцем, цветущая земля. Хрущев мечется.

Брежнев и Суслов. Прыгай в два прыжка!

Хрущев разбегается и летит в пропасть. Соратники Хру-

щеза поворачивают и бегут навстречу Сталину. Молча обнимают его и оказываются на сцене Большого кремлевского дворца, полного знатных людей. Руководители садятся за стол президиума. Сталина прячут под стол.

Сталин (из-под стола). Когда станет совсем плохо, делай, как я.

На трибуну выходит Брежнев.

Брежнев. Покончим с волюнтаризмом и введем идиотизм. Экономика должна быть экономной. Сэкономим продовольствие: будем кормить народ программами...

Сталин (из-под стола). ...Окажи интернациональную помощь Пражской весне и братскому Афганистану!

Брежнев. Окажем интернациональную помощь Чехословакии... (Танки на улицах Праги.) Введем ограниченный контингент в Афганистан... (Боевые действия в Афганистане.)

Боков. ...народ безмолвствует.

К Кремлевской стене несут гроб с телом Брежнева... Потом гроб с телом Андропова... гроб с телом Черненко...

Брежнев и Хрущев на том свете.

Брежнев. Ты что-нибудь построил?

Хрущев. Нет.

Брежнев. И я нет. Так чего же они там перестраивают?

Горбачев (Сталину). Как вы относитесь к плюрализму?

Сталин. На этот счет не может быть двух мнений.

Сталин (сажает экачепистов за стол, сам прячется под стол и суфлирует.). Введите чрезвычайное положение, танки! (Янаев читает постановление ГКЧП.)

Над Кремлем российский флаг.

Боков. В каждом веке есть свое средневековье. Наше кончилось с ликвидацией путча в августе 92-го. Сталинская система принципиально не поддается перестройке. Только переделка! Нужны свобода слова и общения с миром, переход от дензнаков к деньгам, рынок, где все покупается и продается, все — кроме чести.

Боков подходит к кинотеатру «Россия» на площади Пушкина. Очередь за билетами. Реклама: «Новый художественный фильм «Воскресший из живых». Боков стоит в очереди за билетами. Дети кормят голубей. Навстречу друг другу идут две демонстрации под разными флагами. В очереди споры о современной жизни: о ценах, об отъезде, о патриотах, о приватизации и коррупции, о мафии, о будущем.

Боков в зале кинотеатра. Гаснет свет. Идут первые кадры фильма: на письменном столе лежит лист с надписью: «Отчет за истекший период». Свет и тени экрана отражаются на лицах зрителей.

В 1994 году выйдут четыре номера журнала «Русское богатство».

№ 1 — Владимир ВОЙНОВИЧ

№ 2 — Григорий ПОМЕРАНЦ

№ 3 — Юрий ТРИФОНОВ

№ 4 — Владимир НАБОКОВ.

Стоимость годовой подписки на 4 номера «РБ» — 1.800 р.

Вы можете подписаться на любой из четырех номеров, либо на два номера по своему выбору. В этом случае стоимость подписки будет соответственно — 500 и 1000 рублей (включая доставку). Подписные деньги высылаются на расчетный счет журнала «Русское богатство» № 345005 в АКБ «Авиабанк», корр. счет 161820, МФО 299112 — с пометкой «на подписку». Полученная вами квитанция дает гарантию на получение номера журнала. Не забудьте указывать свой обратный адрес.

А. П. З л о б и н, редактор-издатель

Читайте в ближайшем номере
журнал одного автора
«РУССКОЕ БОГАТСТВО»

1994, № 1 (5)

Новые возможности для самовыражения.
380 страниц увлекательного чтения: все жанры прозы и драмы, сказки и стихи, публицистика, переписка.

ВЛАДИМИР ВОЙНОВИЧ

ГОСУДАРЕВ УКАЗ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ОТ ПЕРЕДЕЛКИНО ДО ПЕРЕПАЛКИНО

НОВЫЕ ГЛАВЫ О ЧОНКИНЕ —

на рабочем столе

ИЗ ПЕСНИ СЛОВА НЕ ВЫКИНЕШЬ

ОТЦЫ И ДЕТИ — дед, отец, дочь

МЕЖДУ ЖАНРАМИ

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

Все произведения Владимира Войновича печатаются в нашей стране впервые. Русский писатель рассказывает историю своего изгнания и возвращения на родину.

ВОЙНА И АНТИМИР

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ В МЕЖПЛАНЕТНОМ МАСШТАБЕ

ПРОЛОГ

Редактор сидит в фундаментальном кресле за массивным письменным столом на авансцене. Из-за занавеса появляется Автор.

Автор. Здравствуй, уважаемый редактор! Я считаю, что редактор должен быть включен в творение художественного произведения, тогда ему не придется потом ничего ни править, ни вычеркивать. Я вышел из творческого тупика и создал заявку на пьесу об Адаме и Еве.

Редактор. Сам замысел содержит умысел: пошлое стремление в прошлое. Эдак ненароком легко оказаться с идейным пороком, и критика скажет: ваша пьеса не наша пьеса.

Автор. Учел критику и перестраиваюсь. Наступаю на горло собственной пьесе и меняю тему. Я изображу гармоничное общество, возглавляемое физиками и лириками.

Редактор. Далекое будущее тоже не актуально. Дайте живую современность!

Автор. Хорошо. Пойдем на взаимные уступки. Действие происходит в недалеком будущем на Марсе и Венере. Народы, населяющие эти спутники Солнца, управляются мудрыми и гуманными правительствами, каждое из которых ненавидит своих коллег с соседней планеты. Главная мысль моей пьесы...

Редактор. В произведении не должно быть мыслей, иначе оно будет безыдейно.

Автор. Благодарю за ценные замечания. Прошу сочувственным оком оглядеть список действующих лиц.

(Сверху спускается список действующих лиц.)

- ЭН (в просторечии Эйнштейн) — типичный представитель Разума, главный физик Венеры
- ЭН-второй — зеркальное отражение Эйнштейна, главный физик Марса
- Секретарша — типичная Красота, женщина с планеты Венера, приятная во всех отношениях
- Гитлер (кибернетический вариант) — типичное Зло
- Автор — типичное Добро, драматург, временно исполняющий обязанности Шекспира
- Редактор, он же Бог Войны I
Бог Войны II (Марс)
- Ромео — типичный юноша с планеты Венера
- Кибернетический вариант Ромео — идеальный юноша
- Джюльетта — типичная девушка с планеты Марс
- Кибернетта — идеальная конструкция Джюльетты, невеста на уровне современной техники¹
- НЕЧТО из ряда вон выходящее

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Редактор. Уточните Нечто и начинайте. Вечно вы, драматурги, запаздываете и отстаёте от жизни.

Автор (зрителям). Итак, действие начинается на Венере в Институте физики. (*За кулисы*). Будьте добры, занавес!

¹ Роли Джюльетты и Кибернетты играет одна актриса, роли Ромео и Кибернетического Ромео — один актер.

Кабинет Главного физика Венеры. Письменный стол. Странные книжные шкафы (книги повешены на невидимых лесках и висят в воздухе на разной высоте). Огромная кибернетическая машина. Телематериализатор (объемный телевизор). Огромный телескоп. Все подсвечено голубоватым светом. Физик ЭН работает. Ромео смотрит в телескоп. Редактор сидит в фундаментальном кресле за письменным столом на авансцене, внимательно следя за действием, время от времени вставляя замечания и корректируя пьесу по ходу спектакля.

ЭН. Ромео, ты все заглядываешься на эту марсианку Джульетту? Тебе же поручено наблюдение за военными хитростями Марса!

Ромео (*не отрываясь от телескопа*). Женщина — главная хитрость Вселенной.

ЭН. Ты не физик, а шизик. Говорят, нет женщин, есть антимужчины, Джульетта же — антимужчина из антимира. Она вся состоит из антивещества. Прикосновение к ней смертельно: произойдет аннигиляция — вспыхнет костер материи.

Ромео. Это все физика, не имеющая никакого отношения к лирике. Я люблю Джульетту, и это метафизично. Посмотрите, какие у нее красивые веснушки на носу.

Ромео *включает огромный телевизор, и на экране появляется во весь рост Джульетта. Слышна музыка Прокофьева к балету «Ромео и Джульетта».*

Джульетта (*с экрана*). Я воплощенье ненавистой силы. Некстати по незнанию полюбила! Что могут обещать мне времена, когда врагом я так увлечена? О мой Ромео! (*Джульетта с экрана тянет руки к Ромео. Ромео устремляется к ней.*)

ЭН (*подходит к телевизору и выключает его*). Космическую энергию нужно расходовать на общественные, а не на личные цели.

Звонок. Редактор снимает трубку и почтительно слушает. Ромео устремляется к телескопу и смотрит в него. Оторвавшись от телефонной трубки, редактор встает из-за стола и выходит на авансцену.

Редактор (*торжественно*). Уважаемый Главный физик. От имени и по поручению Всевенерского правительства, Автора, заинтересованных организаций и от себя лично приветствую и поздравляю вас с новым ответственным заданием. Вам поручено по ходу спектакля смоделировать на ки-

бернетической машине величайшего полководца всех времен и народов. Запрограммируйте в него всемирный военный опыт от Чингисхана до Мальбрука. Венера наконец покончит с Марсом.

Редактор садится на место. ЭН погружается в глубокую задумчивость.

Ромео. Но там же моя Джульетта!

Редактор. При чем здесь Джульетта? Подсчеты показывают, что космический конфликт взаимовыгоден.

ЭН (*про себя*). Что же делать? Все секретно. Не с кем посоветоваться. Ромео не в счет. Он, кроме Джульетты, ничего не видит. Придется звать автора пьесы. (*Хлопает в ладоши*). Помогай! (*ЭН и Ромео усиленно хлопают в ладоши*).

Редактор. Уважаемые зрители, похлопайте, пожалуйста, поддержите ценную инициативу. Автор, конечно, еще не Шекспир, но ради гласности давайте вызовем его на сцену. Ничего не следует делать в спектакле без автора.

ЭН, Ромео, Критик хлопают. Входит Автор.

Автор (*кланяясь публике*). Благодарю за внимание. Разрешите считать, что ваши аплодисменты свидетельствуют о единодушном одобрении моей пьесы. (*Редактору.*) Всецой моей дальнейшей работой я постараюсь оправдать высокое доверие всех аплодирующих лиц.

ЭН (*прерывая поклоны Автора и оттаскивая его за рукав от рамы*). Имею ли я моральное право изготовить оружие, способное уничтожить мир?!

Автор. Я в этом спектакле не участвую. Моя задача — вас создать и поставить перед вами мировые проблемы, а решения ищите, пожалуйста, сами.

ЭН. Но нельзя же в самом начале пьесы ставить жизнь мира в зависимость от моего единоличного решения. Я должен с кем-нибудь посоветоваться. Иначе я быстро создам сверхполководца, и спектакль окончится, еще не начавшись.

Автор. Советуйтесь сами с собой. Вот вам зеркало.

Автор вносит зеркало и уходит. ЭН подходит к зеркалу.

ЭН. Ну, что ты можешь посоветовать? Ведь ты — это я.

Голос ЭН-второго из зеркала. Я — не ты, а лучшая твоя половина.

ЭН-второй выходит из зеркала. Он абсолютно похож на ЭН. Оба подходят к столу, садятся в удобные кресла. Минутная неловкость, ЭН и ЭН-второй разглядывают и трогают друг друга за нос, за усы. У ЭН-второго усы отклеива-

ются, и парик съезжает с головы, он поправляет и водворяет их на место.

ЭН. Обстановку ты знаешь. Как поступить?

ЭН-второй. У нас мало данных для решения этой проблемы.

Редактор. Как мало данных?! Вы что, газеты не читаете? Разве вы не в курсе?! У них там на Марсе не тот порядок, который нам нужен. С этим безобразием нужно кончать, а заодно и с этой планетой.

ЭН и ЭН-второй (в один голос). Но там же целая цивилизация!

Редактор. Это цивилизация, не сообразующаяся с правами человека и с принципами, господствующими на нашей планете. Они граничат с нами, и их границы слишком близко подходят к нашим границам. Отсюда безграничная опасность пограничных конфликтов. У нас есть все основания опасаться, что, боясь нас, они уничтожат не только нас, но и нашу безопасность. Поэтому совершенно логична наша решимость уничтожить их, чтобы они раз и навсегда перестали нас бояться. Лучше, чтобы некоторые жили после катастрофы, чем все—перед. Гибель мира откроет широчайшие перспективы его преобразования и совершенствования. Вы должны играть в этом спектакле, руководствуясь тем, что на вас возложена почетная миссия: совершение Добра.

ЭН. Но разве можно творить добро с помощью зла?!

Редактор. Именно этим человечество и занимается всю жизнь.

ЭН-второй. Действительно, история всегда разрешала свои трудности с помощью оружия.

ЭН. Но это же вмешательство в чужие дела!

Редактор. Только вмешиваясь в чужие дела, можно добиться всеобщего блага. Насилие над насильниками во имя насилуемых—дело рук самих насилуемых. Мы действуем верно, потому что мы действуем правильно, и поэтому любое наше действие исторически оправдано. Агрессия, совершенная вовремя, является превентивной войной и поэтому носит оборонительный характер. Такая агрессия отвечает интересам человечества.

Ромео. Вы заботитесь о благе человечества. А я—человек—несчастлив. Это несправедливо!

Редактор. В этом спектакле все действия должны быть

направлены на достижение общемирового счастья. Не следует размениваться на мелочи.

Ромео. Я не мелочь! Я целая вселенная! Начните всеобщее процветание с меня. Это так просто. Пусть в мире появится хотя бы один счастливый человек.

Редактор. Это порочная теория малых дел. (К ЭН.) И вы, как ученый и гражданин, должны в этом месте спектакля дать решительный отпор этой антинаучной теории. (К ЭН-второму). А вы, как член коллектива, должны поддерживать начинание своего коллеги.

ЭН-второй (Ромео). Вот видишь, мы не можем стать на путь отдельных неорганизованных добрых дел.

Ромео. Но в мире идет цепная реакция зла. Прервите ее. Начните с меня. Одно бескорыстное доброе дело перевернет мироздание. Дайте мне Джульетту.

ЭН. Но я же тебе популярно объяснял. Джульетта состоит из антивещества.

ЭН-второй. Да, да, она — антитело. Соприкосновение с ней вызовет аннигиляцию: вы моментально сгорите.

Ромео. Еще Шекспир писал:

Нет участи прекраснее на свете,
Чем от любви сгореть к Джульетте.

ЭН-второй. Все влюбленные — безумцы. (Тихо к ЭН.) Между прочим, он прекрасный экземпляр для постановки важного социального эксперимента: попробуем-ка сделать для него кибернетический вариант Джульетты. Мы осчастливим человечество, если заменим жен программируемыми машинами.

Редактор. Правильно. Вот видите, совершенно другая — чисто общественная — постановка вопроса. Продолжайте в том же духе.

ЭН. Решено! (К Ромео.) Мы сделаем тебе Джульетту еще лучше настоящей.

Ромео. Лучше мне не надо, мне нужна она.

ЭН-второй. Хорошо, не лучше — не хуже. Дай нам ее описание и основные биографические данные.

Редактор. Вот именно. Заполни анкету: пол, возраст, социальное происхождение, состояла — не состояла, была — не была, подвергалась — не подвергалась.

ЭН нажимает кнопку магнитофона, и слова Ромео записываются на пленку.

Ромео. Она затмила факелов лучи!
 Сияет красота ее в ночи,
 Как в ухе мавра жемчуг несравненный,
 Редчайший дар, для мира слишком ценный!
 Как белый голубь в стае воронья —
 Среди подруг красавица моя...
 И я любил! Нет, отрекайся взор:
 Я красоты не видел до сих пор!

ЭН. Весьма туманный портрет. Но все-таки попробуем.
ЭН и ЭН-второй включают магнитофон и вставляют его в кибернетическую машину. Кибернетическая машина начинает светиться, мигают лампочки. Изнутри слышен записанный на магнитофон голос Ромео.

Ее сиянье факелы затмило,
 Она, подобно яркому бериллу
 В ушах арапки, чересчур светла
 Для мира безобразия и зла.
 Как голубя среди вороньей стаи,
 Ее в толпе я сразу отличаю,
 Я к ней пробьюсь и посмотрю в упор,
 Любил ли я хоть раз до этих пор?
 О нет, то были ложные богини.
 Я истинной красы не знал доныне.

Ромео, ЭН, ЭН-второй с напряжением ожидают результата эксперимента. Слышна тихая таинственная музыка, которая сменяется громким торжественным маршем. Под этот марш из кибернетической машины выходит девушка, очень похожая на Джульетту и отличающаяся от нее только еле уловимой механической жесткостью движений и интонаций. Кибернетта держит в руках томик Шекспира.

Кибернетта. Разрешите представиться. Я — Кибернетта — усовершенствованный вариант Джульетты, легко программируемая, самообучающаяся любви и нежности машина, а точнее сказать, девушка.

ЭН и ЭН-второй начинают какой-то спор между собой. Ромео стоит в оцепенении, потом бросается к Кибернетте и со священным трепетом дотрагивается рукой до ее руки.

Ромео. Я ваших рук рукой коснулся грубой,
 Чтоб смыть кощунство, я даю обет:
 К угоднице спаломничают губы
 И зацелуют святотатства след.

Кибернетта (*произносит, как выученный урок. Иногда она открывает томик Шекспира и подсматривает в текст.*)

Мой пилигрим, пожатье рук законно.

Пожатье рук — естественный привет.

Паломники святыням бьют поклоны.

Прикладываться надобности нет.

Ромео. Однако губы нам даны на что-то?

И я уверен: им нужна работа. (*Целует ее.*)

Вот с губ моих весь грех теперь и снят.

Кибернетта (*снова заглядывает в томик Шекспира*).

Зато мои впервые им покрылись.

ЭН *подходит к Кибернетте, отнимает у нее томик Шекспира и закладывает его в Кибернетту.*

Ромео. Тогда отдайте мне его назад.

Кибернетта. Мой друг, где целоваться вы учились?

Ромео. Я самоучка.

Редактор (*Ромео*). Стоп! Здесь вы, юноша, должны объяснить своей невесте, что для этого на нашей планете Венера открыт Университет культуры. Там обучают искусству, морали, любви и прочей художественной самодеятельности. Здесь будет весьма уместно развернуть широкую панораму нашего культурного строительства, показать наш авторитет и приоритет. Культура любви поднята у нас на Венере на недосягаемую высоту. Венера — родина любви.

Кибернетта. Хочу самообучаться любви. А что спрашивают на вступительных экзаменах?

Ромео. Только разницу между мужчиной и женщиной.

Кибернетта. О! Это проще простого: мужчины носят брюки, женщины — юбки.

Ромео. Какая прелестная наивность.

Редактор. Ужас, какое невежество!

ЭН (*снимает трубку и звонит по телефону*). Алло! Ректор Университета? Говорит Главный физик. (*Редактор снимает трубку параллельного телефона на своем столе и слушает.*) Прошу зачислить мою ближайшую родственницу. Фамилия? Кибернетта Капулетти. Что? (*В растерянности.*) Общий порядок?

Редактор (*в трубку*). Главный физик Венеры по должности, согласно инструкции для служебного пользования, имеет право на внеконкурсное прохождение его родственницы по списку № 1.

Ромео (*вырвав трубку из рук ЭН*). Алло, кто ведет

практические занятия на семинарах по любви? Кто? Кто? Дон Жуан?! Прошу освободить Кибернетту от производственной практики.

Кибернетта (*со вздохом огорчения*). А я уж самонастроилась на Дон Жуана.

ЭН (*взяв телефонную трубку у Ромео*). Прошу произвести программирование Кибернетты на первую брачную ночь (*Кладет трубку*). Ну, дети мои, поздравляю вас. Кибернетта принята в Университет культуры. Она пройдет ускоренные курсы переподготовки, повышения квалификации, ликвидации сексуальной безграмотности и наивности. И вы сможете оформить свой брак по всем законам Венеры. Учись, дочь моя, ученье сокращает нам опыты быстротекущей жизни. А ты, Ромео, проследи, чтобы ее правильно запрограммировали.

Ромео и Кибернетта, взявшись за руки, уходят.

ЭН-второй (*радостно потирая руки*). Так, один уже счастлив!

ЭН. Теперь можно позаботиться и об остальных людях, населяющих мироздание.

ЭН-второй. К сожалению, мы еще экономически неподготовлены наладить массовое производство Кибернетт.

Редактор. Вот видите, здесь вполне логично начать развитие действия пьесы и поиски всеобщего счастья в другом направлении. Вспомните об ответственном задании, которое вы получили. Экономические трудности всегда заставляют искать выход в войнах. А общемировая война — лучший путь к общемировому счастью.

ЭН. Не уверен.

ЭН-второй. Это нужно проверить.

Редактор. Проверить трудно: в авторитетных сочинениях нет никаких цитат на эту тему.

ЭН. Эврика! Нашел! Сверим наши идеи с историей Земли. Там создано счастливое общество, и мы можем перенять их передовой опыт.

ЭН-второй. А вдруг мы неверно истолкуем их опыт?

ЭН. Так пусть они сами себя толкуют. Давайте вызовем типичных представителей человечества из разных эпох. Автор предоставил нам полную свободу. Что нам стоит пригласить нужных людей на сцену и сделать их действующими лицами?

ЭН-второй. Но пока они прилетят к нам на Венеру,

наш спектакль окончится. Кроме того, многие деятели истории давно не существуют.

ЭН. Мы их создадим лабораторным путем. У нас уже есть практика — сотворение идеальной жены для Ромео. Референты подготовят нам объективки. Данные мы заложим в кибернетическую машину и спрограммируем.

Редактор. Правильно, в наш век создать исторических деятелей — раз плюнуть!

ЭН-второй. Так-так. Создадим, а потом каждый типичный представитель Земли выскажется «за» или «против» уничтожения Марса.

ЭН нажимает кнопку звонка. Входит Секретарша.

Секретарша. Чао!

ЭН и ЭН-второй. Что-что?

Секретарша. Приветик, говорю. Чао! Это здрасьте то ли по-китайски, то ли по-индобразильски.

Редактор. Какой прекрасный полнокровный образ! Смелее отражайте нашу молодежь! Замечательно! Молодая девушка впервые выходит на сцену и уже знает два иностранных языка. Дорогу молодежи! А пожилых — на пенсию или на мыло.

ЭН и ЭН-второй (*учтиво поднимаясь с кресел*). Здравствуйте!

Редактор. Вы оформлены на должность Секретарши в нашем спектакле и можете включиться в действие.

Сверху спускается пишущая машинка. Секретарша садится за стол и приступает к работе: она печатает на машинке, строит глазки и посылает воздушные поцелуи.

ЭН-второй. Кого же нужно создать?

ЭН. Во-первых, типичное Зло.

ЭН-второй. Гитлер!

Редактор. Вполне подходящая кандидатура на роль Зла.

ЭН (*Секретарше*). Запишите, пожалуйста, Гитлера. Во-вторых, необходимо типичное Добро. А что если Шекспир?

Редактор. Годится. Нам нужны свои Байроны и Шекспиры. (*Секретарше*.) Зачислите. Большую роль в нашем спектакле может сыграть и Разум. Предлагаю кандидатуру Эйнштейна.

Секретарша. Стоп! У меня — замечание. Автор нашей пьесы в одну интимную минуту признался мне, что Главного физика Венеры он задумал именно как Эйнштейна. Автор

назвал вас ЭН, только учитывая особую секретность вашей работы.

ЭН и ЭН-второй (*вместе*). Так кто же из нас Эйнштейн?

Секретарша. Вы оба.

Редактор. На наш спектакль хватит и одного Эйнштейна! Нечего разводить семейственность, насаждать групповщину и раздувать штаты. Одному из вас придется покинуть сцену или по сокращению штатов, или по собственному желанию, или мы вас не проведем по конкурсу. (*ЭН-второму*). К тому же вам больше 65 лет, пишите заявление, мы вас отправим на пенсию.

ЭН-второй (*редактору*). Как, меня убрать со сцены? Я — Эйнштейн — Моцарт физики, а вы — жалкий Сальери атомного века. Вы не гений, ибо гений и злодейство — две вещи несовместные!

Редактор. Редактору вредно быть гением. Это мешает работе.

Секретарша. Правильно, две тещи несовместные. Я тоже против совместительства. Автор обещал мне, что по ходу спектакля я стану любовницей Эйнштейна. Если Эйнштейнов будет двое, боюсь, что это подорвет мое здоровье и я уже не смогу вдохновлять Автора нашей пьесы.

ЭН-второй безнадежно машет рукой, садится за стол и пишет заявление, передает его Секретарше, та отдает заявление на подпись Редактору.

ЭН-второй. Вы еще пожалеете! Я эмигрирую на Марс. Там я разыграю спектакль не хуже вашего.

ЭН-второй входит в зеркало и исчезает.

ЭН. Эйнштейн — марсианин! А если теперь Марс создаст сверхполководца? Что мы натворили! Вдруг у них поставят тот же спектакль, что и у нас?!

Секретарша. А нам до фени!

ЭН. Не понимаю.

Секретарша. До лампочки!

Редактор. Ваше дело — играть свои роли, доверяя общее руководство событиями мне и другим представителям инстанций. Кого еще нужно создать в кибернетической машине?

ЭН. Не знаю. У меня теперь нет советчика. Мы уже уволили по сокращению штатов второго Эйнштейна.

Редактор. Незаменимых Эйнштейнов нет. Сокращение средств — средство экономии средств. Возьмите у билетерши

программку, посмотрите состав действующих лиц и узнаете, кого еще нужно вызвать на сцену. Все должно идти согласно штатному расписанию, в соответствии с планом, решениями и постановлениями.

Секретарша нагибается в зал и берет у билетерши программку.

Секретарша (читает). Зло. Зло есть. Гитлер уже запланирован. Добро. Шекспир запланирован. Ум есть (*показывает на ЭН*). Осталась Красота! Ну, это проще всего.

ЭН. Красота? У нас уже есть прообраз Джульетты.

Ромео (высовываясь из-за кулис). Делайте опыты на собаках. Джульетту я не дам.

Редактор. У тебя средневеково-рыцарские и феодально-байские пережитки в отношении к женщине. Ты уводишь Джульетту в узкий мирок личной жизни.

Ромео (высовываясь из-за кулис) Человек, лишенный личной жизни, живет не в обществе, а в стаде.

Редактор (Секретарше). Поручаю вам шире развернуть критику и самокритику Ромео.

Секретарша (Ромео). Анархист, индивидуалист, нигилист, эгоист. Э... э... э... (*К ЭН.*) Не хватает эрудиции для развернутой критики этого безобразного...

ЭН. Тогда вернемся к прекрасному. (*Задумчиво перечисляет.*) Венера Милосская, царица Тамара, Клеопатра, Манон Леско... э... (*Напряженно вспоминает.*) Нана, Беатриче, Лаура.

Секретарша. Вас так и тянет в прошлое. Вы забываете указание Редактора: «Ближе к современности».

ЭН. Но красота вечна. Красота всегда современна. Она не стареет.

Секретарша. Я еще не в том возрасте, когда нуждаются в таких комплиментах.

ЭН (продолжает напряженно думать). Ближе к современности... Так... Мэрилин Монро...

Секретарша. Ближе!

ЭН. Оза!

Секретарша. Еще ближе!

ЭН (радостно). Эврика! Нашел! Бриджитт Бордо!

Секретарша (захлебнулась от возмущения). Как, эту сексбомбу устаревшего образца? (*На одном дыхании, не отставиваясь*). Да я взорву ваш спектакль! Я попрошу Автора, — и учтите, попрошу его в такую минуту, когда он не

посмеет мне отказать! — чтобы он выбросил всех вас из этой пьесы!..

Редактор. Успокойтесь! Я не допущу никакого гнилого либерализма, модернизма, экзистенциализма, крестинизма и конформизма. Эти понятия рифмуются со словом клизма. Прошу Автора обратить на это особое внимание.

Секретарша. Я успокоюсь, а вы тем временем сделайте какую-то Бриджитт Бордо мисс Венерой. И я, лучшая женщина Венеры, должна все это стерпеть?

Редактор. Правильно! Где же забота о выдвижении местных молодых кадров?!

ЭН. Конечно-конечно! Я согласен.

Секретарша. Отлично. Тогда с этой минуты я, во-первых, мисс Венера, во-вторых, типичная Красота и, в-третьих, ваша официальная любовница.

Редактор (*хихикая*). Любовница? Не слишком ли это, так сказать, фривольно? (*Строго.*) Этот вопрос нужно согласовать... (*Показывает на потолок.*)

Секретарша. Я совершенно точно знаю, что там (*показывает на потолок*) готовят постановление против ханжества.

Редактор. Давно пора покончить с ханжеством — этим позорным пережитком наших недостатков. В принципе мы не против внебрачных отношений, если они находятся под бдительным контролем общественности и не перерастают в их нравы и аморалку.

ЭН покорно подходит и целует Секретаршу. Она начинает расстегивать кофточку и раздеваться.

ЭН. Нет! Нет, остальное потом. Не забывайте, что мы на сцене и идет спектакль.

Секретарша. У меня нет секретов от мировой общественности. (*Продолжает раздеваться.*) Если Бриджитт Бордо позволяет себе стриптиз, то при моих данных я могу себе позволить и нечто большее.

ЭН. Умоляю, дальше не надо! Вы сорвете спектакль. Я уверен, что наш Редактор этого не допустит!

Редактор (*в растерянности*). Вот именно. Давайте бороться с ханжеством, не нарушая решительного осуждения абстрактного гуманизма и конкретного низкопоклонства.

Секретарша остается в купальном костюме.

Секретарша. Я уступчива и дальше не раздеваюсь, но при одном условии: в нашем спектакле у меня не должно

быть никаких наперсниц, напарниц и соперниц. И вообще! Кроме меня, всех женщин моложе шестидесяти лет долой со сцены!

ЭН. С этим я уже примирился. Теперь оденьтесь и принесите мне досье на Гитлера. Начнем программировать фюрера.

Секретарша послушно одевается, уходит за кулисы и возвращается с кипой газет и книгами «Майн Кампф» и «Нюрнбергский процесс».

ЭН. Заложите, пожалуйста, все это в кибернетическую машину.

Секретарша вкладывает книги в аппарат. В аппарате начинают мигать лампы и раздается немецкий марш.

Редактор. Пока Гитлер самообучается, рекомендую вам заняться созданием и идейно-эстетическим воспитанием Шекспира.

ЭН (*секретарше*). Принесите, пожалуйста, материалы.

Секретарша. Что именно?

ЭН. Полное собрание сочинений Шекспира.

Секретарша уходит и возвращается со связками книг. В это время свечение ламп и музыка в машине достигают высшего предела, и из машины выходит Гитлер. Он делает традиционное приветствие.

Гитлер. Хайль Гитлер! (*Брезгливо обнюхивает ЭН*). Национальность? (*Секретарше*.)

Секретарша. Не беспокойтесь, господин Гитлер, у нас на Венере даже Эйнштейн не еврей.

Гитлер успокаивается и садится.

ЭН (*Гитлеру*). Нам важно знать ваши соображения по поводу наших соображений. Сейчас прибудет еще один важный участник совещания. (*Секретарше*.) Программируйте Шекспира.

Секретарша закладывает книги в машину. Машина вновь начинает помигивать огоньками. Слышна музыка. Потом раздается взрыв, и из машины бесконечно сыплются книги. Гора книг, а они все продолжают выскакивать из машины.

Секретарша (*удивленно рассматривая книги*). Книги, статьи, диссертации шекспироведов. Какой-то Аникст о Шекспире... (*К ЭН*.) Разве все это может заменить самого Шекспира? Это же несценично.

Гитлер. Книги — источник невежества! Книги — враги человечества! Все на борьбу с книгами!

Гитлер подходит к книгам и зажигает их. На сцене загорается костер. Гитлер ходит по сцене, собирает книги и подбрасывает их в костер. За окном факельное шествие. Слышны дробь барабанов и чеканный шаг штурмовиков.

Секретарша. Не успел появиться, а уже нахулиганил. Тунейдец какой-то. Я попрошу Автора, чтобы он дал Гитлеру 15 суток.

ЭН. Во имя точности научно-исторического эксперимента нам придется терпеть даже фашиста.

Гитлер ходит по сцене и, выпятив указательный палец наподобие дула нагана, делает «пуф», изображая стрельбу.

Секретарша. А как же быть с Шекспиром? Нам же нужен представитель Добра.

ЭН. Минуточку! Я уточню расчеты. *(Лихорадочно пишет мелом на доске и пришептывает.)* Бесконечность умножаем на бесконечность. Производим психоанализ. Ноль делим на ноль. Извлекаем корень зла из минус единицы. Абсурд возводим в степень безумия. Тангенс — котангенс, синус — косинус, сикось — накось. Получаем кошмар! Катастрофа! Рушится моя теория относительности! Оказывается: Шекспир — абсолютен. Кибернетическая машина никогда не создаст Шекспира. Это принципиально невозможно.

Редактор. Ради нашего спектакля можно было бы и поступиться принципами. Вы торпедируете совещание на высшем уровне.

Секретарша. Именно. Какое может быть совещание, если есть Зло *(указывает на Гитлера)*, Ум *(указывает на ЭН)*, Красота *(указывает на себя)* и нет Добра? *(указывает на пустое кресло).*

ЭН. Я не знал, что Добро так дефицитно. А раз у нас нет Добра, то зачем нам Гитлер?

Гитлер. Гитлеры приходят, но не уходят. *(Пытается обнять Секретаршу.)*

Секретарша. Гражданин фюрер, пройдите! Я вам не какая-нибудь Ева Браун. Я пользуюсь расположением самого Автора. *(Обращаясь к ЭН с кокетливой гордостью.)* Кстати, чтобы не срывать совещание, я могла бы пригласить нашего Автора. Он еще не совсем Шекспир, но, уверяю вас, он человек добрый.

ЭН. Да, но последняя пьеса вашего «не совсем Шекспира» была ужасна.

Редактор. Автор — писатель нашей эпохи, выращен в

нашем здоровом коллективе. Можно быть уверенным, что, овладев очередными высотами, он справится с обязанностями Шекспира.

ЭН. Делать нечего. Давайте вашего «не совсем Шекспира».

Секретарша убегает за кулисы и выводит за рукав сопротивляющегося Автора.

Секретарша (Актору). Мой дорогой, я тебя умоляю! Во имя нашего прошлого! Во имя моего будущего!

Автор. Я привык в моих спектаклях ни во что не вмешиваться. Вы все время втягиваете меня в какие-то действия! Это нарушение законов драматургии. По моему замыслу здесь должен присутствовать именно Шекспир. (К ЭН.) Потрудитесь его создать!

ЭН. Шекспиры уходят, но не приходят.

Редактор (говорит Автору, показывая на ЭН). Прислушайтесь к голосу Разума. Советую вам срочно заполнить вакантное место Добра.

Автор. Но на сцене должны быть только действующие лица, а я — Автор — лицо бездействующее. Что скажет критика?

Секретарша (Актору). Критику я беру на себя! (В телефон.) Алло! Это ты, мой дорогой? Прошу тебя написать статью для очередного номера «Литературной Венеры». Кстати, в субботу вечером я свободна. Основную идею статьи можно вынести в заголовок: «Наш Автор — Шекспир современности». Я даже согласна на встречу в пятницу и субботу. (Вешает трубку.)

Редактор. В наш век массовых коммуникаций стать Шекспиром — раз плюнуть. (Секретарше.) Оформите, пожалуйста, Автора в наш спектакль на должность Добра с персональным окладом.

ЭН. Не будем терять времени. Я ставлю перед собравшимися вопрос, от которого зависит судьба Вселенной. Можно ли во имя упрочения мира уничтожить мир? Имею ли я право создавать сверхполководца? Каковы наши моральные принципы?

Гитлер. Война есть лучший способ урегулирования межпланетных отношений. Допустимо и совершать зло во имя добра и творить добро во имя зла. И вообще, высший принцип — это никаких принципов. Я освобождаю вас от совести.

Редактор (*про себя ворчливо*). Лишь бы не от зарплаты.

ЭН. Я так и предполагал. Зло голосует за зло. От имени Добра выступит Автор.

Автор. Я давно дал слово не брать слова.

Редактор. Я разьясню мысль Автора. Он хочет сказать, что зло бывает нашим, гуманным, справедливым, и не нашим, несправедливым. (*К Автору.*) Правильно?

Автор. Нет-нет. Я уже заявил, что я не вмешиваюсь в дела спектакля.

ЭН. Добро, как всегда, бездействует и высказывается неопределенно. Слово имеет Красота. Как вы относитесь к вопросу войны и мира?

Секретарша. Что за вопрос? Как всякая порядочная женщина, я люблю военных и ненавижу войну.

ЭН. Итак, голоса разделились. (*Указывает на Гитлера.*) Зло за войну. (*Указывает на Секретаршу.*) Красота — против, и (*указывает на Автора*) Добро — воздерживается. Как всегда, последнее слово за Разумом, то есть за мной. Надо подумать. Надо подумать. (*Зажигает свет в кибернетической машине.*)

Секретарша подбегает, вытаскивает из машины телеграмму.

Секретарша (*обращаясь к ЭН*). На ваше имя. Правительственная. Секретная.

ЭН. Читайте. Все действующие лица — заинтересованные лица и могут слушать, а от зрителей в театре тем более не существует никаких секретов.

Секретарша (*читает*). Почему простаивает центральная кибернетическая машина? Планы создания сверхполководца срываются, сроки затягиваются. Примите меры ликвидации прорыва. Исполнение телеграфируйте. Физики и лирики.

ЭН. У меня даже не остается времени на размышления и вычисления.

Гитлер. Доложите правительству, что у вас один сверхполководец уже готов. (*Указывает на себя.*)

ЭН. Не толкайте меня на очковтирательство.

Редактор (*Автору*). Срочно примите меры! И в конце концов, сведите вы в вашем спектакле концы с концами.

Автор. Хорошо. (*К ЭН.*) Я выкрою полчаса для ваших размышлений, но сделайте хотя бы вид, что сверхполководец

программируется. Надо же чем-нибудь занять кибернетическую машину.

ЭН. Чем ее занять, и кто будет ею заниматься? Я должен думать, а вы все мне каждую минуту можете понадобиться.

Автор. Но Редактор не участвует в нашем совещании. Он мог бы занять кибернетическую машину.

ЭН. Нет-нет. Идиотов можно в крайнем случае подпускать к литературе, но к физике и к кибернетике — ни в каком случае!

Редактор. Это клевета на действительность.

Автор. Я не могу допустить, чтобы в моей пьесе очернялась наша действительность. Пусть редактор занимается физикой, кибернетикой, чем угодно, лишь бы не литературой.

ЭН (*разводя руками*). Ну что же, если Автор считает возможным... (*Редактору.*) Это будет оригинальный эксперимент... (*Секретарше.*) Займитесь, пожалуйста...

Секретарша берет Редактора за руку, с трудом вытаскивает его из кресла и подводит к Автору.

Автор (*Редактору*). Поработайте на кибернетической машине, пока Эйнштейн будет думать. Этого требуют интересы спектакля. (*К ЭН.*) Объясните Редактору, что ему делать.

Редактор. Главное знать, на какие кнопки нажимать. В остальном я разберусь сам.

ЭН. Я дам вам простейшее задание. Смоделируйте самого себя. Вот вам инструкция, написанная нашим Автором. Все очень просто: вы входите в кибернетическую машину, там из вас делают развертку, потом вас сворачивают, и вы выходите из машины, но вас уже двое.

Редактор. Я всегда любил переиздания.

ЭН. Здесь вы можете переиздать себя, не меняя ни одной запятой.

Редактор изучает инструкцию.

Редактор. Да, но простите, в инструкции сказано, что из машины должен выйти человек, обогащенный военными знаниями.

Автор. Это устаревшая инструкция. Она была написана мною для сверхполководца, а не для вас. Теперь план спектакля изменился... Короче говоря, вы можете не придерживаться всех пунктов этого наставления. Вы просто должны заполнить паузу. Нам нужно выиграть время.

Редактор. Я привык действовать строго по инструкции, даже если она устарела. Дайте мне военные книги.

Автор (*Секретарше*). В конце концов, дайте ему эти книги. Вы же видите, какой он буквоед.

Секретарша уходит. ЭН шагает из угла в угол и думает. Гитлер дремлет. Автор спокойно следит за происходящим. Потом Автор подходит к раздумывающему физику ЭН, останавливает его в позе мыслителя и опять спокойно садится в кресло.

Возвращается Секретарша с кипой книг. Она отдает книги Редактору, и тот вместе с книгами, следуя указаниям Секретарши, входит в машину. Машина начинает работать, слышится музыка, мигают лампочки.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Кабинет Главного физика. Те же декорации. ЭН все еще стоит в позе мыслителя. Гитлер дремлет. Автор спокойно сидит в кресле. Кибернетическая машина продолжает работать. Играет музыка. Секретарша подходит к физику ЭН и хочет пригласить его на танец. Но Автор останавливает ее жестом, показывает, что ЭН сейчас нельзя отвлекать — он думает.

Каскад пантомимических сцен на тему: Секретарша хочет танцевать, проснувшийся Гитлер хочет воевать, Эйнштейн хочет думать и требует, чтобы ему не мешали.

Наконец автору надоедает вся эта суматоха, он подходит к кибернетической машине, нажимает кнопки и убыстряет ее работу.

Кибернетическая машина начинает светиться, и с грохотом из нее вылетает человек, абсолютно похожий на Редактора, но одетый в военный мундир. Секретарша подбегает к нему.

Секретарша. Как хорошо, что вы, уважаемый Редактор, вернулись, без вас здесь можно было умереть со скуки. Они все чем-то заняты, а я обожаю бездельников и люблю танцевать. Потанцуем?

Редактор в мундире. Охотно. (Танцует ча-ча-ча.) Я всегда любил лошадей, женщин и танцы.

Секретарша. Bravo, Редактор! Вы далеко пойдете!

Редактор в мундире. Дальше мне идти некуда, я и так уже царь и бог.

Все (*хором*). Вы — бог?!

Редактор в мундире (*прекращая танцевать, четким военным шагом подходит, щелкает каблуками, отдает честь*). Разрешите представиться. Бог войны.

ЭН. Вы — Марс?

Бог войны. У вас превратное представление о богах и о войнах. Марс — это прошлое. Я — бог будущей войны, я — сверхполководец.

ЭН. А куда же вы дели Редактора?

Бог войны. Узнав, что я собираюсь начать войну, Редактор, согласно какой-то инструкции, решил запретить спектакль, тогда я запретил Редактора. Он остался в кибернетической машине. Я его посадил делать анализ моих будущих мемуаров о предстоящей войне. Где у вас здесь телефон? На войне самое главное — это связь.

Секретарша. Какое несчастье, я уже связана. Я связала себя с Эйнштейном. (*Глубокий вздох.*)

Бог войны. Пустяки, я вас и развяжу, и свяжу. Но сначала мне нужна телефонная связь. (*Садится за телефон, старательно и долго крутит диск.*)

ЭН. Господи! Вместо идиота, который хотел прекратить спектакль, пришел идиот, готовый прекратить существование мира.

Автор. Этот бог войны, слава богу, настолько глуп, что ему не справиться с целым миром.

ЭН. Вы ошибаетесь. Как специалист-физик я ответственю заявляю: при современной технике для развязывания войны ум не нужен. В нашу эпоху только идиот и может стать богом войны. Разве умному придет в голову уничтожить мир?

Бог войны (*в телефон*). Я принял решение и шлю двести сорок девятое серьезное предупреждение. (*Продолжает вертеть диск телефона.*)

Выходит Ромео. За ним покорно следует Кибернетта.

Ромео. Вначале я был ослеплен моей любовью, но теперь я вижу, это не Джульетта. Она даже «О мой Ромео!» произносит с металлическим акцентом.

ЭН. Ты придираешься! И ты забываешь, что Кибернетту можно запрограммировать как угодно. Ей можно придать любую интонацию.

Будь ничьей,
 будь чужой —
 только будь.

Добрый друг,
 в добрый час,
 добрый путь.

Ромео шлет печальный привет Джульетте и огорченный уходит. За ним покорно следует Кибернетта, повторяя, как заевшая пластинка: «О мой Ромео! О мой Ромео!»

Бог войны (*наконец наладив связь*). Алло! Мне нужны солдаты, цитаты, гранаты, координаты, мины и хунвейбины... Алло! Штаб? Кто слаб? Во имя наших убеждений я шлю им сто предупреждений. Начинаются игры в бумажные тигры. Пусть даже маленький сверчок проделает большой скачок... Подготовить ракеты для отправки на планеты. В сторону Марса и в сторону Земли, отлет по команде «Пли!»

Секретарша. Да он же лирик! Он говорит стихами!

Бог войны. Я могу говорить и прозой. В цифрах — своя поэзия. Нас — почти миллиард. Каждый пятый житель Вселенной — венерянин. Если мы уничтожим всех марсиан, а они уничтожат даже в два раза больше венерян, то и тогда венерян останется в три раза больше, чем было марсиан. Торжество наших идей обеспечено простой арифметикой. Смотрите (*щелкает на счетах*), списываем в расход четыреста девяносто пять миллионов марсиан, сбрасываем со счетов девяносто девять миллионов венерян, и оставшиеся двести-триста калек будут владеть Вселенной. Они построят тот строй, который нам нужен.

Гитлер (*в ужасе*). Господи! Да он же сумасшедший! (*Автору*). В сравнении с ним я — великий гуманист. Я отказываюсь участвовать в этом спектакле. Он сейчас всех нас взорвет! Кошмар! Караул! Гитлер капут! Гитлер капут!

Он, подняв руки кверху, в страхе пятится и, наконец, встав на четвереньки, с криком «Гитлер капут» уползает в кибернетическую машину. Он исчезает, а из машины вылетают старые газеты, книга «Майн кампф», книга «Нюрнбергский процесс».

Автор. Я же говорил: гитлеры приходят и уходят.

Гитлер (*из машины*). Гитлер капут!

Бог войны (*в телефон*). Единение нации... приказ о всеобщей мобилизации... Мой ультиматум послать в эфир:

или война, или антимир. Если Земля и Марс не свернут с орбиты, они будут обстреляны мной и убиты.

За окном нарастает протестующий гул народа. Там идет демонстрация. Пронесят лозунги «Долой поджигателей войны!», «Да здравствует мир и дружба народов всех континентов и планет!» На плакатах слово «Мир» на всех языках.

Бог войны продолжает крутить диск телефона.

В окне показывается Ромео. За его спиной колышутся транспаранты с лозунгами мира. В руках у Ромео плакат со словом «Мир».

Ромео. Нужно срочно связать Бога войны.

ЭН (Автору). Правильно! Он не просто болван, но буйнопомешанный.

Автор. Я согласен вам помочь. События требуют, чтобы я отказался от принципа невмешательства в спектакль.

Ромео влезает в окно. Ставит плакат к стене. Ромео, ЭН, Автор хватают Бога войны и связывают его телефонным проводом.

Ромео (в телефон). Отмените все ультиматумы и прекратите все приготовления к нападению на наших соседей по Вселенной.

На улице шум демонстрации.

Автор. А что делать с этим Богом войны? Если мы его отпустим, он снова предъявит ультиматум, устроит кризис, учинит агрессию и в конце концов уничтожит Вселенную.

ЭН. Отпустить его нельзя, держать под арестом — опасно: может сбежать. Давайте сунем его в кибернетическую машину и обменяем на Редактора?

Автор. Нет-нет, уж лучше конец мира, чем редактор-дурак.

Ромео (вертя в руках поднятую с пола книгу «Нюрнбергский процесс»). Предлагаю устроить Нюрнбергский процесс.

Автор. Правильно! Бога войны на скамью подсудимых!

Секретарша накрывает стол зеленой суконной скатертью. Все рассаживаются за столом, изображая трибунал. Автор занимает место председателя суда. Ромео — прокурор, Секретарша — защитник, ЭН — свидетель обвинения.

Бога войны сажают на импровизированную скамью подсудимых. Суд располагается и ведется так, что зрительный зал выглядит как зал судебного заседания, наполненный публикой.

Автор (*торжественно*). Всем! Всем! Всем! Пленарное заседание всемирного трибунала по делу главного военного преступника — Бога войны — считаю открытым. (*Звучит торжественная музыка*). Для зачтения обвинительного заключения по делу Бога войны слово предоставляется прокурору всемирного трибунала Ромео Монтекки.

Ромео. Бог войны — год рождения совпадает с годом рождения Адама. За последние шесть тысячелетий он организовал 14500 войн, в которых в общей сложности погибло более 3 миллиардов человек. Эти войны обошлись в 5 квадриллионов швейцарских франков. На эти деньги можно было бы одеть, прокормить и полностью обеспечить все современное человечество. За всю историю человечества было заключено 4711 мирных договоров, пактов и соглашений, из которых были соблюдены 14. В настоящее время Бог войны готовит всемирную атомную катастрофу. Он хуже чумы. Он разлучает меня с Джульеттой. Как главный обвинитель, я требую смерти Бога войны.

Автор. Подтверждает ли подсудимый перечисленные факты и признает ли он себя виновным?

Бог войны. Факты признаю, вину — отрицаю. Я вел войны, заботясь о благе народов. Я избавлял Вселенную от перенаселения и человечество от застоя, я добывал жизненное пространство. Я способствовал развитию науки и техники.

Автор (*к ЭН*). Подтверждает ли наука слова подсудимого?

ЭН. Да, он гнал развитие науки вперед, но в противоясственном направлении. Он извращал главную цель науки — служить человечеству — и делал ее средством разрушения. Наука и Разум требуют смерти этого преступника.

Автор. Он враг не только науки, но и враг искусства. Он хотел взорвать мой спектакль! Он Зло такого масштаба, что даже Добро не считает злом его уничтожение. Я за то, чтобы поджечь этого поджигателя.

Секретарша. Потрясно! Мечтаю увидеть что-нибудь джорданобрунальное и мажорное. Но если его сожгут, мне не с кем будет танцевать.

Автор. Прошу прекратить неорганизованные эмоции. У кого есть вопросы к подсудимому?

Секретарша. Слово имею я.

Автор. Слово предоставляется защитнице Бога войны — Секретарше.

Секретарша (*Богу войны*). Как вы относитесь к стриптизу?

Бог войны. Стриптиз — это эстетизированный секс. И поэтому я «за». Но одновременно это девальвация секса, и поэтому я «против».

Автор. И вопрос, и ответ ничего не говорят ни «за», ни «против» обвиняемого.

Секретарша. Тогда еще один вопрос.

Автор. Прошу вас.

Секретарша. Что вы можете сказать о гареме?

Бог войны. В гареме главное — это порядок. Я сторонник многоженства и считаю, что передовой опыт восточных народов следует шире внедрять.

Секретарша. Ну вот, видите, он настоящий мужчина. Это свидетельствует в его пользу.

Автор. Мнение и доводы защиты суду ясны. (*Богу войны*). Как вы относитесь к миру?

Бог Войны. Мир есть перемирие между двумя войнами.

Автор. Суду все ясно. Предоставляю последнее слово подсудимому.

Бог войны. Вы хотите моей смерти. Но я бог и потому бессмертен.

Автор. А я — Автор. Я тебя написал — я тебя и вычеркну.

Бог войны. Уничтожив меня, вы погубите мир.

Автор. Спасем, а не погубим.

Бог войны. Я вижу, вы совершенно незнакомы с данными разведки. Нажмите третью слева кнопку кибернетической машины, и вы получите полную информацию о том, что происходит на Марсе, пока вы здесь разыгрываете эту комедию.

Секретарша нажимает кнопку. Лампы мигают, играет музыка. Секретарша достает из машины перфораторную ленту и передает ее ЭН. Тот углубляется в расшифровку ленты.

ЭН. Оказывается, второй Эйнштейн организовал на Марсе такой же институт, как наш. Они следят за нашими опытами и на всякий случай повторяют все то, что делаем мы. (*Просматривает другую ленту.*) Ужас! Марсиане создали

своего идюта и снабдили его военными знаниями. Там сейчас идет такой же спектакль, как и у нас.

Автор. Это плагиат. Я буду жаловаться во Всемирное агентство авторских прав. Я первый придумал этот спектакль.

Бог войны. Но без силы вы не можете запретить его ставить на других планетах, а сила — это я.

Автор. А я — Автор — не сила?! Типичная недооценка роли литературы.

Бог войны. Но я же вам втолковываю: моя смерть — это неизбежная война, немедленная атомная атака и моментальная гибель нашей планеты.

Все (*удивленно*). Почему?

Бог войны. Да потому, что на Марсе этот спектакль поставлен в другой редакции. Там на Марсе не действующие лица связали Бога войны, а Бог войны связал всех действующих лиц.

Автор. Я буду жаловаться в инстанции. Это безобразие! Я не допущу отклонений от канонического текста моей пьесы. Я никому и никогда не позволю меня исказить, даже на Марсе.

Секретарша (*поднося Автору стакан с водой*). Не волнуйтесь, выпейте.

ЭН. Судьба мира требует спокойных и разумных решений.

Автор. При чем здесь судьба мира, когда речь идет о судьбе моего спектакля. Я срочно отправляюсь в творческую командировку на Марс.

Секретарша. А как же конец спектакля? Вы обещали мне, что в финале я выхожу замуж и все действующие лица веселятся на моей свадьбе.

Автор. Непостижимо! Даже когда рухнет мир, больше того, когда проваливается спектакль, о чем думает женщина? О замужестве!

ЭН. Действительно, в такие роковые минуты о замужестве — это бестактно.

Автор. Разбирайтесь сами. Я отправляюсь на Марс. Сейчас там решаются судьбы спектакля и мира. (*Бежит к ракете.*)

Ромео устремляется вслед Автору.

Ромео. Я тоже хочу на Марс к Джульетте.

Автор. На вас нет визы.

Ромео. Но возьмите хотя бы мое послание в стихах. Автор берет письмо из рук Ромео. Слышен шум улетающей ракеты.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Марс. Точно такой же кабинет в точно таком же институте, как и на Венере. Те же декорации, только зеркально перевернутые, все подсвечено красноватым светом. Те же действующие лица, только вместо ЭН — ЭН-второй, а вместо Ромео — Джульетта. Бог войны одет в другой военный мундир (костюм Марса). В кабинете ЭН-второй, Джульетта и Секретарша связаны телефонным проводом. Марс сидит и отдает распоряжения.

Марс (то в телефон, то обращаясь к зрителям). На Венере связали Бога войны. Возникает опасность мирного сосуществования. Дело войны под угрозой! Венера идет на полное, бесконтрольное разоружение. Это нарушает гармонию мира. Представьте: вечное спокойствие вселенной... никакой эскалации... смерть... энтропия... хаос... ужас... и ни конфликтов, ни прибылей!.. (Нажимает какие-то кнопки и отдает распоряжения.)

Входит кибернетический вариант Ромео (отличается от Ромео некоторой механичностью движений и металлическим оттенком интонаций. Ромео одет в костюм солдата.)

Кибернетический Ромео (Джульетте). Я готов исполнить мой воинский долг. Я уйду в поход на Венеру, но я хочу использовать мое солдатское право на любовь. Святой отец Лоренцо ждет нас. Он нас обвенчает.

Джульетта. Венчание?! Я уже давно атеистка. Ты запрограммирован на очень старый манер.

Кибернетический Ромео. Хорошо, перепрограммируй меня. Меня можно настроить на любые идеи. Вложи в меня любую информацию, и я мгновенно перестроюсь. Кем мне стать? Атеистом? Активистом?

Джульетта. В тебе нет обнадеживающих ошибок. Ты скучно правилен, и даже твои недостатки неинтересны и быстропроходящи.

Кибернетический Ромео. Что за женская логика: я пришел освободить тебя, а ты закатываешь ссору, но семейные конфликты у меня запрограммированы после свадьбы. Ссоры — пряная приправа брака, тонкий деликатес семейной жизни. А сейчас, до свадьбы, я еще не настроен. Или, может быть, нужно сменить программу?

Джульетта. Мне надоело твое программирование. Я тоскую по живым благоглупостям любви! Оставь меня!

Кибернетический Ромео. Как, ты меня отвергаешь? На этот случай моей программой предусмотрено самоубийство.

Кибернетический Ромео отходит в сторону, расстегивает пиджак и рубашку и вынимает из груди какой-то тикающий механизм, кладет его на пол. Затем из пиджака, из-за пазухи, из брюк он вытаскивает различные колесики, винтики, гайки, лампы, диоды, триоды, провода. Он нажимает какую-то кнопку под рубашкой, раздается странный звук, вспыхивает и гаснет свет. Кибернетический Ромео исчезает; когда свет вновь включается, на месте, где он стоял, оказывается дымящаяся грудa электродеталей и проводов.

Марс. От нас ушел кибернетический человек. Он мог бы стать прекрасным солдатом. Выражаю соболезнование всем заинтересованным организациям, родным и близким покойного.

ЭН-второй. Развяжите нас.

Джульетта. Уже поздно.

Секретарша. Мы хотим спать.

Марс. Какой может быть сон в эпоху войн и контрибуций? (Погружается в глубокую задумчивость и начинает читать.)

Я засыпаю поздно.

Давно уж угаснет закат.

И снится мне: миром звездным

Идет марсианский солдат.

И вижу я, как рассветает,

Как отступают враги,

Межпланетная пыль оседает

На мои походные сапоги.

Слышен грохот садящейся ракеты. Вбегает Автор. Он оглядывает сцену и бросается к Марсу.

Автор (взволнованно). Как вы смели изменить ход мое-

го спектакля? По моим замыслам вы (*указывает на Марса*) должны быть связаны ими. (*Указывает на ЭН-второго, Джульетту и Секретаршу.*) Вы вмешиваетесь в свободу моего творчества. Я не допущу никакого произвола. Текст моей пьесы согласован и утверждён наверху, и вообще мне обещали считать меня Шекспиром. А разве с классиками так обращаются?

Марс. С Шекспиром в его время тоже обращались неважно.

Автор. Да, но тогда не было Управления по охране авторских прав!

Марс. Все управления взяты мною под строгий международный контроль. Так что не мешайте мне вести спектакль!

Автор. Но вы ведете его в катастрофическом направлении.

Марс. Приоритет, высшие интересы моего народа, стратегия диктуют нам военные решения. Необходим паритет страха, равновесие угроз. Однако они должны бояться нас больше, чем мы их. Для этого следует раскрыть атомный зонтик, выдвинуть ядерный щит, проявить оборонную инициативу, нанести превентивный удар. Мы тем самым напугаем их так, что сами раз и навсегда перестанем их бояться. Не следует бояться катастроф, так как они создают историю, и только они входят в ее анналы. Пока Бог войны на Венере связан — мы должны атаковать.

Автор. Я запрещаю такое развитие спектакля.

Марс. Но спектакль давно уже вышел из-под вашего контроля. Не вы ведете спектакль, а он ведет вас, и, если вы вздумаете мне мешать, я свяжу вас так же, как этих деятелей (*указывает на ЭН-второго, Джульетту и Секретаршу.*)

Автор. Но вы же взорвете Вселенную.

Марс. В конце концов должен же кто-нибудь это сделать первым. По крайней мере, в будущих моих мемуарах...

Автор. Какие мемуары, если Вселенная погибнет?

Марс. Вселенная вселенной, а после каждой войны все пишут мемуары.

Автор. Но...

Марс. Молчать! Не мешать! (*Крутит диск телефона.*) Алло! Алло! Пентагон?.. Начинаю огонь... На пальмы бомбы... Напалм и катакомбы... Сражения... Мои распоряжения...

Ракеты «Поларис»... Тьфу, черт! Эй, Автор, подскажи рифму к слову «Поларис».

Автор. Рекомендую ракету «Атлас». «Атлас» — приказ.

Марс. Не подойдет. Мне нужны ракеты крупного калибра.

Автор. Пожалуйста, «поларис» — продались.

Марс. «Поларис» — доллары-с, рация... радиация... спекуляция... эскалация...

Автор. Он говорит стихами. Неужели в войне есть своя поэзия?! Кстати о поэзии — Ромео же прислал стихи Джульетте.

Автор отдает стихи Джульетте. Высвободив руку, Джульетта берет стихи и читает их.

Лесная яблоня

Я в сердце через жизнь несу
Мою любовь — печаль,
Стояла яблонька в лесу,
Кругом чужая даль.
И я любя страшусь любви —
Ведь ты в чужом лесу.
И только топором срубив,
Тебя я унесу.

Твоя свадьба

Ветер раскачивал фонари.
Они жирными пятнами плавали в лужах.
Где-то вальс: раз, два, три...
раз, два, три...
И от этого было еще хуже.
А ветер рвался в оконные щелки,
Плакал, пел, балагурил и балаганил.
Там за окнами чарками чокались
И пахло яблочными пирогами.
И ты была белее яблони,
Белее яблони в цвету.
Руками нежными и слабыми
Не в силах отвести беду.

А я убит или пропал.
Ты все по-своему решила.
Я на три года опоздал.
Ты на три года поспешила.

Джюльетта. О мой Ромео, он тоскует обо мне. (*Автору.*) У вас на Венере неверные сведения. Ромео забыл об «эйнштейновском парадоксе времени», и ему показалось, что он на три года опоздал. На самом деле я еще не выходила замуж, у меня не было свадьбы. Передайте: я назначаю Ромео свидание в созвездии Лебедя.

Марс (*в телефон*). Внимание. Усвойте задание. Пошли-те им угрозу. Перехожу на прозу: как только с Богом войны на Венере будет покончено, равновесие сил качнется в нашу сторону. В этот исторический момент приказываю нажать все кнопки и все рычаги нашей военной машины. Мы сметем их с лица неба.

Автор. Нужно что-то предпринять! Через минуту разразится мировая катастрофа.

Марс (*в телефон*). В антракте произвести артподготовку, передать шифровку: базы... приказы... танки... банки... Вашингтон... мегатонн... Поднимаются акции... К черту абстракции... Биржевые киты... Перехожу на ты... Я, ты, он... Наполеон... Стук... На нем треугольная груша и серый походный сюртук.

Автор. Он поэт своего дела. Но я совершенно не понимаю, что он говорит. Все как в стихах Вознесенского, и это опасно: может быть, мир уже взорван, а он нас кормит треугольными грушами. Я буду действовать. Я лечу на Венеру!

Марс. Не советую. Через пять минут эта планета перестанет существовать.

Звук уходящей в небо ракеты. Слышна песня: «Я верю, друзья, караваны ракет...»

Марс. Улетел. Ну что же, тем лучше. Мы одним махом покончим и с планетой, и с этим спектаклем, и с Автором. Объявляю антракт. В антракте приказываю произвести аресты среди зрителей, ибо все они закоренелые сторонники мира.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Тот же кабинет на Венере. ЭН все еще стоит в глубокой задумчивости. Бог войны все еще лежит, связанный телефонным проводом. Звук приближающейся ракеты. Вбегает Автор.

Секретарша. Как хорошо, что вы вернулись! Он все еще думает. Он даже не воспользовался вашим отсутствием. Я подозреваю, что он не мужчина. Хороших же партнеров вы выбрали для меня в этом спектакле.

Автор (*к Секретарше*). Прекратите! (*К ЭН*). Очнитесь! Хватит думать! Нужно действовать!

ЭН. Да-да, действовать. Как говорится, Бога войны — на мыло!

Автор. Нет-нет, ни в коем случае. Уничтожая угрозу войны, вы угрожаете миру.

ЭН. Автор предал дело мира. Он выступает за сохранение поджигателя войны. Ваш гуманизм — не наш гуманизм. Мы осуждаем вас, как ренегата, раскольника, догматика, сектанта, обскуранта и пособника...

Автор. Дайте мне сказать...

Секретарша (*подхватывая*). Космополита, предателя нашего правого дела, формалиста, натуралиста, абстракциониста, безыдейщика, наплевиста, националиста, нигилиста, твиста... твиста... (*Музыка. Секретарша и ЭН танцуют твист.*)

Автор (*кричит*). Стоп! Остановите спектакль!

Музыка замирает. Все застывают. Свет меркнет. Автор подходит к Богу войны и вытаскивает у него кляп изо рта. Снова включается свет.

Бог войны. Я же говорил: мое безумие лучше, чем их безумие. Мои угрозы сдерживали Марс, и он боялся начать войну...

Автор. Если мы не развяжем нашего бога, то их бог развяжет войну. Поймите это! Когда их Бог войны узнал, что наш Бог войны уже не бог, то их бог решил послать всех к богу в рай. (*Автор развязывает Бога войны.*)

Секретарша и ЭН (*вместе*). Так значит, вы не ренегат, не обскурант и не формалист?

Автор (*обиженно*). Прежде чем устраивать мое персо-

нальное дело, нужно было изучить мои классические произведения и окружающую действительность.

Секретарша. Ну, изучение действительности — это дело писателей.

Автор. Я готов поступиться этой монополией.

ЭН. Нечего намекать на ученых. Я внимательно изучаю жизнь. Например, недавно я открыл закон зеркальности мира: частица — античастица, протон — антипротон, женщина — мужчина, Ромео — Джульетта, Марс — антиМарс, мир — антимир.

Автор. Вот именно, если бы я не развязал этого Антимарса (*показывает на Бога войны*), Марс немедленно развязал бы войну.

Входит Ромео. Он несет какой-то странный предмет, обернутый в покрывало.

Ромео. Я ни за что не возьму в жены эту джульеттоподобную машину.

ЭН. Да, но она самонастраивающаяся, быстрообучающаяся, безотказная. Такая уступчивость женщины не снилась ни одному мужчине.

Ромео. О да! Она уступчива (*разворачивает покрывало.*) Я просил ее принять более изящную позу и откинуть голову назад. Она это поняла буквально и поменяла местами ягодицы и голову. Получилось вот это нечто.

Кибернетта (*поет*). У меня на голове

Синяя косыночка,

Мой миленок хунвейбин,

А я хунвейбиночка!

Секретарша. Да, но синяя косыночка у нее не на голове, а совсем наоборот... Шедевральный модерн. Модерновый шедевр.

ЭН. Великолепная скульптура Джульетты XX века. (*Секретарше.*) Заверните в бумагу и отправьте во Францию в подарок Сальвадору Дали.

Кибернетта (*поет*). На веревочке висит

Мокрая пеленочка.

Вся любовь была обман,

Окромя ребеночка.

Секретарша упаковывает посылку, пишет адрес, машет рукой, и косынка уплывает в небо.

Автор. Кстати, Ромео! Джульетта ждет тебя сегодня в созвездии Лебеда.

Ромео. Ракету мне, ракету!

Ромео садится в космический корабль. По радио звучит команда готовности.

Ромео. Поехали!

Свист, грохот — ракета уходит в небо. Все следят за ее полетом. Бип-бип-бип — слышны позывные. Звучит песня «Я люблю тебя, жизнь».

Ромео (*по радио*). Все в порядке. Аппаратура работает нормально. Самочувствие отличное. Перехожу на прием. *Слышны другие позывные: Бибибип-бибибип-бибибип.*

ЭН (*удивленно*). С Марса вылетел встречный звездолет.

Джульетта (*голос по радио*). О мой Ромео! Я лечу к тебе на третьей космической скорости.

Ромео (*по радио*). Как мне дожить до тебя?

Джульетта. Ты, видимо, северный полюс,

А я, видимо, стрелка-магнит.

Меня через гордость и совесть

К тебе и влечет, и манит...

Бог войны. Они не должны встретиться.

Секретарша. Но ведь они любят.

Бог войны. Это-то и опасно. В мире нет места для любви. Иначе никто не захочет воевать. Они будут счастливы, а это непереносимо. Я обязываю каждого сделать им подлость. (*К Секретарше.*) Вы?!

Секретарша. Я пушу о них сплетню.

Бог войны (*Автору*). Вы?

Автор. Я выведу Ромео и Джульетту на чистую воду в моей новой комедии «Стряпуха замужем» или в романе «Игра».

Бог войны (*ЭН*). Вы?

ЭН (*пишет на доске уравнение и бормочет*). Три парсека умножаем на десять световых лет. Невесомость выводим на параболическую орбиту. Бесконечность ведем параллельно бесконечности. О! Параллельные сходятся в одной точке. Я уже сделал им пакость, создав Кибернетту, но сейчас они вне пределов досягаемости.

Бог войны. Главная пакость им от меня. (*Снимает телефонную трубку.*) Алло! Послать ракеты-перехватчики и снять с орбиты Ромео и Джульетту.

Слышен грохот уходящих в небо ракет. Все с волнением следят за их полетом. На небе траектории космических кораблей.

ЭН (*пишет на доске, продолжая свои расчеты, и бормочет*). Боеголовка, цель, орбита, любовь жива или убита? «Несутся искусство, любовь и история по параболической траектории». Ракеты-перехватчики минуют цель и сойдутся в Маррокоотовой бездне — в самом пустынном месте Вселенной. (*Он указывает в небе точку схода ракет-перехватчиков. Все смотрят в эту точку.*)

Все. Они сходятся.

Автор и ЭН закрывают уши. Секретарша закрывает голову руками. Бог войны прячется под письменный стол. Оглушительный взрыв, и в месте, указанном ЭН, загорается черное солнце. Осколки сыплются на сцену. Проносится порыв ветра. И воцаряется сумрак.

ЭН. Они бомбардируют нас атомными ядрами. Немедленно включите магнитную ловушку.

Секретарша бежит, нажимает кнопку, и сумрак прорезает луч света.

А в небе чертят след ракетопланы Ромео и Джульетты. Звучат позывные (бибибип-бибибип-бибибип...)

Ромео (*по радио*). Есть в любви своя прелесть,
И есть своя грусть.
Я от юности мчусь,
Не вернусь, не вернусь,
Все бесценное — обесценено.
Обесмыслен бессмертный бог.
Жизнь нацелена!
Цель оценена!
Воцаряйся в мире, любовь!

Автор. Их корабли сейчас сойдутся!

ЭН. Это невероятно. Мир и антимир встречаются в космосе.

Все напряженно вглядываются в сумерки и следят за полетом ракетопланов. Бог войны продолжает сидеть под письменным столом.

ЭН. Остановитесь! Я не хочу аннигиляции!

Секретарша (смотрит в телескоп). Вот их корабли уже сблизилась.

Вверху над сценой Ромео перебрасывает веревочную лестницу и лезет на балкон, сделанный в ракете Джульетты. Ромео перелезает через перила балкона. Джульетта бросается в объятия Ромео. Они сбрасывают космонавтские шлемы и целуются. Они начинают светиться.

ЭН. Они горят!

Свет все усиливается. На мгновенье полная тьма. Ромео и Джульетта исчезают. Сильный свет. В небе загорается солнцеподобная звезда. Она излучает свет и тепло. Две звезды — черная и золотая — горят в небе.

Секретарша (в ужасе). Мы облучились!

Автор. Радиация! Мы погибли.

ЭН. Успокойтесь. Солнечная радиация полезна.

С новой звезды слышен голос Ромео.

Голос Ромео. Слушай меня, незнакомка тридцатого века:

Из забытья,
 из небытья
 Приду к тебе,
 воскресну в памяти.
 Ведь это я,
 лишь я,
 все я,
 И в мраморе и на пергаменте.
 Я и к звездам
 тем, что над тобой
 В ракетоплане устремился.
 Я весь земной
 стал неземной
 Я во вселенной растворился.

Автор. Мы все делали им зло, а они согрели и осветили нас своей любовью. Я теперь возьму псевдоним Вильям Шекспир и напишу в их честь высокую трагедию и назову ее «Ромео и Джульетта».

Секретарша. Теперь я стану лучше. Я больше никогда не буду любить сразу троих мужчин. Только одного... Ну, в самом крайнем случае — двух.

ЭН. Во имя их памяти я создам теорию безотносительности. Из нее никто не сможет изготовить ни атомную бомбу, ни Кибернетту. Это будет очень человечная теория. Ею я обосную абсолютность любви Ромео и Джульетты.

Бог войны. А я навсегда останусь самим собой. Мир можно улучшить только бомбой. (Подходит к телефону, вертит диск.) Пекин?.. Циновки... Кретин... Боеголовки... Сдуру... Уничтожить культуру... Долой сатиру!.. Мир войне! Война миру! (Усиленно крутит телефонный диск и нажимает кнопки на кибернетической машине. В соответствии с его дей-

ствиями за окном поднимаются жерла орудий и обозначаются силуэты ракет.)

ЭН. Он опять принялся за свою игру. (Автору.) Остановите его!

Автор. Это не в моих силах! Я совершенно не знаю, что с вами всеми делать.

Секретарша. Нет, мир сошел с ума. Или это я сошла с ума? Прекратите этот спектакль! Я хочу, наконец, выйти замуж! Будьте все мужчинами! Найдите какую-нибудь развязку, достойную мира. Неужели у вас не хватает ума?!

Бог войны (к зрителям и действующим лицам). Итак, вы, наконец, поняли: каждой планете нужен свой идиот. В этом гармония мира. В этом гарантии мира. Дурак — украшение человечества, жемчужина Вселенной! Умные взаимозаменяемы. Идиоты принципиально оригинальны и незаменимы. Если убрать на одной планете дурака, желающего взорвать вселенную — сразу нарушается паритет угроз и мировое равновесие страха, исчезает симметрия мира и антимира и распадается связь времен.

Автор. Наша борьба с Богом войны привела нас на грань войны.

ЭН. Мы развязали Бога войны, и теперь ему ничего не стоит развязать войну. Но война не может быть развязкой комедии. Автор! Автор! Думай, пожалуйста. Пора кончать этот спектакль.

Автор. Что я могу придумать? Тут нужно Нечто из ряда вон выходящее.

Женщина из зала (выходя из ряда кресел партера). Пожалуйста, я могу выйти вон из ряда. Я — Нечто из ряда вон выходящее. Я предлагаю хорошую концовку этого спектакля.

Секретарша (Автору). Это еще что за Нечто? В твоей пьесе еще одна женская роль?! Я терпеть не могу соперниц, тем более из ряда вон выходящих. Фи, как это пошло! Ты больше не Шекспир!

Автор. Верь моему слову, я совершенно не планировал эту женщину. Ее даже нет в программке.

ЭН. И я ее не программировал.

Фосфорическая женщина. А я внеплановая, внештатная, сверхпрограммная. Я — фосфорическая женщина. Помните? Та самая, о которой писал Маяковский. Я прибыла к вам с планеты Земля. Мы отлично знаем о той

конфликтной ситуации, которая сложилась между Венерой и Марсом. Я прислана помочь вам.

ВСЕ. — Очень хорошо, посоветуйте.

— Помогите!

— Поделитесь передовым опытом!

Автор. Получена срочная радиограмма: все боги новой войны направили друг на друга ракеты. Все планеты в опасности.

Фосфорическая женщина. Я хочу обратиться ко всем разумным существам мироздания.

ВСЕ. Пожалуйста, просим.

Фосфорическая женщина. Дайте микрофон.

Автор подносит к ней микрофон. На сцену для участия в митинге выходят все участники спектакля. Актеры, игравшие Гитлера, Джульетту, Ромео и ЭН, разгримированы.

Фосфорическая женщина (в микрофон). Всем, всем, всем. Люди и Боги, Рабочие и Крестьяне, Физики и Лирики, Солдаты и Офицеры, Генералы и Адмиралы! Слушайте нас, Дели и Токио, Лондон и Париж, Бонн и Вашингтон, Венера и Марс, все планеты и все звезды! Передаем обращение ко всем людям Земли, ко всем жителям Солнечной системы, ко всем народам мироздания! Люди! Пока не поздно! Опомнитесь! Поймите: идиоты—опасны! Немедленно свяжите всех поджигателей войны во всей Вселенной!

Фосфорическая женщина отдает микрофон Автору.

Автор. Дорогие зрители! Прошу вас принять участие в этом спектакле. Включайтесь в действие и приветствуйте нашу гостью. Возьмите, пожалуйста, в руки флажки и помашите ими отъезжающим. Ну, раз, два, начали!

Билетерши раздают флажки зрителям. Фосфорическая женщина прощается со всеми. Все действующие лица и зрители бурно приветствуют ее и машут флажками. Со сцены слышатся возгласы: «Марси—Венери Фройндшафт!», «Плутон—Нептун амитье!», «Юпитер—Сатурн бхай-бхай!», «За дружбу и сотрудничество марсиан и венерян! Ура!» Фосфорическая женщина идет по проходу через зал, отвечая на приветствия зрителей. Слышен шум ракеты. Ракета улетает.

Автор следит за ее полетом.

Молодой парень (похож на Ромео). Хороший был митинг. Пошли, выпьем по этому случаю!

Секретарша. Митинг окончился. Можно перейти к очередным делам. (К ЭН.) Пойдем, наконец, в ЗАГС, офор-

мим наши отношения. По дороге мне нужно зайти на рынок и купить кило картошки.

ЭН. Да-да, пошли отсюда. Здесь стало шумно, а мне еще нужно подсчитать количество частиц и античастиц в мире.

Они уходят в зеркало и исчезают там. Сверху спускается коробка, из которой выходит Кибернетта.

Кибернетта. Хоть к концу спектакля меня починили. Ромео бросил меня, и мне как-то придется устраивать свою жизнь. *(Подходит к Богу войны.)* Вы, кажется, свободны?

Бог войны. Да, пока все заняты мирным сосуществованием, я свободен. Правда, моя свобода под угрозой: меня решили связать, но связь с вами меня вполне устроит.

Бог войны обнимает Кибернетту, и они уходят в кибернетическую машину. Машина начинает позванивать и светиться. Сцена пуста. Остается одинокий Автор.

Голос бога войны *(из кибернетической машины)*. Я еще вернусь!

Автор *(опомнившись и прерывая наблюдение за улетающей к Земле ракетой с Фосфорической женщиной)*. Бог войны ушел от ответственности! Он остался на свободе! *(Автор в отчаянии мечется по сцене. Наконец он останавливается.)* Все покинули меня. *(Грустно.)* Я творил гармоничский мир. Я хотел покончить с безумством людей! Я учил их разуму, добру, красоте. А для них выпивка, свадьба, кило картошки или проблема античастиц важнее, чем существование Вселенной. Я больше не могу нести ответственность за мир. *(К зрителям.)* Дорогие люди, очень вас прошу, займитесь, пожалуйста, сами устройством мирной, разумной, счастливой жизни.

Из Рабиндраната Тагора

И ПО ЕГО МОТИВАМ

* * *

Мир полон жизни. Смерть зачем?
 Среди людей, в кругу друзей хочу я жить,
 В земле, в ручье, в луны луче.
 И у межи, в крестьянском поле ржи.
 Движенье жизни вечно. Круженье бесконечно.
 Разлуку сменит встреча,
 А слезы смех зальют.
 И в жизни быстротечной
 я в песнях сладкоречных
 Себе воздвигну памятник —
 бессмертия приют.
 Но смерть за мной бежит.
 Бросьте увядший цветок —
 цветок, уставший жить.

* * *

От берега песни моей ладью я отвязал,
 Трепетный парус подняв, ее в океан направлял.
 Не туда,
 Где из рощи тенистой голос кукушки звал,
 Не туда,
 Где по дороге тернистой крестьянка идет между скал.
 Я ладьи моей песню туда устремлял,
 Где в смертельной игре океан бушевал, набегал
 вал на вал.
 Снова, Вина, лишь ты да я,
 Мы с тобой одиноки.
 И не видно вокруг тебя и меня
 Ничего, кроме тьмы глубокой.
 Цветок с ветки в тенистой беседке красотой засиял —
 Не тот цветок.
 Цветок, свесившись из окна,

Пробудившись от сна, лепестки ронял —
Не тот цветок.
Беспредельное небо переполнил солнца цветков.
Ярок его накал.
К небу, к солнцу песни моей ладью я направлял,
устремлял.

* * *

Какой-то пряный аромат,
И солнца спелого закат,
И сердца смелого набат
В твоих стихах, Рабиндранат,

В них шорох слышится ресниц,
И бег крылатых колесниц,
И вспышки дальние зарниц,
И крики незнакомых птиц.

Душой хочу я быть богат,
Как ты — поэт Рабиндранат.

Читайте в ближайшем номере
журнала одного автора

«РУССКОЕ БОГАТСТВО»
1994, № 2 (6)

ГРИГОРИЙ ПОМЕРАНЦ

НА ПТИЧЬИХ ПРАВАХ — проза
ОСТАНОВИТЕ НАСТАСЬЮ ФИЛИППОВНУ
РАЗГОВОРЫ С ОТВЕРНУВШИМСЯ
ПОКОЛЕНИЕМ
ЛЮБИМЫЕ СТИХИ — З. М.
ЯЗЫК АБСУРДА — философские опыты
ТРОИЦА РУБЛЕВА
ПОЭЗИЯ ДУХОВНОГО ОПЫТА
ИЗ ПЕРЕПИСКИ — мои современники

Наш автор — замечательный русский философ, эссеист, прозаик, литературовед, чьи произведения долгие годы лежали под спудом, либо издавались в дальних странах.

По вопросам подписки см. с. 58.

Некоторые из этих идей были опубликованы автором в журнале «Рационализатор и изобретатель», 1989, № 11, другие обсуждались со специалистами: медицинские в 1946 г.— с будущим академиком Р. Мельниковым и в 1966 г.— с проф. Малкиным, и были одобрены, а физические — в 1965 г. с будущим членом-корреспондентом АН А. Поляковым, и были отвергнуты как ошибочные.

КОСМОГОНИЯ

Галактики состоят из звезд и звездных систем. Вселенная состоит из галактик и галактических систем. Мироздание состоит из вселенных и вселенских систем. Вселенные «упакованы» в гравитационные мешки. Галактики, группирующиеся во Вселенную, обладают такой суммарной массой, что создают вокруг себя непроницаемый даже для света гравитационный мешок. Между вселенными нет «мостов» и почти исключены переходы. Могут быть только «дырки» в гравитационном мешке. Вселенные, находящиеся за пределами того гравитационного мешка, в котором находится наша Вселенная, для нас «вещь в себе». Они принципиально непознаваемы. В лучшем случае человечеству удастся узнать, что они не предположительно, а действительно существуют, и подсмотреть сквозь возможную «дырку в мешке» их некоторые свойства. Между вселенными вероятны слабые взаимодействия, как между нейтрино. Это также затрудняет не

только их познание, но и возможность экспериментального доказательства их существования.

КОНВЕРСИЯ

Нефтяные, лесные, газовые пожары выделяют большое количество тепла, что мешает людям без риска для жизни приблизиться к источнику огня. В целях доставки к нему огнетушительных средств можно использовать существующие самонаводящиеся ракеты, идущие на тепло. Их следует лишь начинить огнетушительными средствами. Тем самым будет найдено мирное применение одного из видов современного вооружения.

ДИСТАНЦИОННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Большой дополнительный эффект при пользовании пишущей электрической машинкой и компьютером может дать дистанционное управление. Наборная планка может быть уменьшена до размеров ладони, нажим кнопок, клавиш может быть заменен прикосновением палочкой к клеммам или сенсорным точкам.

ДИЗАЙН

Новый ход мыслей радиодизайнерам может дать идея использовать в качестве исходной формы костяшку домино. Средняя белая линия дает шкалу. Слева и справа от нее любой набор — от 0 до 6 — ручек или сенсорных кнопок. Черное и белое (лак) — дизайнерские цвета оформления радио, магнитофона.

ФИЗИКА

Уже не одно десятилетие физики тщетно трудятся над созданием мирной ядерной реакции, способной выделять большое количество тепла. С этой целью используется устройство «Токомак». Многолетний неуспех этого важного дела обусловлен не только его большой трудностью, но и ошибочным путем, по которому идут ученые, решая эту проблему. Чтобы перегретая плазма не отдавала свою энергию окружающей среде, плазме не позволяют соприкасаться со стенками «бублика», в который ее помещают и где она поддерживается магнитными полями, уравнивающими гравитацию. Плазма оказывается тонкой ниточкой, составляющей кольцо внутри бублика. Не удастся удержать на должном уровне температуру ниткообразной плазмы. И не удивительно. Природа при создании естественного атомного реактора — Солнца — поступила мудрее: вся масса горячей плазмы сосредоточена в виде огромной капли (Солнце), внутри которой идет ядерный процесс. Внутри ниточки ему идти невозможно, да и поверхность охлаждения у капли много меньше, чем у нити. Для управляемого термояда следует создавать не нить плазмы внутри «бублика», а каплю внутри шара. Последнюю можно держать вдали от стенок сосуда, используя не только те средства, которые применяются ныне, в «токомаке», но и естественную (а может быть, и искусственную) невесомость. Для разогрева плазмы помимо лазера, возможно, будут полезны токи ВЧ, способные дать разогрев «изнутри» капли.

МЕДИЦИНА

Для усиления очистительного действия зубного порошка и зубной пасты надо добавлять в них измельченный активированный уголь, абразивные возможности которого весьма

умеренные. Черная паста к тому же явится большой неожиданностью и новинкой на рынке. Особо привлекательны пасты с запахами лимона и жасмина (стимулируют творческую активность человека). Возможны специальные пасты для гипотоников и для гипертоников, включающие препараты, соответственно повышающие и понижающие давление.

Причины рака могут быть различны. Природа его — нарушение (по тем или иным механическим, генетическим, химическим причинам) генного кода воспроизводства клетки.

Перспективный стратегический путь борьбы с раком: восстановление (лечение) самого кода клетки. Для этого есть два пути. Путь первый: поиск внутри пораженного организма тех сфер, где код еще сохраняется в ненарушенном виде (это сфера кроветворения и сфера размножения, где природа обеспечивает самые долговостойкие коды организма). В случае нахождения механизма коррекции возможны осторожные (из-за несовместимости) использования клеточных кодов другого организма. Другими словами, лекарство против рака следует искать и изготавливать из крови или семени данного организма. Путь второй: геновая инженерия. Лечение кода в группе пораженных клеток.

Оба эти пути могут оказаться полезны и при преодолении СПИДа.

ФИЛОСОФИЯ

Материя имеет два состояния — корпускулярное и волновое. Быть может, и дух имеет два состояния и после смерти переходит в «волновую» ипостась, сливаясь с ноосферой — полем духовности.

Интеллигентский фольклор

В русской культуре XX века есть целый пласт не только малоизученный, но даже и малоизвестный. Это интеллигентский фольклор. Странное сочетание слов. Интеллигенция всегда обходилась письменной формой передачи своего опыта и никогда не прибегала к такой народной форме, как устное творчество. Однако в XX веке в России на многие десятилетия установилось чрезвычайное положение. В этой ситуации доверять свой жизненный опыт бумаге было и опасно, и бесполезно.

Интеллигенция вынуждена была найти неподцензурный, трудноконтролируемый и гибкий способ сохранения и передачи информации. В тоталитарных условиях таким способом стал интеллигентский фольклор.

Конечно, бывало и так, как в анекдоте:

- За что сидишь?
- За болтливость: рассказал анекдот. А ты?
- За лень: услышал анекдот

и думаю — завтра сообщу, а товарищ не поленится...

И все-таки среди своих, в узком кругу люди оставались открытыми, хотя и с известным риском для жизни и свободы. Потребность общения, осмысления реальности была сильнее страха. Может быть, ни в одну эпоху люди так много не говорили и не слушали, так близко не общались, так горячо не обсуждали, так мучительно не осмыслили свое бытие, как в нашу. Самой мобильной, но и самой простой формой интеллигентского фольклора стали обычные анекдоты — острые, короткие, остроумные миниатюры, имеющие взрывное критическое содержание. Большое место в интеллигентском фольклоре занимают мифы, предания, исторические анекдоты (в пушкинском смысле этого слова). Это — короткие остросюжетные, часто смешные рассказы о реальных исторических деятелях и знаменательных событиях. Еще одна составляющая интеллигентского фольклора

ра — устные воспоминания известных или бывалых людей.

Некоторые устные рассказы возникали из пересказа кем-то прочитанных малоизвестных в те времена печатных текстов, которые при этом обретали новые детали и сюжетные ходы. В своей совокупности исторические анекдоты и устные мемуары составляют не только пласт русской культуры нашего века, но и являются художественной летописью ее современной истории и тем самым представляют и художественный, и исторический интерес. Это источники и эстетического наслаждения и знания, и объекты будущего изучения как филологической, так и исторической наукой.

На историю надо смотреть в оба: глазами документа и предания. Опасно полностью доверять документам тоталитарного государства. Взаимопроверка письменных документов и устных преданий дает объемное и точное видение истории. Публикуемые здесь миниатюры принадлежат миру художественному, а не собственно историческому, но, даже отступая от фактов истории, они приближаются к ее сути. К этим рассказам следует относиться по принципу: хочешь верь, хочешь не верь. Однако как по мифам «Низнады» Шлиман смог найти Троию, так по мифам XX века можно восстановить исторические реалии нашей эпохи, не зафиксированные в документах.

Собранные мною предания — свидетельство духовной жизни народа. Очень хорошо, если предание достоверно: оно пополнит информацию о мире. А если оно ложно?

До сих пор неизвестно, отравили Сальерн Моцарта. Но насколько беднее была бы культура, если бы в ней не существовало недостоверной легенды о Моцарте и Сальери!

Мы жили в мифологизированном обществе. Официальная идеология и пропаганда создали мифы об Октябре, о партии, о Ленине и Сталине, о врагах народа, о коллективизации, об индустриализации, о коммунизме к 80-му году, о нашем дорогом Леониде Ильиче, о «Продовольственной программе». Сообразно этим мифам были созданы культурные матрицы, используя которые, писатели, художники, историки и философы могли «свободно» творить. Иного способа просто не было: кто на власть не работает, тот не ест. Однако жизненный опыт не вмещался в официозные мифы, и интеллигенция стала творить в форме фольклора. Интеллигентский фольклор явил неофициозную мифологию эпохи — антимифы. В культуре возникло двоемифие; официальная и неофициальная мифология.

Здесь публикуются отрывки из книг — пестрый материал интеллигентского фольклора автор попытался организовать в единое историко-эпическое повествова-

ние. Фигурирующие в нем конкретные герои не есть реальные исторические личности. Это интеллигентские представления о них, это то, что я услышал и переработал в соответствии с моей личностью. В преданиях и анекдотах перед читателем разворачивается художественная реальность, соотносимая с реальной историей, но не тождественная ей.

Устные формы словесного творчества всегда были арсеналом художественно-мыслительного ма-

териала для литературы. Без фольклора не было бы Библии и «Божественной комедии», трагедий Шекспира и «Фауста» Гете, поэм Пушкина и романов Достоевского и Толстого. Без фольклора не может быть и будущей литературы.

Собиранню этих историй я отдал почти полвека и теперь уподобляюсь тому типу, о котором Козьма Прутков сказал: «Полагая быть историком, он рассказывает анекдоты».

В рубрике «Мифы, предания, анекдоты» публикуются фрагменты из книг: «Сталиниада», «Фарисея», «Забугорье», «История государства советского».

Выходит в свет:

Борев Ю. История государства советского в преданиях и мифах. 256 с. с илл.

Новая книга Юрия Борева — автора известных книг «Сталиниада» и «Фарисея», получивших широкую прессу и читательское признание и вышедших на многих языках многими изданиями, в целом более чем миллионным тиражом. В новой книге Юрий Боров весело и серьезно, занимательно и интересно повествует об отечественной истории XX века, рассказывая многое такое, что мало известно или совершенно неизвестно публике.

Предания и мифы собирались автором в течение полувека. Автор открыл новый, неостребованный пласт русской культуры XX века — интеллигентский фольклор. Интеллигенция в тоталитарном обществе не могла доверить большую часть своего жизненного опыта бумаге и воспользовалась устной формой его передачи. Мифы в книге организованы таким образом, что перед читателем возникает, как из мозаики, целостная картина эпохи. Предания и мифы дают альтернативную картину новейшей истории.

СТАЛИНИАДА

Маркес говорил: «Лучшим биографом Сталина был бы Кафка».

Однажды известному польскому режиссеру Анджею Вайде случилось вместе с Михаилом Роммом просматривать кинодокументы. По ошибке механик запустил ролик, в котором по распоряжению какого-то бюрократа были собраны все кадры похорон видных государственных деятелей. Перед потрясенным Вайдой и Роммом поплыли картины: вот Сталин и его соратники несут гроб с телом Кирова, вот Сталин и его соратники несут гроб с телом Горького, вот — гроб с телом Орджоникидзе, Куйбышева, Жданова... Случайность создала гениальный образ разносчиков смерти.

На стене дома, в котором родился Сталин, пожарная охрана повесила табличку: «Помните, пожар легче предупредить, чем погасить!»

Иосиф Джугашвили родился 21 декабря. Распространенное в персидском ареале поверье гласит: рожденные в этот день — дети зла.

По официальной версии, отец Сталина — сапожник Джу-

гашвили — на самом деле князь Эгнаташвили, у которого мать Сталина служила экономкой. Любовный треугольник для восточного сознания непереносим. Джугашвили пил. Однажды он протрезвел и побил свою жену — Екатерину Георгиевну. После этого за ним пришли какие-то люди, и больше его никто не видел. Говорили, что он кончил свой век в пьяной драке.

*

Князь Эгнаташвили был религиозен, и в 1888 году маленького Сосо отдали в духовное училище, а в 1894 году — в Тифлисскую духовную семинарию, которая была довольно сильным учебным заведением. Принимали туда после собеседования. Непрошедших отправляли домой с выпиской: «К учению туп». Сосо избежал этой формулировки благодаря природной сообразительности и покровительству князя. Издевательства, которые по причине своего сомнительного происхождения терпел Сталин в семинарии, толкнули его на первый революционный поступок: он перебил семинарские окна, за что и был в 1899 году исключен. На воле он стал заниматься воровством и разбоем, попадал в тюрьмы. Связался там с жандармерией и сделался наводчиком на воров. Там же познакомился с политическими и стал доносить и на них тоже.

*

Старые горийцы рассказывали, что подростком Сталин не расставался с пистолетом. Однажды он вошел в дом, где были только женщины и дети, и потребовал деньги «для революции». Испуганные женщины деньги дали, и Сосо пошел «в революцию дальше».

*

МОЯ ПОЛИЦИЯ МЕНЯ БЕРЕЖЕТ

Побеги Сталина из ссылки всегда совпадали с крупными партийными мероприятиями вроде Лондонского съезда или

Таммерфорской конференции. Бежал он так: садился на поезд и доезжал до Петербурга, а там уж — куда потребуется. В Стокгольме он добирался через Финляндию, благополучно получив там паспорт. Полиции было невдомек, что у финна черные усы и грузинский акцент.

Находясь в ссылке в Вологде, Сталин предпочитал общаться не с политическими, а с уголовниками, в компании которых любил выпить, за что однажды подвергся товарищескому суду.

«Я НЕ СТАНУ...»

Жила в Туруханском крае неподалеку от Сталина одна молодая безотказная женщина. Взаимностью она не ответила только Сталину. Как не вспомнить стихи Марины Цветаевой:

Целовалась с вором, с нищим, с горбачом,
Со всей каторгой гуляла —
Нипочем!..
Я не стану целоваться с палачом.

Новый 1913 год Ленин, Сталин и Троцкий встречали в Кракове. Завели патефон, Ленин воскликнул: «Ты, грузин, пляши!» — и Сталин пустился в пляс.

Среди особых примет Иосифа Джугашвили, отмеченных царской полицией, есть и примета Антихриста: «На ноге не хватает одного пальца».

В 1903 году в жандармское управление Батуми была

послана из Баку телеграмма: «Провокатор Джугашвили выезжает к вам для продолжения работы».

Раз в три месяца по маршруту Новороссийск — Гудаута — Сочи на военной яхте везли деньги для военных и государственных чиновников Закавказья. В Сочи деньги перегружали в карету и в сопровождении сотни казаков переправляли в Тифлис. Этот путь был хорошо изучен экспроприаторами. В команду яхты ввели своего моториста и штурмана. Кроме команды на яхте было еще пятнадцать солдат. Во время стоянки в Гудаутах к яхте подплыли восемь абреков. Моторист и штурман закрыли тринадцать солдат в кубрике, а двоих часовых выбросили за борт. После этого абреки перебили команду и застрелили моториста и штурмана. Около полутонны золота и серебра перегрузили на баркас, а затем на ожидавшую в Гудаутах арбу и повезли в горы. По дороге четыре абрека по приказу старшего застрелили четырех остальных. Поехали дальше, и два абрека убили двух спящих других. Наконец, когда два последних абрека-конвоира утром стали умываться, один из них выстрелил другому в затылок. Осмотревшись по сторонам, он увидел, что все это происходило на глазах пастушонка, забредшего с козой в это глухое место. Стрелявший досадливо прицелился, но потом махнул рукой, сунул в карман наган и погнал лошадей с арбой в горы. Партия никогда не увидела этих денег. Они достались единственному из оставшихся в живых исполнителей экска — Сталину.

Много лет спустя Сталин отдыхал на даче у своего любимца — грузинского актера Хоравы. Проходя по саду, он резко остановился и спросил у садовника:

— Где я тебя видел?

— Нигде, батоно... — растерялся садовник.

Сталин пошел дальше, потом вернулся:

— Где я тебя видел?

— Нигде, батоно, — повторил садовник.

Сталин расспросил Хораву, откуда у него этот садовник. Хорава рассказал, что он из дальних, глухих мест Грузии. Сталин не вспомнил давнюю историю и не узнал бывшего пастушонка. Садовник узнал в Сталине абрека.

В 1906 году Сталин привлекался к партийной ответственности за то, что не сдал партии деньги, конфискованные во время одной из экспроприаций.

Ленин назвал Сталина чудесным грузином.

Сталин болезненно ощущал свою культурную неполноценность и не любил образованных людей. Вернувшись с Пятого съезда партии, он сказал: «В Лондон слетелось воронье — интеллигенты-литераторы, а не партийные бойцы».

Между Февральской и Октябрьской революциями в Петрограде шли митинги и дискуссии. Сталин принимал в них активное участие. Однажды он вычитал в книге Сергея Булгакова цитату из Библии и привел ее в споре с меньшевиком Ноем Жордания, приписав Марксу. Жордания стусевался.

— Из какой это работы Маркса? — спросили потом у Сталина.

— Откуда я знаю? В борьбе все средства хороши!

КНЯЖЕСКИЙ ЖЕСТ

В начале революции Сталин скрывался в Петрограде у одного подпольщика. Однажды он надолго остался в доме с сыном хозяина — девятилетним Мишей. Наконец раздался стук в дверь — пришла мать. Мальчик хотел открыть, но Сталин остановил его и ударил по щеке: «Не плачь, Миша, запомни: сегодня с тобой разговаривал Сталин».

В горах есть такой обычай: если князь посещает дом

5—482

крестьянина, то отец зовет старшего сына и со словами: «Запомни этот день — у нас в доме был князь», — дает ему пощечину.

Рассказывавший мне эту историю Михаил Ромм заключил: Сталин шел в революцию с намерением стать князем.

В 28-м году Сталин предложил Бухарину: «Ты будешь главным теоретиком партии, а я — главным организатором и руководителем. И мы оба, как гималайские вершины, будем возвышаться над всеми».

В 1932 году Сталин ехал на отдых в Кисловодск через голодные края. Гронский сказал:

— Товарищ Сталин, наши кормильцы — крестьяне — умирают от голода. Надо на валюту купить хлеб и накормить их.

— Пускайдохнут, а не саботируют.

БОЛЬШОЙ ШУТНИК

Микоян после XX съезда рассказывал в армянском землячестве.

«Спрашиваете, какой был Сталин? Умный, интересный, волевой человек, преданный партии. Шутить любил. Однажды сидим мы с Аллилуевой на вечеринке, о детях разговариваем, а Сталин говорит:

— Товарищи члены Политбюро, смотрите, Микоян за моей женой ухаживает. Если я его убью, он сам будет виноват.

В следующий раз стараюсь сесть подальше от Аллилуевой, а она подходит и что-то спрашивает. Сталин говорит:

— Видите, Микоян снова за моей женой ухаживает.

И так страшно говорит, что я даже когда прихожу домой, все еще переживаю. Говорю Аллилуевой:

— Давайте вместе не садиться, не будем раздражать товарища Сталина.

Она смеется и соглашается. Садимся в следующий раз совсем в разных концах стола. Сталин говорит:

— Видите, Аллилуева и Микоян в разных концах сел — маскируются. Все-таки я его убью!»

ПУСТОЕ СЕРДЦЕ БЬЕТСЯ РОВНО

Донской казак Трофим Гладков в 1932 году учился в Учебно-кадровом полку. Там ходила такая версия гибели Аллилуевой. Она обвинила мужа в жестоких расправах над невинными людьми. Сталин накричал на нее. Она заплакала и отвернулась. Сталин выстрелил ей в спину, вышел, закрыл дверь на ключ и ушел спать.

Философы Митин, Юдин и Ральцевич предложили своему учителю, философу-марксисту Деборину, публично назвать Сталина крупнейшим теоретиком партии, классиком марксизма. «Но у Сталина нет серьезных философских работ», — возразил Деборин. И предложил союз: Сталина — практика революции с Дебориным — теоретиком.

Узнав об этом, Сталин хмыкнул: «Тоже мне Энгельс нашелся!» Вскоре Деборина объявили меньшевистствующим идеалистом.

Ян Стэн был умен и философски образован. Во второй половине 20-х годов он по просьбе Сталина читал ему персональный курс лекций по философии Гегеля. Сталин много не понимал и многое путал. На редкость темпераментный для латыша учитель тряс его за лацканы пиджака и в кругу друзей не раз говорил о посредственных теоретических способностях Сталина. Во второй половине 30-х он погиб.

В начале 30-х годов на вопрос о здоровье матери Сталин ответил: «Меня не интересует эта старая блядь».

Дача Сталина была где-то у Завидова, близ реки. Однажды Светлана и ее подруга катались со Сталиным на лодке. Через некоторое время он перестал грести и задумался. Светлана спросила: «Папа, почему ты такой грустный?» Он ответил: «Жизнь — трудная и грустная штука».

Проезжая на поезде какой-то город в Закавказье, Сталин обмолвился, что здесь жил друг его юности. Друга разыскали. Он оказался сапожником. Его назначили секретарем райкома, а через некоторое время заведующим отделом кадров ЦК республики. Но друг был неграмотным, не понимал, чего от него хотят, и просился назад в сапожную мастерскую. Прошло полгода. Отчаявшись сделать из него человека, его отпустили.

Огурчики, помидорчики,
Сталин Кирова убил в коридорчике.

На одном совещании по среднеазиатским делам маленькая Мамлакат — школьница-хлопкороб 30-х годов подошла к Сталину с приветствием. Он, улыбаясь, взял ее на руки. Тотчас их усыпали цветами, и фотографы сделали снимки. Один, названный «Сталин — лучший друг советских детей», обошел всю страну. У этой истории есть изнанка. Держа девочку на руках и ласково улыбаясь, Сталин сказал Берия: «Момашоре ег тилиани!» Слова вождя, сказанные на незнакомом языке, Мамлакат хранила в памяти многие годы, а став взрослой, узнала их значение: «Убери эту вшивую!»

*

Сталин сказал Буденному:

— У меня нет твоей фотографии. Надпиши мне свою фотографию.

— Я, товарищ Сталин, с большим удовольствием.— Буденный задумался.

— Что думаешь? «Создателю Первой конной армии товарищу Сталину — Буденный»,— продиктовал Сталин.

Буденный надписал.

— А теперь я тебе подарю мое фото,— сказал Сталин и надписал: «Действительному создателю Первой конной армии товарищу Буденному — Сталин».

*

На одной из вечеринок во второй половине 30-х годов затронули тему: каково высшее наслаждение для мужчины? Посыпались ответы: женщины, работа, польза Отечеству. Сталин сказал: «Высшее наслаждение — раздавить врага, а потом выпить бокал хорошего грузинского вина!»

*

На допросе председатель Совнаркома Грузии Буду Мдивани сказал следователю: «Сталин не успокоится, пока всех не перережет, начиная от своего непризнанного ребенка и кончая своей слепой прабабушкой. Это так. Я знаю Сталина тридцать лет».

*

На июньском 1937 года пленуме ЦК после доклада Ежова о деятельности НКВД выступил заместитель наркома здравоохранения Григорий Наумович Каминский:

— Арестовываются руководящие работники. Я хорошо знаю многих из них — это настоящие...

Сталин прервал его:

— А не друг ли вы врагов народа?

— Не друг, но они честные люди.

— Вы одного поля ягоды.

— Нам надо лечить товарища Сталина — он тяжело болен...

Каминскому не дали закончить выступление.

Агранов сказал Сталину:

— Боюсь, что мы не сможем обвинить Смирнова в том, что он входил в троцкистско-зиновьевский центр, он ведь уже несколько лет сидит.

Сталин ответил:

— А вы не бойтесь. Не бойтесь — только и всего.

Крупных партийных деятелей — врагов народа — Сталин приказал фотографировать перед расстрелом и любил рассматривать эти снимки.

В сопровождении кавалькады машин с охраной и соратниками Сталин ехал на юг. Проезжая через какое-то село, он захотел размяться. В селе никого не было: все ушли в поле. Вдруг откуда ни возьмись старый дед. От великих мира сего у него зарябило в глазах. «Господи, Сталин! — заохал он.— А вот и сам Молотов! И... твою мать, Буденный!» С тех пор, встречая знаменитого конника, Сталин восклицал: «...твою мать, Буденный!»

После ареста Стэна Сталин присвоил конфискованную у него при обыске статью о диалектике и включил ее в «Краткий курс истории партии» в качестве четвертой главы.

Сталин сказал, что, когда обезьяна слезла с дерева, ее кругозор расширился от прямохождения и она стала человеком. Один академик возразил: но с дерева больше видно. Его арестовали. Другой академик сказал, что его коллега

пошутил. Сталин изрек: «Шутка — вещь серьезная, а если не серьезная, то просто смешная», — и второго академика тоже арестовали.

«ВЫПЬЕМ ЗА ГИТЛЕРА!»

Подписав договор с гитлеровской Германией, Сталин поднял бокал шампанского со словами: «Я хочу выпить за Гитлера — авторитетного вождя немецкого народа, заслуженно пользующегося его любовью. Я пью за осуществление всех планов вождя немецкого народа».

Второй тост Сталин поднял за Гиммлера — человека, обеспечивающего устойчивость немецкой нации, стабильность национального порядка в Германии.

ОБМАНУТЫЙ ОБМАНЩИК, ДУМАЮЩИЙ, ЧТО ОН ОБМАНУЛ ОБМАНЩИКА

Когда Молотов подписал Договор о дружбе и границе с Германией, обычно сдержанный Сталин шел вприпрыжку, бил себя по ляжкам и вскрикивал: «Я обманул Адольфа! А он думает, что он меня обманул! Но обманул я!»

ОБМАНУТОЕ ДОВЕРИЕ

Эренбург сказал: «Единственный человек, которому Сталин верил, был Гитлер».

В октябре 1941 года, когда гитлеровские войска были под Москвой, Сталин спросил Берия, может ли он войти в контакт с Гитлером.

— Могут. Через Болгарию.

— Нужно наладить контакт и начать переговоры об

окончании войны на основе аннексии захваченных территорий Белоруссии, Украины и России.

В 1941 году Сталин сказал Жукову:

— Жуков, спасай Россию! Узнай, где фронт под Москвой. Ничего не ясно.

Жуков попросил три дня, но уже через два доложил обстановку. Сталин разговаривал строго, вносил поправки. А еще через несколько дней начал давать указания. И когда Жуков сообщил, что войска готовы к контрудару, Сталин задержал начало действий, назначив свой срок.

Руководитель военной промышленности Устинов однажды навлек на себя гнев Сталина, и тот заставил его выползти из кабинета на коленях.

Во время войны Международный Красный крест предложил Сталину посредничество в обмене военнопленными. Сталин ответил: «У меня нет пленных. Есть изменники Родины».

Незадолго перед смертью маршал Рокоссовский говорил о Сталине: «Этот недоучка только мешал нам воевать. Мы его обманывали: любому, самому несуразному, его приказу поддакивали, а делали по-своему».

Вечером 6 ноября 1944 года на даче у Сталина был праздничный ужин. Принесли депешу. Сталин прочитал ее и громко закричал: «Киев взят! Пляши, Никита, пляши!» — и Хрущев пустился в пляс.

Сталин разговаривает с Черчиллем по телефону: «Нет...

Нет! Нет... Нет! Нет... Нет!.. Да!» Корреспондент: «Товарищ Сталин, разрешите узнать, на какой вопрос вы ответили «Да»?» — «Черчилль спросил, хорошо ли я его слышу».

Выслушав план операции по взятию Кенигсберга, Сталин задал неожиданный вопрос: «А как вы собираетесь брать зоопарк? Знаете ли вы, что в кенигсбергском зоопарке находится самый старый бегемот из всех живущих в неволе? Надо взять его живым и невредимым».

План операции пришлось пересмотреть. На Тиргартен был сброшен десант, уцелевшие десантники взяли бегемота невредимым.

В конце войны Сталин сказал Джиласу: «Эта война не похожа на предшествующие. В эту войну армии, занимающие территории других стран, устанавливают там свой строй».

ЛОШАДИНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Сталин сам хотел принимать Парад Победы. По его представлениям, это следовало делать на белой лошади. Он попытался овладеть искусством верховой езды, но лошадь его сбросила. Пришлось принимать парад маршалу Жукову.

После атомной бомбардировки Хиросимы Сталин спросил президента Академии наук Вавилова:

— Ну что, просрали бомбу ваши ученые?

— Нет, товарищ Сталин, в очередях простояли.

Дерзкий ответ спас президента. В науку были брошены большие средства.

Сталин обращается к министру безопасности Абакумову:

— Говори, товарищ Абакумов, какие есть нужды.

— Да вот, товарищ Сталин, отменена смертная казнь — трудно оформлять эти дела.

— Да, трудно. Тут я пошел на поводу. Но ничего, мы это исправим.

— Спасибо, товарищ Сталин, я знал, что вы поможете!

— Поможем, поможем, вот, может, тебя первого и расстреляем, товарищ Абакумов.

— Если заслужил — я готов.

— Зачем заслужил? Для такого дела особых заслуг не требуется. Иди, не беспокойся.

Храпченко рассказывал.

Николай Вознесенский выпустил книгу об экономике СССР в Великой Отечественной войне. Работа получила Сталинскую премию. В честь новых лауреатов был дан правительственный банкет. В конце его, когда участники выстроились полукругом для памятного снимка, Берия обнял Вознесенского за плечи и сказал: «Смотрите, товарищ Сталин, какие у нас есть молодые члены правительства. Книжки пишут. Премии получают. Вот только на товарища Сталина мало ссылаются». Сталин с недовольным лицом ушел в какую-то скрытую в стене дверь. Все стали тихо расходиться.

Вознесенский был подвергнут средневековой казни: в его живот зашили голодную крысу, которая пожирала внутренности несчастного.

Летом 1951 года врачи диагностировали у Сталина склероз и рекомендовали ему покой.

— Медицина — это наука? — спросил Сталин.

— Да, товарищ Сталин, наука.

— А в науке бывает прогресс?

— Да, товарищ Сталин.

— Значит, и в медицине есть прогресс?

— Да, товарищ Сталин, есть, но это заболевание наука еще не умеет лечить.

— Значит, вообще в медицине прогресс есть, но когда дело касается товарища Сталина, прогресса нет?

Так началась подготовка дела врачей.

В конце 1948 года еврейский поэт Перец Маркиш попал по навету в тюрьму. Над ним смеялись, его третировали. Говорили, что он не поэт, а спекулянт. Его стали теснить на дно тюрьмы, а когда он попытался сопротивляться, ему устроили экзамен: «Если ты поэт — скажи свои стихи».

Маркиш за всю жизнь не написал ни строчки по-русски, читать стихи по-еврейски было бессмысленно. Наступила ледяная тишина. И вдруг он сделал шаг вперед и тихо начал:

Есть дороженька одна
От порога до окна,
От окна и до порога —
Вот и вся моя дорога.
Я по ней хожу, хожу,
Ей про горе расскажу.
Расскажу про все тревоги
Той дороженьке-дороге...

Ему показалось, что глаза людей потеплели. Он продолжал:

Есть дороженька одна,
Ни коротка, ни длинна.
Но по ней ходило много,
И печальна та дорога.
Я теперь по ней хожу,
Неотрывно вдаль гляжу.
Что я вижу там вдали?
Нет ни неба, ни земли...

Он шел, и люди расступались.

Есть дороженька одна
От порога до окна,

От окна и до порога —
Вот и вся моя дорога.

Сокамерники были потрясены. Отверженный сделался священным дервишем тюрьмы. А стихи, отделившись от автора, стали песней. Поэт никогда больше стихов не писал: русских — не умел, еврейские — никому не были нужны, да и скоро его расстреляли.

В начале 50-х годов в Москву приехал Поль Робсон. Он слышал, что поэт Пфефер арестован, и спросил, правда ли это. Ему ответили: с Пфефером все о'кей и в этом можно убедиться. Пфефера доставили из тюрьмы в гостиницу и запустили в номер Робсона.

Робсон спросил о судьбе Маркиша. Пфефер молча показал на потолок, громко сказал, что Пфефер жив-здоров, и ребром ладони провел по горлу. Робсон спросил: а как твои дела? Пфефер ответил: прекрасно — и сложил пальцы решеткой.

Через несколько дней на концерте в Ленинграде Робсон спел песню сопротивления Варшавского гетто, и зал устроил овацию.

Вернувшись в Америку, Робсон сообщил, что дурные слухи не подтвердились, евреев в советской стране никто не обижает. Потом он объяснял, что таким ответом надеялся внушить Сталину, что ему выгоднее сохранить жизнь деятелям еврейской культуры, чем убить их. Хотя, скорее всего, мотивы осторожности Робсона были иные: его сын учился в Москве, а значит, был заложником.

Сочинив дело о врачах-убийцах, Сталин остался без квалифицированной медицинской помощи и при случае обращался к охраннику — бывшему ветеринарному фельдшеру.

Пищу Сталину подавали через окошко в двери и световой сигнализацией сообщали об этом. Утром официантка

пришла забрать посуду. Ужин оказался нетронутым. Она поставила завтрак, посигналила лампочкой и посмотрела в глазок: Сталин сидел у стола спиной к двери. Через полчаса в глазок заглянул офицер и тоже увидел Сталина склоненным над столом. Когда прошло еще полчаса и Сталин не переменял позы, офицер сообщил об этом начальству. Вызвали соратников, Светлану, врача. Он засвидетельствовал сердечный приступ. Сталин, незадолго до того перенесший инсульт, не приходя в сознание, умер.

Около полуживого Сталина на коленях стоял Берия и держал его руку в своей. Когда Сталин испустил дух, Берия воскликнул: «Тиран умер!»

Доктор Барткявичюс сидел за то, что отказался делать криминальный аборт любовнице какого-то чекиста. В марте 1953 года передали сводку о состоянии здоровья Сталина: «...дыхание Чейн-Стокса». Заключенным не терпелось узнать, что будет с вождем. Они собрали всех врачей лагеря в одном из барачков и с нетерпением ожидали результаты консилиума. Наконец из барака вышел Барткявичюс и сказал: «Пиздец!» Лагерь грохнул: «Ура!».

Спустя годы бывший заключенный-физик посвятил свою монографию академиком Сахарову, Ландау и «доктору Чейнстокову».

В начале 53-го года один из лагерей под Магаданом восстал. Заключенные разоружили вохровцев, перебили часовых и под руководством зека — бывшего полковника-фронтовика — ушли из лагеря. Они двигались от лагеря к лагерю, освобождая заключенных, обретая новых бойцов, пополняя запасы оружия и провианта. Беглецы направлялись к Чукотке, чтобы перебраться на Аляску. Сталин бросил против мятежников боевую авиацию. Тяжелые бомбардировщики громили их прицельным бомбометанием, а штурмовики добивали на бреющем полете. На многие километры по белоснежной тундре растянулось кровавое месиво.

ФАРИСЕЯ

ПО ПРИГОВОРУ ТРОЙКИ

Станислав А-ян в 1965 году был в доме у брата Анастаса Микояна и слышал там рассказ старого полковника.

В конце 1952 — начале 1953 года Сталин впал в такое опасное психическое состояние, что его приказы могли привести страну к гибели. Берия, Микоян и Хрущев решили, что Сталина нужно убрать, и лучше всего для этого подходит естественная смерть. Полковнику поручили дать ему яд. Задача была трудная: подозрительность Сталина сделалась манней. Он стал затворником, а если встречался с кем-то, то не выпускал из руки пистолета. За столом он пистолетом указывал на кусок, который кто-нибудь из присутствующих должен был попробовать, и только после этого начинал есть. Выходило, что положить яд следовало только в часть блюда, но Сталин мог ткнуть куда угодно... Полковник не ошибся: вождю достался нужный кусок.

Суд приговорил Берия к расстрелу. Расстрел происходил в подвале штаба ПВО. Берия привязали к столбу. Генерал Руденко завязал ему глаза белым платком, а генерал Батицкий выстрелил ему в висок. Через два часа полагалось проверить результаты. Батицкий отправился в подвал. Когда он вернулся в штаб, у него спросили: «Ну как?» — «Все в порядке. Просит чаю», — ответил он, не на шутку испугав присутствующих. Пистолет, которым была совершена казнь, Батицкий распорядился положить под пресс.

*

Какая сволочь Берия —
Не оправдал доверия.

*

В Гаграх экскурсовод-грузин поясняет: «А вот дача врага народа товарища Берия».

*

Одна дама любила беседовать с Рабиновичем и хвалить Сталина. Рабинович поддакивал. После XX съезда она сказала: «Оказывается, Сталин был не столь уж гениален». Рабинович подумал: «Оказывается, она идиотка, а я думал — стукачка».

*

Резолюция XX съезда: «Сталин умер — ну и культ с ним».

*

На XX съезде Хрущев получил записку: «Где же вы были раньше?». Хрущев спросил: «Кто это написал?» Никто не ответил. Он сказал: «Вот и я был там же».

*

В Туруханском крае, на берегу Енисея, стояло огромное изваяние. Его сбросили в реку. И было видно, как в перекатывающих волнах беломраморный Сталин шевелит усами.

*

В Подмосковье, около Фирсановки, был памятник: Ленин обнимает сидящего рядом с ним Сталина. После XX съезда Сталина убрали. Люди садились на место Сталина и фотографировались в объятиях Ильича.

Хрущев ввел в Конституцию СССР новую статью: «Граждане СССР имеют право на посмертную реабилитацию».

В чем разница между материалистом и идеалистом? Идеалист верит в бессмертие души, материалист — в посмертную реабилитацию.

Козлов, партийный руководитель Ленинграда, в сопровождении веселой компании катался на яхте по Балтийскому морю и нарушил государственную границу. Появился пограничный катер, яхту задержали, составили протокол. В это время в горькоме срочно понадобился какой-то документ, вскрыли сейф в кабинете Козлова и обнаружили доллары.

Козлов свалился с инфарктом. Хрущев сказал: «Выздоровеет — исключить из партии, умрет — похоронить с почестями». Козлова похоронили на Красной площади.

Я был в первой делегации московских писателей, посетивших Америку. Попав в один из университетов, мы заглянули в студенческую столовую. Узнав, что мы русские, ребята сняли по башмаку и стали стучать ими по столу, подражая известному жесту Хрущева на трибуне ООН.

Полянский сопровождал Хрущева на правительственную дачу. Хрущев ворчал: «Какая извилистая дорога...» Обратное он ехал уже по прямой, и Полянский стал членом Политбюро.

Хрущев отправил Жукова с визитом в Югославию и

Албанию. Провожали его с помпой. Когда маршал вернулся на родину, его встречал лишь полковник Генерального штаба.

— В чем дело? — спросил Жуков.

— Товарищ маршал Советского Союза, решением Пленума ЦК КПСС вы сняты с поста министра обороны.

— Кого назначили?

— Малиновского.

— Ну, слава богу, что не Фурцеву.

✱

Академик Капица задал Лысенко коварный вопрос: «Вы утверждаете, что гена наследственности не существует и все зависит от внешнего воздействия, которое и закрепляется как наследственный признак. Почему тогда, несмотря на тысячелетнее воздействие, женщины рождаются девственницами, а евреи необрезанными?»

✱

Хрущев сказал: «Социализмом могут быть недовольны только сумасшедшие». Вскоре недовольных стали сажать в психушки.

✱

Актеры подметили, что, как только руководитель лишается своего поста, он идет смотреть спектакль «Голый король». Когда сняли Хрущева, он тоже пришел и громче всех смеялся.

✱

Валентин Катаев рассказал мне, что в Кишиневе есть аллея, каждое дерево в которой посажено известным человеком, например, Гагариным. Так вот, дерево, посаженное Хрущевым, вырыто с корнем!

✱

Режиссер Яков Райх снимал фильм в Запорожье, когда

первым секретарем обкома был Брежнев. Он радушно принял членов съемочной группы. Угостил. Рассказал историю, как во время Парада Победы стоял по правую руку от трибуны Мавзолея и грелся коньяком, и так нагрелся, что его швырнули в «эмку» и отвезли в гостиницу. Брежнев помог киношникам с транспортом, а потом сказал: «Каждый должен иметь право поработать на себя», — вызвал директора филармонии и сказал, кивая на съемочную бригаду: «Два кассовых концерта на пятьдесят тысяч рублей». «Но у меня Бейбутов», — промямлил директор и поплелся выполнять указание. Гости из столицы уехали домой при деньгах.

В Большом театре завершалось торжественное заседание, посвященное тридцать третьей годовщине Октября. Все встали и запели «Интернационал». Сталин взял под козырек, хотя на голове у него ничего не было. Поскребышев прошептал: «Постарел наш вождь!» После торжественной части, как обычно, состоялся концерт. Гвоздем программы был танцевальный коллектив из Молдавии. После концерта Сталин в сопровождении Поскребышева вышел из правительственной ложи — навстречу человек с густыми бровями. Сталин похвалил:

— Молодцы твои молдовьяни!

Поскребышев сказал:

— Товарищ Сталин, это Брежнев — секретарь Днепропетровского обкома.

— Постарел ты, Поскребышев.

В тот же день Брежнев был избран первым секретарем ЦК Молдавии.

Брежнев спрашивает у Сулова:

— Ты «Малую Землю» читал?

— Да, читал, два раза. Очень понравилось.

— Надо и мне почитать.

Приехал Елисеев из Парижа в Москву. Зашел в Елисе-

евский гастроном и удивился: «Здесь всегда стояла бочка с черной икрой. Кому она помешала?»

✱

Секретарь обкома звонит председателю колхоза:

— Иван Никифорович, как у тебя с урожаем?

— Хреново.

— Не приукрашивай! Говори как есть!

✱

Брежнев играл со своим помощником против Воронова и его помощника в любимую игру членов Политбюро — домино. Трижды оставшись козлом, Брежнев тяжело задумался и сказал Воронову, отвечавшему за сельское хозяйство: «Подготовьте справку: как у нас дела с козловодством».

✱

Дипломатический прием. Брежнев читает:

— Дорогая товарищ Индира Ганди!

— Леонид Ильич, это госпожа Тэтчер!

— Я и сам вижу, но тут написано: «Индира Ганди».

✱

— Завтра, в день вашего рождения, Владимир Ильич, мы проводим коммунистический субботник.

— Как, Леонид Ильич, в стране до сих пор разруха?

✱

СЛОВАРЬ ПЕРЕСТРОЙКИ

Перестройка

— Что такое перестройка?

— Правда, только правда, и ничего кроме правды.

✱

Перестройка — замена трудностей роста ростом трудностей.

Варианты перестройки. Первый — реальный: марсиане прилетят и все перестроят. Второй — фантастический: все сделаем сами.

Чуковский о перестройке: «Ох, нелегкая это работа — из болота тащить бегемота!»

Встречает на том свете Брежнев Хрущева и спрашивает:
— Ты чего-нибудь там построил?
— Нет.
— И я нет. А чего ж они перестраивают?

С в о б о д а

Свобода — это когда тебя посылают к такой-то матери, а ты идешь куда хочешь.

Д е м о к р а т и я

Теорема Эроу, за которую он получил Нобелевскую премию, говорит, что никаким демократическим голосованием нельзя поделить ценности, в которых заинтересованы все.

Несмотря на такое очевидное несовершенство демократии, человечество не придумало ничего лучшего, чем демократия, говорил Черчилль.

Разница между демократией и социалистической демократией такая же, как между стулом и электрическим стулом.

Г л а с н о с т ь

Раньше бюрократия затыкала нам рот, теперь затыкает себе уши.

С в о б о д а с л о в а

Конституция СССР и конституция США гарантируют

свободу слова, но в США гарантирована еще и свобода после сказанного.

Консенсус

Все говорили: дважды два шесть. Правдолюбов сказал:
— Дважды два четыре!

Его посадили. В новое время он вышел. Слышит, оратор кричит:

— Дважды два пять!

Правдолюбов возражает:

— Дважды два четыре!

Оратор подходит к Правдолюбову и шепчет:

— Нужен консенсус, иначе дважды два снова будет шесть.

Плюрализм

Два еврея принесли раввину курицу. Один кричит: «Правда, ребе, эта курица белая?» Раввин отвечает: «Ты прав, она белая». Другой кричит: «Ребе, но ведь она черная!» Раввин подтверждает. Мимо идет женщина и возмущается: «Ребе, но ведь курица не может быть сразу и белой, и черной!» «И ты, женщина, права», — вздохнул раввин.

✱

— Товарищ Сталин, как вы относитесь к плюрализму?
— В отношении плюрализма двух мнений быть не может!

✱

Плюрализм: «Есть два мнения — мое и неправильное».

✱

Суть плюрализма великолепно выразил Вольтер в обращении к своему идейному противнику: «Я не согласен с вами и буду с вами бороться, но я буду бороться также за то, чтобы вы всегда могли высказать ваше мнение».

Рынок

Без рынка жить нельзя, на свете, нет...

ЗАБУГОРЬЕ

ЧИСТОСЕРДЕЧНОЕ ПРИЗНАНИЕ

После войны глава чехословацких коммунистов Сланский преследовал единоличников, католических священников, интеллигентов, видных деятелей-некоммунистов. Десять человек были приговорены им к смерти и сорок восемь — к пожизненному заключению, а в сорок девятом году он просил Сталина прислать в Прагу специалистов из МГБ. Несмотря на проявленную преданность идее, вскоре он сам оказался в тюрьме. Добиться от него признаний во вражеской деятельности было невозможно: он отвергал все обвинения и ничего не подписывал. Тогда в Чехословакию прибыл Микоян и от имени Сталина попросил Сланского помочь в разоблачении Тито. Для этого Сланский должен был заявить, что Тито предлагал ему стать агентом мирового империализма. Чтобы ситуация выглядела убедительней, суд должен был приговорить Сланского к расстрелу, а потом под другой фамилией его направили бы на секретную работу. Перед лицом такой благородной цели Сланский потерял бдительность и на открытом суде, ко всеобщему удивлению, признался в том, что, поддавшись уговорам Тито, предал дело коммунизма. Когда его вели на расстрел, он кричал: «Это ошибка, доложите Сталину, мы договорились...»

✱

В Чехословакии Маленкова пригласили на охоту. Из кустов вылетел фазан. Маленков выстрелил.

— Чудо! — заплодировал Запотоцкий. — Чудо, товарищ Маленков! Мертвый фазан продолжает лететь!

✱

В Праге поставили огромный памятник Сталину. Сталин спросил у Готвальда:

— Во что обошелся чехословацкому народу монумент товарища Сталина?

Готвальд назвал. Сталин присвистнул:

— За такую сумму товарищ Сталин и сам бы мог постоять.

СМЕРТЬ ГОТВАЛЬДА

Вслед за Сталиным ушел его верный чехословацкий последователь Климент Готвальд. О его смерти говорили разное: дескать, во время похорон Сталина он стоял на Мавзолее с непокрытой головой и простудился или что кончина учителя вызвала у него нервное потрясение с летальным исходом. Предполагали также, что он покончил с собой, боясь расплаты за содеянное.

Есть еще одно предание. В уголке рта лежащего в гробу Сталина выступила пена. Готвальд вытер ее носовым платком и положил его в карман. Сделал он это непроизвольно, из любви к почившему, или что-то подозревал и намеревался провести экспертизу — одному богу известно. На всякий случай Берия его и убрал. Рассказывают, когда Збарский пришел бальзамировать Готвальда, его телохранители были пьяны в стельку и один из них сказал: «На хрен его бальзамировать: он при жизни проспиртовался».

Долгие годы над Прагой возвышалась фигура Сталина — жуткое зрелище. Скульптор покончил с собой, когда понял, что обезобразил красивейший город мира. Как только чехи смогли проявить свободу воли, они сбросили этот шедевр.

ПРИМЕТА

Чехи говорят: если приснился танк — значит, скоро будет друг.

*

— Почему русские так долго не возвращаются из Чехословакии?

— Ищут того, кто их туда пригласил.

*

Чехи говорят: мы с русскими не друзья, а братья: друзей выбирают.

*

На политзанятиях в Праге: «Империалисты давно хотели вторгнуться в нашу страну, но Советский Союз их опередил».

*

Гусак и Кадар встретились в желудке Брежнева с Живковым:

— Тебя тоже проглотили?

— Нет, я сам влез с другого конца.

*

После чехословацких событий поляки запретили своим купаться в Буге: не дай бог, кто-нибудь станет тонуть и звать на помощь.

*

Студент-медик рассказывает на экзамене о типах любви: «Есть любовь французская, армянская, лесбийская. А еще есть любовь Чехословакии к Советскому Союзу».

ШВЕЙК НА ПОЛИТЗАНЯТИЯХ

Поручик объясняет:

— Израиль незаконно ввел свои войска в Ливан и не хочет их выводить.

— Осмелюсь доложить, господин поручик, у нас в чешских Будовицах был аналогичный случай.

✱

Чеха поймали при переходе границы. Он объясняет:

— Я люблю СССР.

— Но ты пойман на границе с Австрией.

— Любовь к СССР не знает границ.

✱

Старинная корона чешских королей находится в особом хранилище. Есть поверье, что тот, кто незаконно наденет ее, умрет в течение года. Наместник Гитлера в Праге Гейдрих примерил корону и в том же году был убит.

✱

По случаю приезда в Москву Иоахима Риббентропа предложили переименовать Химки в Иоахимки.

✱

Молотов предложил Риббентропу единое знамя для СССР и Германии: цвет красный, в верхнем левом углу красная звезда, в центре свастика, а сверху надпись: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Риббентроп согласился, но предложил убрать «пролет».

✱

Риббентроп на переговорах в Москве сказал, что Гитлер поставил важную, но трудную задачу — разрушить Лондон. Сталин выказал дружескую готовность помочь и предложил тысячу московских управдомов.

✱

В 1941 году Гитлер признался Сталину, что завидует ему: Сталин-де уничтожил своих строптивых генералов, а

он-де пошел на поводу и теперь не властен над ними и просит Сталина не волноваться, если они устроят какую-нибудь провокацию на границах СССР.

✱

Как и Сталина, Гитлера много снимали в кинохронике, но вот в художественных лентах его образ не возникал.

✱

Гитлер говорил: «Молодежь должна быть проворной, как борзая собака, и твердой, как сталь Круппа».

✱

Штурм Берлина. Гитлер принимает яд и, корчась в агонии, говорит адъютанту: «Передай товарищу Сталину, что его задание выполнено».

✱

— Сегодня госпожа Геринг именинница. Давай, Ганс, пошлем ей поздравление.

— Сейчас это будет выглядеть как подхалимаж. Лучше пошлем, когда она окажется вдовой.

✱

В штаб Геринга прибыли эсэсовцы — арестовать генерала, подозреваемого в еврейском происхождении. Геринг сказал: «В моем штабе я сам решаю, кто еврей».

✱

— Ты слышал речь Геббельса о железных нервах немцев?

— Я стал такой нервный, что не могу слушать Геббельса.

✱

ВТОРОЙ ЧЕЛОВЕК

Зорге предупредил Сталина о нападении фашистов. Но, возможно, не он самый выдающийся советский разведчик. Сталин получал самую секретную информацию о немцах почти одновременно с Гитлером. Есть версия, что передавал ее Борман и что руководителя гитлеровской военной разведки Канариса арестовали потому, что он вплотную подошел к раскрытию этой тайны. В пользу этой версии говорит такое обстоятельство. После капитуляции Германии возникли слухи, что Борман прячется в Латинской Америке. И тут же появилось наше официальное сообщение, что труп Бормана в шинели немецкого солдата найден под мостом, ведущим из Берлина на Запад. Для сравнения: о самоубийстве Гитлера советским властям было доподлинно известно сразу же после взятия Рейхстага (труп был идентифицирован зубным врачом), но сообщение об этом не публиковалось довольно долго. Так что, может, и не так фантастично предание о том, что после войны Борман многие годы жил в Советском Союзе. Согласно другому преданию, он обосновался в Бразилии, где умер в 1959 году.

✱

После первой мировой войны огромный кайзеровский флот отдали англичанам, но немецкий адмирал затопил его в английской бухте.

✱

Когда в Берлине громили еврейские лавки, командир дивизии по прозвищу «Тощий Карл» объявил в своей дивизии тревогу: по его представлениям, вот-вот должен был поступить приказ командования ловить хулиганов. Но приказа не было.

✱

Каганович говорил: «Берлинское метро по сравнению с московским — просто дыра в земле».

✱

СУДЬБА НЕГЕНИЯ ХРАНИЛА

Первое покушение на Гитлера состоялось в сорок третьем: во время его полета в Смоленск в самолет была заложена бомба, которая не взорвалась. Вторая — при посещении Гитлером выставки трофеев в Берлине. Третье планировалось при осмотре Гитлером новой униформы. Однако осмотр отменили: униформа сгорела при бомбежке Берлина. Последнюю попытку предприняли Шуленберг и Штауфенберг, пронесший в ставку Гитлера две бомбы. От взрыва Гитлера спасла крышка дубового стола. Выбравшись из-под нее, он взял собачку и отправился прогуляться — мол, ничего не случилось.

*

После казни участников заговора против Гитлера их вдовам присылали счет на сто пятьдесят марок за услуги палача.

*

Немец жалуется на невозможный русский язык: изгородь — сабор, храм — сабор, желудок не работает — тоже сабор.

*

В Германии перед войной шел фильм «ГПУ — компания убийц».

*

Весной сорок пятого Гитлеру доложили, что государственная касса пуста. Он приказал привести к нему из концлагеря еврея-банкира и сказал ему:

— Я знаю, что ты припрятал деньги. Отдай мне — я верну.

- Считайте, что они уже у вас.
- Вот и прекрасно. Сейчас я дам тебе расписку.
- Не нужно.
- Ты что, доверяешь Гитлеру?
- В этом вопросе доверяю. Вы уже вернули Украину, Польшу, Бельгию. Вы обязательно вернете и мои деньги.

*

Немецкий Союз защиты детей попросил бельгийские власти освободить как отца двоих детей военного преступника Иозефа Шметца, осужденного за участие в массовых убийствах евреев.

*

!
Заклученный упирается перед газовой камерой. Охранник:

- Слушай, либо туда, либо сюда — газ выходит!

*

Гитлер проиграл войну и приказал привести к нему раввина.

- Я хочу стать евреем.

Раввин сделал ему обрезание и поинтересовался, с чем связано такое неожиданное решение.

- Хочу, чтоб одним жидом меньше стало!

*

— Почему немецкие войска сосредоточиваются у советских границ?

— Они отведены с Запада на отдых. А вот почему ваши войска сосредоточиваются у наших границ?

- Чтобы обеспечить вашим войскам отдых.

*

В 23 часа 50 минут 21 июня 1941 года через Брест прошел последний поезд с продуктами в Берлин.

*

— Лейтенант Вольф, вы обвиняетесь в том, что вместе с ротой бежали с позиции.

— Бежала только половина роты. Вторую половину я послал вернуть первую и побежал вместе с ними, чтобы они тоже не удрали.

*

Каждый год 23 февраля Штирлиц выходил на улицы Берлина с гармошкой. В эти дни он как никогда был близок к провалу.

*

— Штирлиц, вы еврей! — закричал Мюллер.

— Нет, я русский, — обиделся Штирлиц.

*

Мюллер застал Штирлица в своем кабинете роющимся в сейфе.

— Что вы здесь делаете, Штирлиц?

— Трамвай жду.

Мюллер вышел, но внезапно его осенило: «Какой, к черту, трамвай в моем кабинете?»

Он вернулся в кабинет. Штирлица не было.

«Наверное, уже уехал», — подумал Мюллер.

*

Борман ехал на «хорьхе» со скоростью 70 км/час. Штирлиц бежал сзади и делал вид, что прогуливается.

*

В бункере стоит очередь за спецпайком. В первых рядах, как всегда, офицеры СС и генералы вермахта. Штирлиц протискивается вперед. Генералы глухо ропщут. Голос за кадром: «Тогда они еще не знали, что Герои Советского Союза обслуживаются вне очереди».

*

Штирлиц встречает Бормана:
— Хайль Гитлер, партайгеноссе!
— Полно юродствовать, Исаев.

*

— Ганс, проспрыгай глагол «бежать».
— Я бегу, ты бежишь, он бежит, мы бежим, вы бежите.
— А они?
— Они наступают, господин учитель.

*

В 1945 году в рейхсканцелярии сняли светильники и отправили в Москву, чтобы украсить помещение Кремля. Сталин распорядился установить их на одной из станций метро.

*

В шестидесятом году, во время моей первой поездки в ГДР, я встретился с пожилым немцем, дружелюбно сообщившим, что воевал в России, и сетовавшим лишь на условия плена.

*

В шестидесятом году в ГДР познакомился с семьей, переехавшей в Берлин с Рейна. Девочка Ангелика пошла в школу. Дети ее не понимают. В немецком различия между языком саксонца, берлинца, баварца, по крайней мере на тот момент, были весьма существенны. Русский язык однородней. Россия раньше и решительней покончила с феодальной раздробленностью. Варварские объединительные усилия Ивана Грозного на три века обогнали цивилизованные усилия Бисмарка.

*

Крестьянин в Восточном Берлине спрашивает регулировщика:

- Как пройти на Рейнштрассе?
— Рейнштрассе теперь Ленинштрассе. Вы идете по Марксштрассе, бывшей Гетештрассе, пересекаете бульвар Сталина — экс-Бисмарка — и первая улица направо.
— Спасибо. Экс-хайль Гитлер!

ГОРЕ НЕМЕЦКОГО НАРОДА

Погибли в авиакатастрофе Гомулка, Чаушеску, Живков и Гусак. Немцы объявили траур по поводу того, что с ними не было Ульбрихта.

Сотрудник госбезопасности ГДР спрашивает коллегу:

- Что ты думаешь о нашем строе?
— То же, что и ты.
— Тогда я вынужден тебя арестовать.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

«Меняю большую квартиру в Восточном Берлине на маленькую дыру в берлинской стене».

Знаменитых людей, живших в Веймаре, хватило бы на десять столиц. Здесь есть памятник Пушкину. Причем даже фашисты его не тронули. А вот жители одной из прибалтийских стран, провозгласивших независимость, снесли памятник великому русскому поэту.

«РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ»

В западногерманском городке домик-музей Кандинского. Здесь он работал и жил со своей ученицей и возлюбленной Габи Мюнтор. Когда он ее покинул, она в отместку спрятала все его картины. Так, то ли на чердаке, то ли в подвале они пережили гитлеровское лихолетье, унесшее все искусство, не отвечающее фашистским идеям.

Мой приятель Ион, много лет преподававший в Лейпциге эстетику, после объединения Германии подал в суд на ФРГ: почему ушедший на пенсию западный профессор получает восемь тысяч марок, а восточный всего две?

Агитируя за избрание в Бундестаг социал-демократа Карла Рэша, его жена носила по улицам города Фельбаха плакат: «Голосуйте за моего мужа Карла. Я выбрала его в свое время и до сих пор не жалею».

Надпись у входа в маленькую церковь: «Если ты изнурен грешной жизнью, отвори эту дверь». Приписка губной помадой: «А если не изнурен, позвони по телефону 50-13-79-29».

Портье проводил господина и даму в номер и, прежде чем закрыть за собой дверь, интересуется:

— Может, что-нибудь нужно вашей супруге?

— Хорошо, что напомнили. Принесите, будьте добры, почтовую открытку.

Муж предупредил телеграммой о своем возвращении.

Дома он застал жену с любовником и решил подать на развод. Теща посоветовала:

— Не горячись, ее поступку наверняка есть какое-то объяснение.— Вскоре она сообщила:— Так и есть. Ты не прав. Она не получила телеграмму.

*

Проститутка:

— На стуле пятьдесят марок, в постели — пятьсот.

Клиент.

— Десять раз на стуле!

*

РОБИНЗОНАДА

Английский лорд попал после кораблекрушения на необитаемый остров. Он построил там три хижины. Когда его обнаружили и поинтересовались, зачем ему три хижины, он ответил: «В одной я живу, вторая — это клуб, который я посещаю, третья — клуб, который я игнорирую».

*

СОСЛОВНЫЕ ПРИВИЛЕГИИ

Лорд заводит настенные часы и объясняет удивленному лакею: «Врач рекомендовал мне физическую работу».

*

СТРАНА ТРАДИЦИЙ

В Сантоне в память о знаменитом вуне конца XVIII века Виде Радсоне вот уже сто пятьдесят лет проводятся кон-

курсы врунов-любителей. К конкурсу не допускаются профессиональные вруны — политики, адвокаты, трактирщики.

*

Маршак говорил: «Каждый третий англичанин — чужак. За это я люблю Англию».

*

Некий лорд заявил, что все женщины продажны. Королева возмутилась:

— Как! И я тоже?

— Да, ваше величество.

— Сколько же я, по-вашему, стою?

— Сто фунтов стерлингов.

— Всего?

— Вот видите, ваше величество, вы уже торгуетесь!

*

В отличие от членов Политбюро, на долю которых при возложении венков к памятникам доставалось поправить ленточку, английская королева сама несет венок.

*

На высоком приеме наш дипломат — выдвиженец комсомола — спросил английскую королеву: «Ду ю спик инглиш?» Дипломата в тот же день отозвали на родину.

*

АНЕКДОТ, ПОХОЖИЙ НА ПРАВДУ, ИЛИ ПРАВДА, ПОХОЖАЯ НА АНЕКДОТ

У Черчилля спросили:

— Чем Сталин отличается от Гитлера?

— Усами.

*

Сталин и Черчилль попали на тот свет. С Черчиллем Бог поздоровался стоя, а со Сталиным — сидя. Сталин обиделся. Бог пояснил: «Я встану — а ты, Иосиф, мое место займешь».

✱

ПРЕДАТЕЛИ

Лейборист Бевин спросил у Вышинского:

— Как понять: я — бывший рабочий — стал одним из руководителей буржуазного государства, а вы — бывший дворянин — одним из руководителей государства рабочих и крестьян?

— Это значит, что мы оба предали свой класс.

✱

В 1951 году в Англии была опубликована программа компартии Великобритании, звучащая ересью по отношению к принципам большевизма. Эта программа принадлежала перу Сталина.

✱

Хрущева встречали в Лондоне. Один англичанин из толпы показал кулак. В ответ Хрущев постучал по лбу. Англичанина отвели в полицию:

— Что означал ваш жест?

— «Держи своих в кулаке — скинут!»

— Допустим. Ну, а как вы тогда истолковали ответный жест Хрущева?

— «У меня на это ума не хватает!»

✱

Англичане захватили Фолклендские острова. Тэтчер распорядилась: «Позвоните Брежневу — он специалист по малым землям — спросите, что делать?»

✱

Самое заброшенное место Лондона — могила Маркса на Хайгетском кладбище. Последним известным человеком, посетившим ее, был руководитель ГДР Хонеккер. А четыре года спустя, летом 91-го, здесь изнасиловали двадцатилетнюю француженку.

✱

Ленин был в Лондоне семь раз. Пять — без Крупской. По преданию, влекли его туда не только залы знаменитой библиотеки, но и «минуты сладкого свидания».

✱

Английский колонизатор забирает часть молока, надоенного туземцем. Советский — все молоко и уводит корову. Поэтому Россия никак не может стать богатой.

✱

УРОВЕНЬ СЕКРЕТНОСТИ

Во Франции — на одном заводе не знают, что делают на другом. В Англии — за одним столом лаборатории не знают, что делают за другим. У нас — работник и сам не знает, что делает.

✱

Англичане и русские обменялись опытом. Англичане завели двух королев: одну по промышленности, другую по сельскому хозяйству. Русские решили перейти на левостороннее движение и в порядке эксперимента пустили по левой стороне сто машин.

✱

На международной конференции обсуждают, чья резина лучше.

Американец:

— У нас один упал со сто первого этажа, подошвы спружинили, и он взлетел обратно.

Англичанин:

— А у нас корабль отошел от берега, а его притянуло в порт — один пассажир зацепился подтяжкой за причал.

Русский:

— А у нас один свалился в лифт: сам — вдребезги, а галоши как новенькие.

✱

В БЮРО НАХОДОК

— Я забыл в поезде бутылку виски. Вам ее не принесли?

— Нет, приносили джентльмена, который ее нашел.

✱

В сквере англичанин играет в покер с псом.

— До чего умная тварь! — восхищается прохожий.

— Ошибаетесь: когда к нему приходит хорошая карта, он виляет хвостом.

✱

ПИСЬМО ДЕЛОВОМУ ПАРТНЕРУ

«Сэр, вы обманули меня. Поскольку моя стенографистка — дама, я не могу продиктовать ей то, что я о вас думаю. Как джентльмен, я не могу даже мысленно произнести слова, которых вы заслуживаете. Но вы не джентльмен и легко поймете, что я хочу вам сказать».

✱

— Я допустил врачебную ошибку.

— Что случилось?

— Я вылечил пациента за два визита, а он оказался миллионером.

✱

РАЗНЫЕ ШКОЛЫ

Два англичанина в писсуаре. Один вымыл руки после туалета, другой — нет. Тот, который вымыл, говорит:

— Нас в Оксфорде учили мыть руки после туалета.

Тот, который не вымыл, отвечает:

— А нас в Кембридже учили не писать на руки.

✱

Булганин спросил у Идена:

— Почему у вас в Англии нет антисемитизма?

— Мы не считаем себя хуже евреев.

✱

Британский премьер Макмиллан всегда хвалил канцлера Аденауэра. Когда внука Макмиллана спросили, кем он хочет быть, он ответил: «Немцем».

✱

В Англии запретили древнейшую профессию. Полиция получила предписание: женщина, у которой в сумочке обнаружен презерватив, должна быть арестована. Узнав об этом, поэт Дмитрий Сикорский воскликнул: «Ликвидировано последнее преимущество капитализма перед социализмом!»

✱

ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ

Пройдя по залам Древнего Египта и Греции в Британском музее, поэт Александр Межиров сказал своему гиду:

— Вы же ограбили весь мир! Вы даже Парфенон ободрали и привезли сюда!

Англичанин вежливо возразил:

— Да, но сегодня мы отовсюду ушли, роздали свою им-

перью и остались одни на этом острове. Зрелость нации не в том, чтобы брать, а в том, чтобы отдавать.

НА ПРИЕМЕ У КОРОЛЕВЫ

Шостаковичу на приеме у английской королевы подали чай с лимоном. Выпив чашку, Шостакович достал ложечкой лимон и съел его. Двор был шокирован. Но королева невозмутимо достала свой лимон и тоже съела. Говорят, инцидент стал прецедентом: теперь при королевском дворе можно съесть лимон, вынув его из чая.

Осенью 1939 года хореограф Игорь Моисеев был на правительственном приеме. Сталин его спросил:

- Не поставишь ли чего-нибудь новенького?
- Что скажут, то и поставим.
- Того, что нам нужно, ты не поставишь.
- А что нужно?
- Разгром Англии!

Лорд взял в жены вдову. На бракосочетании приятель спросил его, почему он в смокинге, а не во фраке.

- В нашем роду во фраке ходят только на премьеру.

Английский лорд женился. По дороге из церкви конь споткнулся. Лорд сказал: «Раз!» Конь споткнулся другой раз. Лорд сказал: «Два!» Конь споткнулся третий раз. Лорд вышел из кареты, пристрелил лошадь и предложил новообрачной идти пешком. Она закапризничала. Лорд сказал: «Раз!» всю жизнь супруги жили дружно и счастливо.

Джо вылетает из бара на тротуар. Прохожий участливо спрашивает:

— Вас выбросили?

— Ерунда. Я как раз сам собирался уходить.

✱

— Джон, твоя лошадь курит?

— Нет!

— Значит, это горит твоя конюшня.

✱

Негр в метро читает еврейскую газету. Попутчик спрашивает:

— Вам мало, что вы негр?

✱

Анджеле Дэвис понравился фильм «Чапаев», потому что там есть фраза: «Вот всех белых вырежем, и настанет счастливая жизнь».

✱

Анджела Дэвис в тюрьме дала интервью о нечеловеческих условиях заключения. Русский диссидент Амальрик спросил у своего тюремщика:

— Почему негритянская диссидентка в «нечеловеческих» условиях американской тюрьмы встречается с журналистами, а мне — «в человеческих» — не дают свидания с женой?

— Потому что у них капитализм, а у нас социализм.

✱

Феминистки Америки считают проявлением «мужского шовинизма» библейское выражение «Бог-отец» и видят в божестве материнское начало.

✱

Американец спрашивает жену:

- Ты мне изменяла?
— Помнишь, у нас появилась новая вилла...
Русский спрашивает жену:
— Ты мне изменяла?
— Помнишь, у тебя шапку украли...

В 1938 году Эйнштейн направил Сталину протест против арестов видных советских ученых. Сталин ему не ответил.

НАДПИСЬ В ТАВЕРНЕ

«Не стреляйте в тапера — он играет как может!»

Мой парижский знакомый Андрей Рачинский считает, что у Америки есть своя цивилизация, но нет своей культуры.

Американской культуре две с половиной сотни лет. Это очень мало. В Вашингтоне я видел собор, в стене которого есть камни и из собора Парижской Богоматери, и из Форума, и из Великой Китайской, и даже из Кремлевской стены — американцы стремятся углубить свой культурный фундамент. Порой они покупают в Европе целые рыцарские замки и перевозят к себе, чтобы иметь что-то из XII века, которого у них не было.

- Почему Теодор Драйзер стал коммунистом?
— На гения — не хватило ума. На титана — сил. На финансиста — денег. И тогда произошла американская трагедия — перекавалифицировался в коммунисты.

Одним из любимейших композиторов Черчилля и Рузвельта был Гершвин.

Американцы придумали фокстрот и создали определения: любовь — фокстрот лежа, фокстрот — секс стоя.

В космополитическую кампанию кинорежиссера Трауберга назвали «откровенным агентом Голливуда».

Метрополитен-опера — большое бесформенное помещение, уставленное рядами красных бархатных кресел. Представляли оперетту-агитку. По своей тенденциозности и пошлости она превзошла такие шедевры соцреализма, как «Кубанские казаки», «Падение Берлина» и «Освобождение». Содержание ее таково.

Американец-студент посещает Пуэрто-Рико. Там идет карнавал. Пейзане и горожане танцуют и поют. Во время танца молодой человек знакомится с прекрасной пейзажкой. Во втором действии влюбленные, продолжая петь и танцевать, решают пожениться. Но вот беда: у студента и пейзажки нет ни денег, ни родительского благословения. Студент посылает своему отцу телеграмму, и в это же время дают согласие родители невесты. Однако они бедны и не могут помочь молодым. Действие третье. Песни и пляски продолжают, и в разгар веселья приходит телеграмма из Америки: родители благословляют сына на брак с прекрасной пуэрториканкой и дарят новобрачным парочку миллионов. Веселье доходит до высшей точки. Брак богатого американца и бедной, но прекрасной пуэрториканки становится символом присоединения бедного Пуэрто-Рико к богатым Штатам. Над головой жениха и невесты вспыхивает звезднополосатый флаг, а в момент их поцелуя на нем зажигается новая звезда.

— Какой счастливый конец у этой пьесы!

— Вы имеете в виду женитьбу героя?

— Нет, я имею в виду счастье зрителей, что она наконец кончилась.

До поп-арта в американской живописи не было прорывов на всемирно-исторический уровень. С поп-артом американцы впервые повели за собой художественный мир. Поп-арт, отвергнувший предшествующий абстракционизм, — предметное искусство, утверждающее вещизм и использующее опыт рекламы. Поп-арт на время перенес центр мировой живописи из Парижа и Рима в США.

И все же главное богатство Америки в области изобразительного искусства — это собрание европейской живописи, начиная от средневековья. Хотя для нашего восприятия экспозиция в Национальной галерее Америки организована весьма странно. В одном и том же зале Эль-Греко, древнеегипетская скульптура, импрессионисты — это зал Рокфеллера. Другой зал — Форда... Вкладывать деньги в шедевры искусства богачей побуждает не любовь к искусству, а прогрессивный налог на прибыль, достигающий в иных случаях 99%: он не взимается, если обладатель миллионных прибылей вкладывает их в картины и скульптуры.

Инженер не стал героем американской литературы. Величайшая техническая цивилизация мира не нашла своего отражения в творчестве Хемингуэя, Фолкнера, Марка Твена...

Американский писатель Стейнбек гостил в Москве. Однажды на улице на него набросились два мужика и потащили выпить на троих. Несмотря на то, что Стейнбек не говорил по-русски, как и мужики — по-английски, он остался доволен общением и сделал вывод: в России не могла возникнуть философия экзистенциализма, здесь нет и не может быть проблемы одиночества.

На встрече с молодыми писателями Стейнбек сказал:

— Где вы? Я не вижу вас среди бунтарей против тоталитарной системы!

Один из участников встречи ответил:

— Вправе ли вы требовать от нас борьбы с тоталитарной системой? Ведь бунтарей против нее ждет лишь смерть, борьба с ней — самопожертвование. Пойти на это можно только по внутреннему императиву, а не на «слабо», которое кричит человек, находящийся вне опасности.

*

Одна американская кинозвезда сшила у Кардена платье, за уникальность которого были заплачены бешеные деньги. В нем звезда появилась на Каннском фестивале, где столкнулась с другой звездой, точь-в-точь в таком же платье. Скандал был ужасный. Фирма Кардена принесла извинения и заплатила огромный штраф за моральный ущерб.

*

— Кто лучший музыкант — Ван Клиберн или Ван Клайберн?

*

У Гершвина не было музыкального образования. Будучи уже известным композитором, он пришел к Равелю и попросил дать ему уроки игры на фортепьяно. Равель спросил:

— Сколько вы получаете в месяц?

Гершвин назвал. Равель сказал:

— Это не вам надо у меня учиться, а мне у вас.

*

Василий Иванович и Петька гуляют по Нью-Йорку — навстречу негр. Василий Иванович:

— Смотри, Петька, Солженицын. Вишь, как очернили человека.

*

Это была первая большая писательская делегация в США в новое, хрущевское время. В нее, кроме меня, входили Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко, Сергей Антонов, Анатолий Рыбаков, Николай Вирта, Лидия Либединская и другие.

Прыжок через океан поражает воображение. Вылетаешь в десять утра из Москвы, шесть часов гуляешь по Копенгагену и уже в десять вечера ты в Нью-Йорке! Летишь по движению Земли и гасишь его. Солнце повисает в иллюминаторе, под тобой льды и скалы Гренландии, айсберги, океан.

Первые минуты в Америке ощущаешь себя землянином, попавшим на другую планету. Тебя покачивает от проделанного перелета, и ночное небо над нью-йоркским аэропортом кружится над твоей головой. Оно полно незнакомых звезд, в него каждые полминуты круто уходят лайнеры, оставляя огненные следы реактивных двигателей. Где-то в тебе еще сидит сознание, что ты находишься с другой стороны земного шара и люди в Москве ходят по отношению к тебе вниз головой. Но скоро это ощущение исчезает, и ты чувствуешь, что, сколь бы ни были велики различия между нами, мы люди одной эпохи и одной цивилизации.

Облик городов пестр. Филадельфия — интеллигентный, спокойный, почти европейский город. Много зелени и света. Нью-Йорк огромен, бесконечен вширь и ввысь. Старые небоскребы мамонтоподобны.

Новые небоскребы воздушны. Это шедевры техники и архитектуры.

Мы находились в США во время Карибского кризиса. Мир стоял над пропастью. Вероятно, поэтому нас принимали особенно гостеприимно.

Путешествуя по Соединенным Штатам, мы попали в поселение индейцев. Вождь племени — невысокий цвета меди человек с ордлиным носом, в уборе из огромных — наверно, орлиных — перьев курил трубку. Мы, по совету гида, стали упрашивать его проделать обряд заговаривания дыма. И вдруг вождь вздрогнул и, к нашему изумлению, с сильным еврейским акцентом заговорил по-русски. Он оказался учителем истории из Белостока. Эмигрировал в Америку,

долго был безработным и наконец поступил вождем краснокожих в образцово-показательную индейскую резервацию.

В нашей писательской группе ездил в Штаты литератор Ким — человек необыкновенной судьбы. Кореец с хорошим образованием, светскими манерами и знанием многих языков. Всю войну Ким был в Японии советским разведчиком. После войны он оставался там и работал против американцев, победивших Японию. Затем его отозвали в Москву и по сталинским нормам на всякий случай приговорили к расстрелу. Два года он сидел в камере смертников, ежечасно ожидая исполнения приговора. Его спасли товарищи по работе. Они объяснили командованию, что только Ким знает японские и американские шифровальные коды и только он может расшифровывать секретные документы.

Когда Ким вышел на свободу, он стал заниматься литературой. Его книга «Совершенно секретно» пользовалась известной популярностью как детектив, и экземпляр такой книги со своим автографом космонавт Юрий Гагарин подарил моему десятилетнему сыну на новогодней елке в Институте авиационной и космической медицины. Ким опасался, что американцы в отместку за его прошлое устроят провокацию, и просил меня не оставлять его одного и брать с собой на прогулку. Мы много гуляли вместе по Бродвею и другим улицам Нью-Йорка. Ким профессиональным глазом видел то, что мне было недоступно: «Вот нас сейчас ведут два человека. Сейчас они передали нас третьему». Карибский кризис разрастался, и наблюдение, видимо, имело двойной смысл: американцы остерегались нас и одновременно оберегали нас от случайностей — не хотели добавлять к напряженности ничего непредвиденного.

На кафедре русской литературы Колумбийского университета нас принимали два профессора, больше похожих на офицеров, чем на ученых. Студентов не было. Один из профессоров объяснил, что сейчас сессия, студенты заняты и не хотят ни с кем встречаться. Я удивился: «Я преподаю в вузах много лет. Я готов поспорить на все мои 30 долларов,

что, если сейчас вывесить у входа в университет объявление, через час эта аудитория будет полной: студенты, изучающие русскую литературу, не преминут встретиться с русскими писателями». Мое пари никто не принял. Никто не помог мне разыскать преподававшую в Колумбийском университете английскую литературу мою приятельницу француженку Клодин Или. Похоже было на то, что железный занавес сооружали с двух сторон и американцы нас опасались не менее, чем мы их.

*

Эмигрант на улице Нью-Йорка продает спички. К нему подходит другой эмигрант и просит одолжить пятьдесят долларов. Тот отвечает: «Не могу! У меня договор с манхэттенским банком. Я никому не одалживаю денег, а они не торгуют спичками».

*

Урок русского языка в американской школе. Учитель спрашивает:

— Перед каким словом в предложении: «Сегодня в наш ларек опять не завезли пива»,— следует поставить артикль «бля»?

— Перед «пива»?..

— Запомните: в современном русском артикль «бля» пишется перед каждым словом.

*

Американский резидент говорит:

— Иван, твое КГБ последнее время нас здорово бьет, но вот в Ливане мы отыгрались.

— Первый раз слышу. Когда это было?

— В октябре.

— А, это мы на картошке были.

*

Как нашли в США русского шпиона? Задержали человека, который застегивал штаны, выходя из общественного

туалета. Как нашли в России американского шпиона? Задержали человека, который внимательно слушал доклад Брежнева. Враг не дремлет.

*

Русские склонны решать мировые проблемы, американцы — конкретные. Встретившись, американцы говорят о бизнесе, русские о социальной справедливости и метафизических проблемах бытия.

*

Эйзенхауэр сказал Хрущеву:

— В Москве много пьяных.

— У вас не меньше.

— Если увидите в Вашингтоне пьяного, можете его пристрелить.

Вскоре американские газеты сообщили, что в Вашингтоне какой-то толстый и лысый гангстер убил трех советских дипломатов.

История государства советского в преданиях, ИЛИ Хождение в счастливое будущее и обратно.

Бисмарк говорил: можно попытаться построить социализм, но нужно выбрать страну, которую не жалко.

✱

- Кто такой Маркс?
- Экономист.
- А моя тетя Роза старший экономист.

✱

- Кто такой Маркс?
- Не знаю.
- Ходил бы по вторникам на политзанятия — знал бы!
- А если бы ты не ходил — знал бы, кто по вторникам бывает у твоей жены.

✱

И с этим бухгалтером еще наплачется вся Европа», -- сказал Бисмарк о Марксе.

✱

Когда Наполеон на белом коне въезжал в город, юный Тегель решил, что это абсолютный дух.

✱

Один губернатор забыл поздравить Николая II с именинами и, спохватившись, дал телеграмму: «Вторую неделю пьем здоровье Вашего Императорского Величества». Николай ответил тоже телеграммой: «Пора бы и перестать».

*

Купчиха Семижопова написала на высочайшее имя прошение об изменении неблагозвучной фамилии. Николай наложил резолюцию: «Хватит и пяти».

*

Бедная француженка приехала в Москву и устроилась гувернанткой. За ней начал волочиться некий молодой человек. Барышня объяснила ему, что путь к ее сердцу лежит лишь через законный брак. Повеса повел ее в церковь и заказал молебен во здравие царя. Француженка сочла себя обвенчанной. Пролетел медовый месяц, и она узнала, что обманута. Во время прогулки Николая II она бросилась ему в ноги и рассказала свою историю. В нарушение церковного устава царь распорядился считать молебен венчанием.

*

Чиновник из Балаклавы сообщил царю, что город хочет обрести суверенитет. Николай прислал телеграмму: «Закусывать надо».

*

Ректор Казанского университета Кремлев в характеристике исключенного студента Владимира Ульянова отметил: «Скрытный, невнимательный и даже невежливый».

*

Пятилетняя дочка большевика Лепешинского спросила: «Ленин, а Ленин, отчего у тебя на голове два лица: одно спереди, а другое сзади?»

*

САМЫЙ ЧЕЛОВЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Литературовед Абрамович со слов Крупской рассказывал. Во время болезни Ленина она читала ему рассказ какого-то русского писателя. В рассказе описывается бунт рабочих, во время которого убивают жандарма. Горе жены жандарма и маленького сынишки было передано замечательно сильно. Ленин и Крупская писателя осудили и сошлись на мнении, что рассказ вреден, так как отвлекает от непримиримой классовой борьбы.

✱

ДЕД МАЗАЙ И ЗАЙЦЫ

Однажды во время охоты Ленин обнаружил крошечный островок, на который половодье согнало несметное число зайцев. Подплыв поближе, Ильич радостно расстрелял их и в тяжело груженной лодке вернулся домой.

✱

Один французский журналист назвал Ленина мыслящей гильотиной.

✱

Плеханов отзывался об умственных способностях Ленина как о второразрядных.

✱

Ленин томился в ссылке. Для связи партия послала к нему Крупскую. При ссыльном могла быть только жена, и Крупская ехала в Шушенское под видом невесты, но по прибытии сказала: «Все будет по-настоящему».

✱

Однажды Ленин повинился перед Крупской:

— Я полюбил другую женщину.

— Партии необходимо твоё душевное равновесие, Володенька, — я ни в чём не стану тебе препятствовать.

— Хорошо, дай мне сутки на размышление. — Через сутки он сообщил: — Я остаюсь.

Когда киносценарист Габрилович упомянул в Институте Маркса — Энгельса — Ленина о связи Ильича с Инессой Арманд, научные сотрудники называли это лживыми сплетнями.

✱

Меньшевики называли Ленина Собакевичем.

✱

В эмиграции эсер Александр Гавронский прятельствовал с Лениным. Когда у Ленина кончались деньги, он обращался к Гавронскому, и тот с приятелями отправлялся в казино, где, используя не предусмотренные правилами игры приёмы, они обычно выигрывали энную сумму, позволяющую Ленину продолжать революционную деятельность. Под влиянием Ленина Гавронский стал большевиком.

✱

Эту историю мне рассказал Шкловский, а сам он слышал её от Репина.

Лев Толстой играл в карты с Мамонтовым. Было такое неписанное правило: деньги, упавшие со стола, оставались прислуге. Мамонтов уронил десятку и полез её искать. Прижимистый Толстой поджег двадцатипятирублевку и осветил Мамонтову под столом.

✱

Шаляпин говорил: «В этой стране нельзя жить. И без этой страны нельзя жить. Народ на Волге несквалыжный. Везде жизнь для денег — на Волге деньги для жизни».

✱

Осенью 1916 года англичане закупили в России тридцать миллионов пудов хлеба — три процента ее хлебных излишков. Чего не хватало — так это мешков.

✱

ЧЕСТЬ ФИРМЫ

Дама подняла крик в знаменитой Филипповской булочной:

— Какой ужас, в булке таракан!

Вышел хозяин, взял булку, поднес ее к самому носу и сказал:

— Мадам, где вы видите таракана?! Это же изюм!

Выковырял «изюм» и съел.

✱

Во время крестьянского бунта детина пошел на Столыпина с дубиной. Столыпин сбросил шинель: «Подержи!» Детина выронил дубину и услужливо подхватил барскую шинель.

✱

Николай II совершал инспекционную поездку на фронт. Во время осмотра передовых позиций у его ног упала граната. Все бросились врассыпную. Лишь один солдат не растерялся — схватил гранату и отшвырнул. Николай спрашивает:

— Фамилия?

— Никифоров, ваше величество.

— Звание?

— Рядовой.

— Откуда?

— Пскопские.

Николай говорит князю Голицыну:

— Князь, псковский помещик полковник Никифоров просит руки вашей дочери!

— Ваше величество, ну можно ли...

— Князь, генерал Никифоров просит руки вашей дочери!

— Помилуйте, ваше величество...

— Мон шер, маршал Никифоров просит руки вашей дочери!

Никифоров хлопает царя по плечу:

— Коля, да пошли ты этого князя в жопу, что мы маршалу бабы не найдем?

Николая II наградили орденом Октябрьской революции за создание в России революционной ситуации, а вот орден Трудового Красного Знамени не заслужил: не мог оставить продовольствия на каких-нибудь семьдесят лет.

Издатель Суворин обратился к Чуковскому:

— Сейчас революция, нужны новые веяния. Кого издавать?

— Кропоткина. Он революционер и князь — надежно при любом повороте событий.

Они пришли в голландское посольство, где Кропоткин исполнял обязанности сбежавшего посла. Быстро сговорились с Сувориным об издании трехтомника. Суворин предупредил:

— Больше двадцати пяти тысяч аванса я вам дать не смогу — революция.

Кропоткин сказал:

— Я революционер и денег за свои сочинения не беру.

Когда Суворин с Чуковским вышли на улицу, Суворин чертыхнулся:

— Не буду его издавать! Что это за литератор, который не берет аванса!

В 1917 году Ленин получил от немцев деньги на русскую революцию. Дело получило огласку и грозило обернуться скандалом: стало известно, что в петроградских газетах не сегодня завтра появится сообщение о том, что Ленин — не-

мецкий шпион. Нити этой акции оказались в руках председателя Петросовета лидера меньшевиков Чхеидзе. Договориться с ним лидеру большевиков было никак невозможно. Тогда Ленин подослал к нему земляка Сталина, и тому удалось уговорить Чхеидзе воздержаться от публикации.

*

Ленин выступает перед рабочими:

— Революция даст вам восьмичасовой рабочий день...

— Ура!

— А через некоторое время семичасовой рабочий день...

— Ура!!

— ...а потом и шести- и даже пяти- и четырехчасовой рабочий день...

— Ура!!!

Ленин про себя: «Ни черта не хотят работать!»

*

Губерман рассказывает.

Вечером 25 октября 1917 года группу гимназисток пригласили в Зимний дворец выступить перед юнкерами. Концерт закончился поздно, в городе было беспокойно, и барышень оставили ночевать. Когда барышня из концертной группы впервые в своей жизни вернулась домой на рассвете, мамаша встретила ее словами: «Чтобы это было в последний раз».

*

Коржавин сказал: «Я не знаю, нужно ли было брать Зимний или не нужно. Я только знаю, что сегодня его некому отдавать».

*

ИНТЕРВЬЮ С ДОЛГОЖИТЕЛЕМ

— Когда началась революция...

— Лучше расскажите, что было до революции...

— Когда началась революция...

— Давайте о том, что было до — ведь вы могли видеть Толстого, Достоевского...

— Когда началась революция, в этой кутерьме мне вписали в паспорт лишних сто лет.

Академик Павлов в 1918 году говорил: «Если то, что делают большевики с Россией, есть эксперимент, то для такого эксперимента я пожалел бы даже лягушку».

Во время гражданской войны в Ставрополе шла пьеса местного драматурга. В домик станционного зрителя, где развивалось действие, врывались то белые, то красные. Зритель поступил весьма находчиво: с обратной стороны портрета Николая наклеил Маркса и, выглядывая в окно, приказывал жене: «Вертай Николку на Карлу Марлу». Или наоборот.

СЕДОЙ ПАРОМЩИК

Дед профессора Владимира Фролова в революцию служил машинистом на пароходе Волжской военной флотилии, которой командовал Раскольников. Дед не пускал внука в комсомол и ругал революцию, вспоминая, как вели себя матросы, крестьяне и солдаты в разграбленных усадьбах: «Самое разлюбозное дело — вместо нужника подавай им рояль». Дед рассказал, что по приказу Раскольникова речники перевозили пленных офицеров на левый берег Волги, где их уже ждали пулеметы.

Во время взятия Крыма Бела Кун и Раиса Азарх (назы-

вают еще Пятакова и Землячку) обещали помиловать офицеров армии Врангеля, если те сложат оружие. Десять тысяч офицеров сдались на милость победителя и были расстреляны из пулеметов. Рассказывал об этом один из немногих уцелевших, бывший штаб-ротмистр Семеновского гвардейского полка, согласившийся стать советским агентом в Софии.

В ДЕНЬ ВЕСЕЛЫЙ МАЯ

В апреле 1918 года Совнарком принял декрет «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской социалистической революции», однако к назначенному сроку — 1 мая 18-го года — приговоренные памятники все еще оставались на своих местах.

В Кремле перед началом первомайской демонстрации под лозунгом «Да здравствует красное знамя свободного труда!» собрались члены и сотрудники ВЦИК и Совнаркома во главе с Лениным. Комендант Кремля, бывший балтийский матрос Мальков, доложил:

— На Троицкой башне вместо тусклой иконы по моему указанию нарисовали красноармейца.

— А что же вы, батенька, вот это безобразие не убрали? — Ленин указал на Памятный крест, созданный Васнецовым на месте убийства великого князя Сергея Александровича. Мальков повинился:

— Рабочих рук не хватило.

— А это разве не руки? — кивнул Ильич на Свердлова, Бонч-Бруевича, Аванесова, Смидовича. — А ну, тащите веревки!

Мальков принес веревки. Ленин ловко сделал петлю и накинул ее на верхушку креста. Его примеру последовали другие.

— Эй, ухнем! — скомандовал Ленин. Крест покачнулся и рухнул. — На свалку! — распорядился Ильич.

И, высекая искры из булыжной мостовой, большевики

поволокли крест, на котором было отчеканено: «Отче, отпусти им, — не ведают бо, что творят».

✱

Дом Шаляпина часто подвергался обыскам. Искали бриллианты и золото. Однажды конфисковали серебряные ложки и вилки, а также двести бутылок французского вина. Шаляпин жаловался Зиновьеву: «Я не против обысков, но нельзя ли обыскивать меня в удобное для меня время, с восьми до девятнадцати, например?»

✱

Шаляпин пришел к художнику Коровину и говорит:
— Мне сегодня выступать перед конными матросами. Скажи мне, ради бога, что такое конные матросы?
— Не знаю, что такое конные матросы, но уезжать надо!

✱

В ответ на просьбу Шаляпина улучшить снабжение артистов Троцкий сказал: «Я не могу поставить на одну доску солдата, сидящего в окопе, и балерину, порхающую по сцене».

✱

В начале 20-х, в разгар голода, была выпущена тарелка с портретом Ленина и подписью: «Кто не работает, тот не ест».

✱

Рассказывал мой отец.

Выступая на I съезде юристов Украины в 1922 году, партийный деятель Скрыпник говорил: «При решении любого вопроса во мне борются юрист и партийный работник. Кто побеждает? Партия! Правовые нормы не фетиш, а орудия и средства в борьбе за укрепление советского государства». Закончил Скрыпник, эффектно перефразировав средневековую поговорку: «Юрист — злой христианин», «Юрист —

непримиримый коммунист!» Председатель ВУЦИК Затонский похвалил оратора: «Работниками юстиции вовсе не обязательно должны быть юристы. Вот, например, Скрыпник. Учился на инженера — а стал прокурором.— «Я учился не на инженера, а на революционера»,— уточнил польщенный непримиримый коммунист.

Фельетонист «Правды» Рыклин рассказывал.

«В начале 30-х годов состоялась встреча журналистов со Сталиным и другими руководителями партии и правительства. В конце ее мы сфотографировались. На фото я стоял рядом с вождем. Шли годы, и шли аресты. Хранить фотографии врагов народа было опасно. И я начал резать: вожди и журналисты постепенно исчезали с фото. В конце концов остались только я и Сталин. После XX съезда я отрезал Сталина и остался один».

Молотов говорил в 70-х годах: «Ленин провел бы коллективизацию и 1937-й год еще более сурово, чем Сталин».

Сталин прочел в газете об отравлении одного из лидеров оппозиции в Персии. «Вот видишь,— сказал он Ворошилову,— как они решают вопрос оппозиции».

Любимый вопрос Сталина: «Нельзя ли их немножко арестовать?»

Агитатор разъясняет: «Пелагея и Варвара были простыми крестьянками, а теперь одна заведующая клубом, другая бригадир. Петька Растрепов был дурак дураком, а стал секретарем партячейки».

В 20-х годах наркомом просвещения Закавказья стал бывший грузчик. Он говорил другу: «Представляешь, кем бы я стал, если бы был грамотным?!» Писать резолюции он кое-как научился. Когда в наркомат прислали бюст Ленина, нарком написал: «Просим прислать бюст с ногами». Когда же наркомату выделили два новых унитаза, он решил, что это вазы для фруктов, и во время очередного революционного праздника унитазы водрузили на стол. В конце 20-х годов в вузах ввели плату за обучение. Одна вдова прислала письмо с просьбой освободить ее сына от этой платы. Нарком написал резолюцию: «Бесплатный социализм кончился». В 37-м этого наркома расстреляли.

✱

Булгаков говорил о советской власти: «Это не навсегда!»

✱

Сталин сказал по поводу арестов: «А чем мы хуже медиков? Они же делают маленькую прививку, чтобы избежать большой болезни».

✱

В начале 30-х годов Каганович наказывал партийцев, отказывавшихся от привилегий.

✱

Александр Твардовский рассказывал.

В 37-м году один из деятелей спросил Сталина:

— Не слишком ли круто мы ведем репрессии?

— Теперь вы говорите о репрессиях. А что же вы молчали, когда мы проводили коллективизацию, во время которой погибло два миллиона человек?!

✱

Следователь доложил Сталину, что арестованный не дает показаний. Сталин спросил:

— Каков вес Советского Союза?

- Он должен выражаться в астрономических цифрах.
- Может ли какой-либо человек выдержать этот вес?
- Нет.
- Значит, показания будут.

Мой отец рассказывал, что Постышев, будучи первым секретарем ЦК Украины, разрешил своей секретарше вписывать в уже утвержденные на расстрел списки несимпатичных ей людей.

- Комкор Ока Городовиков сказал Буденному:
- Семен, что будет? Берут всех подряд!
 - Ничего. Не всех, а только умных.

БРАБАНТСКИЕ МАНЖЕТЫ

В качестве туалетной бумаги в тюрьме выдавали газеты. В канцелярии сидел специальный человек и вырезал из текста слово «Сталин». Заключением часто доставались кружева.

Крупская поспорила со Сталиным. Он сказал: «Молчи, дура, а то назначим Ленину другую вдову, например, Фотиеву или товарища Коллонтай».

ПАРТИЯ СКАЗАЛА: «НАДО!»

После ареста Косарева Сталин вызвал редактора «Комсомольской правды» Николая Михайлова и предложил стать первым секретарем ЦК ВЛКСМ. Михайлов высказал сомне-

ние: ему тридцать два года. «Берия!» — громко позвал Сталин, и тот вывалился откуда-то из стены.

— Лаврентий! Есть такое мнение: назначить тебя первым секретарем ЦК ВЛКСМ.

— Слушаюсь, товарищ Сталин. Когда нужно принимать дела?

Сталин повернулся к Михайлову:

— Учись, сопляк, как надо отвечать!

«Крокодил» провел акцию, разоблачающую ротозейство должностных лиц. Журналисты организовали фиктивный грест «Главметсор», призванный производить сбор металлолома из обломков метеоритов. Все бумаги треста подписывал его руководитель с характерной фамилией Бендер. Столь же заметные имена носили и другие работники этого учреждения — Коробочка, Хлестаков, Собакевич. Взрослые дяди, замороженные официальными запросами на бланках с печатью, принимали все всерьез, пока какой-то умный чиновник не заподозрил обман. Но десятки начальников попались.

Фельетон передали в Политбюро. Все смеялись, одобряли, но выпустить в свет без благословения Сталина не решились. Сталин в это время где-то отдыхал. Послали фельетон к нему. Он прочитал и сказал: «Какая страшная Россия». Печатать не велел. Приказал наказать конкретных виновников, разоблачавшихся в фельетоне.

Маленков работал инструктором ЦК и имел общественную нагрузку заместителя секретаря внутренней партийной организации ЦК. Однажды секретарь ушел в отпуск и оставил вместо себя заместителя. Обстоятельный Маленков просмотрел дела всех состоящих на учете и обнаружил непорядок в учетной карточке Сталина. Ничтоже сумняшеся он поднял трубку вертушки:

— Товарищ Сталин, прошу принять меня по делу, касающемуся вас.

— Приходите.

Войдя в кабинет, Маленков сказал:

— Товарищ Сталин, по Уставу вы должны быть исключены из партии: с 1922 года вы не платите взносы.

Подивившись, Сталин ответил:

— Правильное замечание.— И распорядился заплатить его партвзносы.

В течение года Маленков перепрыгнул из инструкторов в секретари ЦК, а затем стал членом Политбюро.

На приеме у Сталина директор Института философии Юдин говорил о преимуществах советской экономики перед капиталистической. «Преимущества, безусловно, есть,— согласился Сталин.— Однако почему до нашего прихода на Выборгской электростанции работали хозяин и пять инженеров, а сейчас работают триста человек, и нельзя сказать, что тока стало больше?»

ЗВЕЗДНЫЕ ИГРЫ

В три часа ночи в Совете Народных Комиссаров раздался звонок. Говорил Сталин:

— Товарищ дежурный, у нас тут интересная игра. Товарищ Ворошилов утверждает, что над Кремлем находится Марс, а товарищ Молотов — что Юпитер. Узнайте, кто прав.

Дежурный поднял с постели всех профессоров и академиков, имеющих отношение к звездному небу. Наконец астроном Фесенков, ворча спронеся, сказал:

— Это созвездие Кассиопея.

Обрадованный дежурный позвонил в Кремль!

— Товарищ Сталин, над Кремлем — созвездие Кассиопея!

— При чем тут Кассиопея! Мы уже давно играем в другие игры.

Получив не одно предупреждение об угрозе вторжения немцев, Жуков поставил вопрос об укреплении границы.

21 июня Сталин сказал: «Если вы на границе что-нибудь сделаете, вы потеряете голову!»

Узнав о вероломном нападении фашистской Германии, члены Политбюро собрались у Сталина. Вождь был в смятении: «Война развивается катастрофически. Ленин нам оставил советское государство, а мы его просрали. Я отказываюсь от руководства». И он уехал на ближнюю дачу. Через несколько часов Берия, Молотов и Каганович отправились за ним. При виде их он очень испугался, решив, что они хотят его арестовать.

В блокадном Ленинграде в 1942 году нашли несколько бочек французского вина. Его калории и витамины могли бы поддержать не один десяток людей, но Жданов сказал, что вино надо сохранить до победы и выпить вместе с товарищем Сталиным. Бочки стали неприкосновенным запасом. Когда на Праздник Победы их привезли в Кремль, вино оказалось прокисшим.

Чеченцам, высланным в Казахстан, под страхом двадцатипятилетнего заключения запрещалось нарушать пределы своего села. Однажды корова старого чеченца перешла пограничный ручей. Старик схватился за голову и закричал людям за ручьем: «Гоните мою скотину, она не знает, что мне туда нельзя!»

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ РОТАТАЕВА

Театральный критик Борис Медведев рассказывал.

Текст гимна Советского Союза отпечатали на красивой бумаге, завизировали множеством подписей и собрались везти Сталину. Но, придя утром в кабинет, председатель

Комиссии по делам искусств Храпченко не обнаружил бумаги. Все учреждение, объятые страхом, бросилось на поиски. Бесполезно. Тогда завхоз Ротатаев отправился на помойку. К несчастью, ее только что очистил мусорщик. Его догнали, вывернули мусор и действительно нашли бесценный листок. Ротатаев вызвал жену, та тщательно разгладила гимн утюгом и промокашкой сняла с него пятна. Горемычную бумажку вручили председателю комитета, и тот на радостях назначил Ротатаева своим заместителем по кадрам.

Но счастье не бывает долгим. На прослушивание оперы Мурадели «Великая дружба» от комитета смог прийти только Ротатаев. ЦК поинтересовался его мнением — Ротатаев высказался положительно. Откуда ему было знать, что ее уже прослушал Сталин и остался недоволен? Ротатаев был разжалован.

Сталин сказал: «Когда гибнет один человек — это трагедия. Когда гибнут тысячи — это статистика».

Тевосян рассказывал.

Сразу после испытаний атомной бомбы, стремясь опередить всех и особенно Берию, министр вооружений Ванников позвонил Сталину:

— Товарищ Сталин! Я счастлив доложить вам, что, благодаря вашей мудрости, вашей неустанной заботе об атомной промышленности, нам удалось успешно провести испытания атомной бомбы...

Сталин ответил:

— Товарищ Ванников, ты, как всегда, опоздал, мне уже доложили. А ты, Ванников, понял, что произошло?

— Конечно, товарищ Сталин, и счастлив доложить, что благодаря вашей мудрости...

— Ванников, то, что я мудрый, всем известно. Но ты, Ванников, не понял, что произошло. Произошло нечто необычайное и очень важное: войны, Ванников, больше никогда не будет!

На XIX съезде Сталин сыграл обычную российскую комедию отказа от власти. Позволив себя уговорить, он сказал: «Ладно, я буду работать, но я должен сказать, что в партии образовался правый уклон. Например, товарищ Молотов отказался подписать расстрел своей жены. А до войны он предлагал повысить закупочные цены на хлеб. Товарищ Микоян во время блокады не обеспечил продовольствием Ленинград. Я буду бороться с правым уклоном».

Черчилль сказал: «Я всегда думал, что умру от старости. Но когда Россия, кормившая Европу, стала закупать хлеб, я понял что умру от смеха».

Хрущев был уже на пенсии, когда Владимиру Высоцкому очень захотелось с ним встретиться. Он попросил Юлию Хрущеву, с которой был знаком, связать его с дедом. Позвонив на дачу, Юля передала просьбу. «А кто это?» — спросил Хрущев. — А, артист! Ну, пусть приезжает».

Высоцкий увидел Хрущева в огороде. Отложив тяпку, тот сказал:

— Рассказывай, в чем дело.

— Да вот, запрещают петь песни.

Подумав, Хрущев посоветовал:

— К Суслову не ходи — старый негодяй. Иди к Демичеву. Молодой, свободолюбивый. Может помочь.

Уходя, Высоцкий спросил:

— Никита Сергеевич, а не вернуться ли вам?

— Нет, Володя, сейчас не время, — ответил Хрущев.

В дни работы XXV съезда КПСС в одном из московских театров была объявлена премьера комедии Шекспира «Много шума из ничего». Позвонили сверху и велели изменить название.

Пойдем, Манька, погуляем,
На дворе така жара.

Пусть картошку убирают
Из Москвы инженера.

✱

Президент Академии наук Александров сказал на заседании Президиума:

— Сегодня нам предстоит решить беспрецедентный вопрос о выводе Сахарова из членов Академии.

— Почему беспрецедентный? В свое время Гитлер лишил звания академика Эйнштейна,— возразил академик Капица.

— Переходим к следующему вопросу,— объявил Александров.

✱

Генерал КГБ сказал диссиденту: «Все вы печетесь о народе, а вот мы отправим вас в лагерь, и вы узнаете, какая это сволочь!»

✱

В брежневское время министром обороны был Гречко. Где-то за городом для него держали тройку и сани с поломом из рысьях шкур. В армии говорили: пережили кукурузу, переживем и Гречку.

✱

Агрессия — нападение одного государства на другое без разрешения СССР.

✱

Советские войска вошли в Чехословакию — дружба не знает границ.

✱

- Почему наши войска послали в Афганистан?
- Начали по алфавиту.

*

Рабочий, узнав, сколько стоит памятник, поставленный при жизни Герою труда, сказал: «За такие деньги мог бы и сам постоять».

*

Если у нас так хорошо, а у них так плохо, то почему у них так хорошо, а у нас так плохо?

*

— Брежнев умер.
— Лично?

*

«Члены Политбюро, проголосовавшие за Андропова, могут опустить руки и отойти от стенки!»

*

Андропова спросили, почему в его кабинете висит портрет Пушкина. Андропов ответил: «Он первый сказал: «Души прекрасные порывы!»

*

СООБЩЕНИЕ ТАСС

Сегодня в 9.00, не приходя в сознание после тяжелой продолжительной болезни, генеральный секретарь ЦК КПСС Константин Устинович Черненко приступил к руководству страной.

*

Горбачев переоделся в Ивана Сусанина, пришел в ЦК и говорит: «Пойдемте, ребята, выведу!»

ТЕЛЕГРАММА ПРЕЗИДЕНТУ РЕЙГАНУ

«Узнали из «Правды», что шестьдесят процентов американцев недоедают. Просим присылать нам все, что они не доедают. Трудящиеся Советского Союза».

*

В Чернобыле поставлен обелиск с надписью: «Отсель грозить мы будем шведу».

*

Часы с кукушкой: каждый час выезжает на броневике Ленин, выбрасывает руку и кричит: «Революция, о необходимости которой говорили большевики... ку-ку!»

*

Министр обороны докладывает:

— Михаил Сергеевич, немецкий авиатор Руст нарушил границу и сел на Красной площади!

— Ну так что мне — идти и встречать?

*

Лозунг на демонстрации в Москве 1991 года: «Догоним и перегоним Африку!»

*

Пришел человек наниматься на работу.

— А что можешь делать?

— Могу копать.

— А еще?

— Могу не копать.

*

ГКЧП — Государственный Комитет Чрезвычайных Придурков.

*

Хуже нга Мамаева руководство Янаева.

*

Просыпаюсь: здрасьте —
Нет советской власти!

*

— Как выйти из КПСС?
— По рекомендации двух беспартийных.

*

Разгул махровой демократии.

ОЧЕНЬ ПОЛИТИЧЕСКИЕ АНЕКДОТЫ

Приходит женщина к гинекологу:

— Доктор, посмотрите, пожалуйста, правильно ли я вложила свой ваучер.

*

— Батюшка, грешница я — в пост ела колбасу.
— Какую?
— «Останкинскую».
— Ты не грешница, ты мученица.

*

Иван и Петро гонят по степи волов. Иван пристаёт:

— Петро, отдай мне волов за двадцать рублей!
— Ни, нэ виддам.
— Отдай!
— Зьишь дерьма — виддам.

Иван ест дерьмо и забирает волов. Едут дальше. Петро пригорюнился:

— Що ж я буду робыты без волив?! Иван, виддай во-
лы назад!

- Не отдам.
- Виддай!
- Съешь дерьма — отдам!

Петро ест дерьмо и забирает волов обратно. Идут они с Иваном дальше и говорят:

- И зачем мы дерьма наелись?!

- Что такое марксистская диалектика?
- Объясню на примере. Пришли в баню чистый и грязный, а в бане одна шайка. Кому мыться первому?
- Грязному.
- Нет — он испачкает шайку. Спрашиваю второй раз: кому мыться первому?
- Чистому.
- Нет — чего ему мыться, он и так чистый!
- Тьфу! Ничего не могу понять!
- Вот это и есть философия.

ОЧЕНЬ ОЗОРНЫЕ АНЕКДОТЫ

Мудрая библейская притча гласит: Моисей, освободив сынов израилевых из египетского плена, сорок лет водил их по пустыне, чтоб на землю обетованную ступило поколение, не знавшее рабства. У нас тоже надежда на новое поколение. Точен анекдот:

Японского бизнесмена спросили:

- Что вам понравилось в России?
- Дети. Все, что вы делаете руками, у вас получается плохо.

Темой, которая связана с рождением нового поколения, мне бы хотелось завершить эту публикацию.

Параска жалуется подруге:

- Усэ болыть: руки болять, голова болыть, ноги болять!
- Параска, а кажуть: вид тэбэ вчора Пэтро вылазыв!
- От люды! Однэ мисцэ здоровэ — и то завыдують!

*

Муж просыпается и дает жене пощечину.

- За что?
- День большой, еще заработаешь.

*

Муж застал жену с любовником.

- Не будь я членом КПСС, я бы тебя убил!
- Слава КПСС! Слава КПСС!

*

Лежит муж с женой на пляже и провожает взглядом каждую женщину.

- Как тебе не стыдно? Ты же со мной!
- Если я на диете, это не значит, что я не могу просматривать меню.

*

Звонит телефон. Муж говорит жене:

- Меня нет дома.
- Она поднимает трубку.
- Нет-нет, муж дома.
- Я же просил сказать, что меня нет!
- Успокойся, это звонили мне.

*

Молодая жена в слезах прибежала к матери:

- Муж избил меня!
- Он же вчера уехал в командировку!
- Вот и я так думала.

ЗЕМНАЯ ЛЮБОВЬ НА СЕДЬМОМ НЕБЕ

Вечность на аэродроме

— Я тебя убил!

— Я тебя раньше!

— Не считается! Ты его убил, когда он тебя уже два раза убил!

«Откуда они здесь в этот предрассветный час?»

Девочка, изображавшая сестру милосердия, все время оставалась без работы: ни один из солдат не признавал себя раненым...

Он решительно двинулся к аэровокзалу. Дорогу пересек трубочист в традиционном черном цилиндре и с двумя ведрами в руках: пустым и заполненным золотой краской. За мастером редкой профессии с собачьей покорностью плелась черная кошка.

«Не поймешь, что за предзнаменование». Он сегодня был чуть-чуть суеверен. «А это что за символ?» Навстречу ему ехала старуха на велосипеде. У нее на шее висел, как ярмо, пластмассовый стульчак от унитаза. «Во что впряжен человек!»

Все считали глупостью его отъезд в Африку. Но его привлекала не только экзотика, а хорошие деньги, богатая практика, верная дорога к научной работе и спокойная совесть: ты помогаешь людям там, где трудно и где ты особенно нужен. Он будет надолго отторгнут от знакомого мира... Остановиться бы на пару дней в Париже. Но сегодня его встречает в Найроби администрация госпиталя. «Впрочем, счастье как воздух, им нельзя надыхаться впрок. Счастливым нужно быть ежедневно. Верблюд несет в горбу воду из оазиса в пустыню, а человек не может взять с собой сегодняшнюю радость в грядущие печали. И где оазис, а где

пустыня? Европа не пуп земли!» И все же он, уроженец этого цивилизованного континента, успокаивал себя тем, что через год вырвется сюда на пару недель.

На боннском аэродроме, пока он ждал посадки, произошло маленькое недоразумение. Диктор, передавая сообщение о погоде, оговорился: «Wir geben eine Wetterlagemeldung». Это было странное словообразование, возникшее из глубоко засевшей в памяти немцев грозной формулы, предшествовавшей воздушной тревоге: «Wir geben eine Luftlagemeldung». (Передаем сводку расположения вражеских самолетов в воздухе.) Диктор исправил оговорку: «Wir geben Wettermeldung». (Передаем сводку погоды.)

В полете он лениво просматривал газетную статью, разъяснявшую, что от ликвидации противостояния Запад ничего не выигрывает, поскольку Москва может уничтожить США только семь раз, а Америка Россию — тринадцать... Пассажиры еще листали газеты, а — уже Париж! — самолет с грациозной грузностью слона бежал и подпрыгивал на посадочной полосе.

Он уладил транзитные формальности и до пересадки решил перекусить, хотя уже завтракал, а в трансафриканском лайнере его ждал обед. Тут он вспомнил, как однажды летел рядом с Рокфеллером, и тот удивлялся, почему он не ест.

— Я перед отлетом плотно поел.

— Но плата за обед входит в стоимость билета, — настаивал сосед.

Девушка с милой улыбкой поставила на его столик кофе, сухие тосты, улиткой свернувшийся кусочек масла и блюдечко с янтарным джемом. Он тоже улыбнулся и, хотя заговаривать не было смысла, заговорил:

— Вы парижанка?.. Сколько вам лет?.. Вы замужем?..

Его французский оставлял желать лучшего, но она его понимала. Да, она парижанка, ей девятнадцать лет, она не замужем, и вечер у нее свободен.

О вечере он и не спрашивал и вынужден был признаться, что в десять утра улетает.

— Ничего. Три часа — целая вечность, — успокоила она.

При жизненных свершениях, переворачивающих судьбу человека, таких, как переселение в Африку, включается резервная внутренняя энергия. В такие дни все удается и возникает ощущение неуязвимости, и кажется: что бы ни слу-

чилось и с самолетом или с самим миром, ты останешься цел. Женщины это чувствуют.

Пожалуй, он действительно понравился: она договорится, и девчонки возьмут на себя ее столики.

— Да, но у меня только три часа,— напомнил он.

— Вечность!

«Веселое приключение. А Хайнц говорил, что парижанки вопреки репутации очень строги... Хороша! Бриджит Бордо в молодости. Как ей идет голубое платье с белым передником! Простовата, но мила». Все складывалось преславно.

— А вы журналист?

— Нет, медик.

Национальности она различала лучше:

— Вы, наверное, немец или голландец?

— И то, и другое,— пошутил он.

— У нашей буфетчицы родился сын, тоже полукровка: отец китаец. Она говорит, что обрела смысл жизни.

«Мало ей, что каждый пятый житель земли китаец! Она решила разводить их во Франции»,— с ворчливой иронией подумал он, а вслух сказал:

— Я немец. Голландец я по духу.

Эту фразу он слышал от Генриха Белля. Почему-то сейчас Курт повторил ее применительно к себе.

Ее вызвали, и он с рассеянной улыбкой принялся наблюдать за ней. Она теперь стояла у раздаточной, спиной к нему. «Стройные ножки... Надо спросить, как ее зовут. Правда, я тоже не представился».

За окном-стеной, оторвавшись от стартовой дорожки, круто вверх, в самое небо уходил «боинг». Из реактивных двигателей вырывалось пламя, и огромное здание аэровокзала глухо резонировало мощному звуку. «Как быстро летит время». Его три парижских часа уменьшились на девять минут. Она еще не вернулась. «Видимо, непросто в разгар работы уйти. Однако, судя по ее энергии, расставание с Европой удастся скрасить... Госпиталь расположен в глубине страны, у подножья гор, на берегу озера Виктория. Что меня ждет через несколько часов, не ведает сам Господь. От Найроби обещан вертолет... Это приключение очень кстати. Прелесть девчонка, с каким бесноватым азартом она все это делает!»

Как всякий самоуверенный мужчина, он полагал, что с женщинами ему везло. «Все узнаешь глазами и каким-то

сверхчувством; слова только материализуют уже установившуюся связь... Всегда известно: эта встреча на ночь, на год или на жизнь. Самое долгое у меня было — около трех лет. Берег был виден. Без берегов, наверное, и есть любовь. Или прав Хемингуэй: любовь — это когда во время близости чувствуешь, что земля качается и плывет».

Она прибежала.

— Все в порядке, отпустили. Теперь совсем скоро: я только позвоню Люси в гостиницу аэропорта.

Он посмотрел время. До отлета два часа сорок минут.

— Я и не спросила, как тебя зовут.— Она впервые обратилась к нему «на ты», потому что все уже сладилось.

— Курт.

Она убежала, он не успел спросить ее имени и вернулся к своим мыслям. Реальность не вписывается в мораль. Мир интимности сложнее догм. Бог для него — нечто между суеверием и привычкой. Во всяком случае, он не чувствует перед ним ответственности, когда дело касается женщины. Бог, наверно, действует через совесть. Но в сексе (а до любви либо он, либо век не доросли) для совести нет места.

Видимо, в нем, как и во многих мужчинах, XX век произвел казавшиеся им созидательными разрушения, которые делали все относительным и потому допустимым. Системой нравственных поблажек, гибких формул, софистических салто-мортале, ставящих с ног на голову любые высокие принципы, Курт создавал для себя уютную и удобную вседозволенность. Он полагал: женщины, неизвестно зачем эмансипировавшись, обрели равноправие, но лишились права на ответственность мужчины. «В Телемской обители был единственный пункт устава: «Делай что хочешь»! Нарушитель изгонялся. А выполнять эту заповедь было трудно — цивилизация ограничила личность. В конце концов вавилонская башня морали, выстроенная из стыдливых норм и бесстыдного ханжества, должна была рухнуть. Но ведь не зря говорил Достоевский: широк человек, надо бы сузить. Люди разучились обожать, но научились забываться...»

По кафе проходила тоненькая, как тростиночка, девчонка с молодым человеком. Курт заметил ее еще на аэродроме в Бонне. Там ее провожал статный парень. Они самозабвенно целовались. Шофер автофургончика даже посигналил, чтобы поторопить расставание. Наконец, прижимая к груди букет красных гвоздик, она вскочила в фургончик, который

тут же тронулся к самолету. По обручальному кольцу на ее руке Курт решил, что она прощалась с мужем. В парижском аэропорту ее страстным поцелуем и букетом красных гвоздик встретил такой же парень. Курт не понял, кто муж, а кто любовник: парни были стандартно похожи — и непонятно, зачем она их меняла. С удвоившимся букетом, она под ручку с новым спутником пошла к выходу. Даже Курта смутила столь стремительная эстафета любви: «Воздушное сообщение увеличивает безнравственность. Когда расстояние от мужа до любовника покрывали на поезде, хотя бы букет успевал завянуть. В этом рушащемся мире молодежь протестует против безумия цинизмом и эскалацией секса». К себе Курт был снисходителен, а других судил строго. Он вдруг иронически посмотрел на себя со стороны и подивился: «Все-таки мы великая нация: наверное, только немец, ожидая свидания, философствует. Люблю все развинчивать и смотреть, что внутри!» В детстве он ломал игрушки. Это нормально. Но уже в юности попытка играть на губной гармошке кончилась тем, что он разобрал этот нехитрый музыкальный инструмент.

Готовясь к отъезду, он без особой системы читал про Африку. Ему попалась книга английского ученого, долго жившего среди черных. Он утверждал, что негр непосредственен, европеец же зажат нормами цивилизации. «Африка — Телемская обитель человечества, где действует принцип: «Делай что хочешь». Символично: знакомство с Африкой начнется с этой непосредственной парижанки».

Курт допил последний глоток. Сегодня он разрешил себе кофе с сахаром. Это была поблажка, нарушавшая систему сбалансированного питания натуральными продуктами. Было у него предубеждение и против соли из-за ее сосудосуживающего действия и потому, что она «забывает» микроэлементы. Инфаркт, гипертония, рак — расплата за отход человека от природы. Быть может, черный континент подскажет пути возврата к естественности?

Она шла к его столику и несла еще одну чашку кофе, хотя он не просил. Он понял: что-то разладилось.

— Все в порядке. Но Люси подменилась, спустилась со своего этажа на седьмой, заперлась в свободном номере и не отвечает на звонки. Сейчас дежурная сбегает, постучит к ней в номер, и я смогу дозвониться.

Седьмой этаж у него ассоциировался с седьмым небом:

«Спустилась с этажа на седьмое небо. Смешно!» Он посмотрел на часы. До отлета — два часа двадцать минут. Она снова убежала. Он опять не успел спросить ее имя.

Для него женщины никогда не были ни забавой, ни спортом, ни времяпрепровождением. Он не пьет, не курит, но, как врач, уверен: в наш нервический век люди не случайно тянутся к наркотикам или допингам. Коньяк, героин, марихуана, азарт тифози, фильмы ужасов — все это для него женщины. «Впрочем, для мужчины главное в женщине — бессмертие, хотя мы редко умеем относиться к любви, как того заслуживает эта проблема».

Он стал через стеклянную стену следить за летным полем. Машина компании «Пан Америкен» круто шла вверх. А огромный русский лайнер садился на параллельной дорожке. «Как они не сталкиваются в небе!»

«Я думал о чем-то важном. Кажется, о женщинах? Нет, о месте смерти в механизме бытия. Медицина не устраняет смерть и не отвечает, зачем она. Сколько мудрых афоризмов: «Жить — значит умирать»; «Смерть — это выход в любом положении, но положение, из которого выхода нет»; «Преодоление смерти — суть жизни». Но как понять диалектику бытия и небытия? Любовь — средство преодоления или забвения бренности. По Библии: человек был бессмертен, пока не познал любви. Грехопадение открыло людям путь к любви и смерти. Любовь на миг приобщает конечную личность к бесконечности богов, возвращает утраченную вечность».

Иногда Курт остро ощущал свою смертность, и он мучился неразрешимым «для чего все?» Снять это могла только женщина. Она дарила бессмертие или хотя бы его иллюзию. Если бы даже мимолетная подруга решила родить, Курт никогда бы ее не покинул или, сколько бы ни уходил, возвращался бы. Эпикуреец, утверждавший, что смысл жизни — наслаждение, только волей случая не стал выразителем общества массового потребления. Все в поиске, откуда взять и куда потом деть свободное время? Женщина сегодня боится не молвы, греха, нужды, а того, что новорожденный лишит ее беззаботности и помешает карьере. Но ребенок дает истинную полноту жизни. Многие культуры обязывают женщину до брака к девственности. А одно из африканских племен лучшим приданым невесты считает детей. Обезличивающе, но человечней приданого-недвижимости...

Рев моторов за стенами аэровокзала, гул многоязычной толпы ощущались, как вздохи океана. Хайнц, занимавшийся философскими проблемами кибернетики, объяснял: переработка информации идет интенсивней на звуковом фоне, чем в тишине. Думать нужно при радостно возбуждающем негромком шуме — лучше аэропорта не придумаешь. Он решил, что когда-нибудь приедет в аэропорт и под всплески мирового воздушного океана, под звуки прибоя человечества напишет книгу о смерти и о состоянии мира, об интеллигенции и об одиночестве. «В многолюдном городе человек вдруг ясно чувствует, что он в пустыне. Коммуникаций много, а люди некоммуникабельны. Мощные средства связи — а нет духовной связи. Гамлет знал: распалась связь времен. Сегодня «распалась и связь людей. Между ними всегда стена, пусть стеклянная, как в аэропорте, но стена».

Конечно, Хайнц — брат, однако он или далеко, или занят своими делами и заботами...

Жизнь — будни, главное в ней — повседневность. Поэтому друг — для праздников, интеллектуальных пиршеств и на случай беды, а на каждый день — женщина. Она противоядие от одиночества. Эти загадочные существа настолько пластичны душой, что и простушка может стать подругой Моцарта. Ей даже не придется становиться на цыпочки: она будет ровень гению, потому что он найдет в ней себя — Гегель называл любовь утверждением себя в другом.

Для него, Курта, возлюбленная должна быть другом, любовницей, женой, матерью, хозяйкой, интеллектуальным партнером, наркотиком, бессмертием, преодолением одиночества, смыслом жизни. Впрочем, это вполне тривиальные мужские представления об избраннице. От остальных мужчин он отличался только тем, что не сдавался в поисках идеала и вглядывался в женщин, проходивших через его жизнь, ловя отсветы той единственной. Иногда он утешал себя: «Из них складывается она». Но чаще думал: «Она существует». И тут же сомневался: «За последние иллюзии держись особенно цепко. Предполагать, что Всевышний сотворил предначертанное для тебя существо — средневековье! Все проще и сложнее: одна из современниц (песчинка в пустыне!) создана природой и отшлифована обществом, как тебе необходимо. Попробуй найди!

Каждый Дон Жуан мечтает стать Ромео...

Все, касавшееся России, Курт не пропускал: национальная вина немцев смешивалась в его душе с уважением к Толстому и Достоевскому и с любопытством. И теперь Курт вслушался в голос радио:

— Произвел посадку самолет, прибывший из Москвы...
«Ничего важного...»

За стеклянной стеной («мы как в аквариуме») вновь взмыла вверх огромная рокошущая алюминиевая стрела. «Каравелла», — заметил он, вспомнив привычку детства — определять марки автомашин.

Девчонка не шла. Если три часа — это вечность, то одна шестая вечности уже прошла. «Впрочем, вдвоем три часа — вечность, а в одиночестве — всего лишь сто восемьдесят минут. Осталось сто пятьдесят... Ну вот, теперь он перешел к арифметике. Это совсем скучно. Уж лучше опять философствовать. Сделать свою жизнь аргументом своей философии? Однако я же не подвижник, и Альберт Швейцер из меня не получится. Я просто хочу жить счастливо и по совести. А как? И куда пойти человеку? Куда улететь? Разве что в Африку? Кому живется весело, вольготно на земле? Разве что дикарям? Где лучше? Ужели где нас нет?»

И как ответ на его вопросы или как утешение, с другого конца кафе спешила к нему его девочка.

Вечность на другом аэродроме

Всякий из нас в каждый момент находится в известном месте, и сознанию трудно привыкнуть к простому и все же удивительному фокусу: в разных точках земли в одно и то же время по разным причинам происходят события, которые сталкиваются и сливаются в некую равнодействующую, в конечном счете определяющую движение истории. И как разные миры: правое в одном оказывается левым в другом, верх — низом, безумие — разумом, правда — ложью. Но над всем господствует высшая правда истории, которую и осуществляют в своих кропотливых заботах люди, объединяющиеся в народы и раздираемое конфликтами человечество.

В тот же самый момент, когда Курт садился в самолет в Бонне (только по московскому времени это было на три часа позже), из другой точки земли должен был вылететь русский лайнер, и на такси к Шереметьевскому аэропорту ехала молодая женщина Виктория, летящая в Нью-Йорк. Она не имеет никакого отношения ни к Бонну, ни к Африке, ни к Курту и поэтому не имеет в этот момент и еще, возможно, не будет иметь никакого отношения к этому роману.

Шоссе пересекало лес. Лосенок вышел на обочину дороги, растерянно озираясь. Виктория заметила его издали. Удивилась — не боится! Шофер объяснил, что на это заповедное животное охота запрещена. «Они здесь священны, как коровы в Индии и кошки в Древнем Египте». Виктории захотелось подойти и погладить это существо... А какой был лес! Огненно-оранжевые стволы сосен, голубые березки и молодая зелень травы, покрытая пятнами солнечного света и тени... Дикие бальзамины, ромашки, лесные купавы... Глаза щипывало от слез... Москва, Москва, как много в этом звуке... Водитель остановил такси, и она выскочила, захватив узелок, в который девочки из общежития зачем-то положили снесь... Лосенок робел, но любопытство брало верх. Он косил глазом, ухо поставил торчком, а другое от страха прижал к голове, тянул морду вперед и шевелил широкими ноздрями. Виктория осторожно подошла к нему и предложила на выбор содержимое узелка. Милый несмышлениш стал лизать маленький пакетик. Виктория высыпала на ладонь соль и поднесла к теплым и добрым губам лосенка. Они подружились, и он даже позволил себя погладить, прижав от сладкого ужаса на этот раз уже оба уха. Виктория погнала маленького бродягу в лес, и он ласково и хитро озираясь, губы его подрагивали и кривились, и казалось, что лосенок улыбается иронической, лукавой и всепонимающей улыбкой Джоконды. В лесу был карнавал. В воздушных коридорах между отягощенными густой листвой ветвями стремительно проносились птицы. Белки затеяли игру, самоотверженно бросаясь с дерева на дерево. И вдруг неповторимое ощущение, что ты счастлива сейчас, сию минуту, охватило ее. И она раскинула руки, как будто хотела обнять всю эту несказанную красоту или собрать этот лес, это небо, это солнце в охапку и увезти с собой. «Наверное, существуют гены души». Необъяснимо, почему ей, прожившей всю жизнь вдали от России, до боли близка эта неяркая, умиротворенная приро-

да. Слышно было, как по шоссе шли машины. Шофер сигналил, и она побежала к дороге, все время оглядываясь на лосенка, и ей казалось, что он улыбается своим джокондовским ртом...

Большая еврейская семья, обремененная пожитками, расположилась у стеклянной стены, отделяющей зал от служб таможенного контроля. Все возбужденно говорили, не слушая друг друга, и лишь старик, похожий на пророка Моисея, был несуетен. Судя по всему, семья переселялась в Израиль, а седовласый человек и его пожилая супруга оставались в России. Когда объявили посадку в самолет, пестрое семейство засуетилось пуще прежнего, а старец, сохраняя гордое спокойствие, начал громко говорить, совершенно не заботясь о том, слушают ли его. Казалось, этот Вечный Жид изрекает истины не для внуков своих, а на ветер или для истории:

— Я пережил и Гитлера, и Сталина, и я вам скажу: в Израиле вы лишитесь единственного преимущества евреев — антисемитизма. Он делал нас гибкими, жизнестойкими, талантливыми, воспитывал умение быть нужными для других народов...

Старуха голосила добрые напутствия, звучащие как проклятия:

— Чтоб вы все были мне здоровы! Чтоб вам дожить до моих лет!

Что-то безысходно трагическое было в этой почти смешной картине...

Отъездные формальности совершались долго: ожидание же всегда способствует углублению в себя. И Виктория стала вспоминать вчерашнее.

Из классов неслись обрывки музыкальных фраз. Однако она слышала только то, что стучало в ее сердце: «Пятерка! Приняли! Студентка!» У входа стояла хохочущая толпа. Рядом с вывеской: «Московская дважды ордена Ленина государственная консерватория имени П. И. Чайковского» — висела прочно прикрепленная к стене столь же солидная доска с выполненной тем же официальным шрифтом надпись: «Здесь учится Аня Иванова, которую я люблю». К краю доски был привязан букет красных роз, и у стены спокойно, но грозно лежал огромный черный дог. «Веселый народ рус-

ские». Виктория заулыбалась. Подоспевший милиционер остановился в нерешительности: то ли расценить все это как непорядок, то ли смеяться вместе со всеми?

«Москва!.. Как много в этом звуке для сердца англо-русского слилось...» Она пошла по улице Герцена к Пресне. Это был ее обычный маршрут: консерватория — общежитие. Судьба ее решилась, и теперь пять лет ей предстояло прожить в этом красивом, не совсем понятном городе. Ее радовала общительность москвичей. Когда она об этом упомянула, над ней даже посмеялись:

— Какая некоммуникабельность! У нас пьют и то на троих!

Здесь кончилось ее одиночество. Она с непривычки даже тяготилась тем, что ни на минуту не оставалась одна: в общежитии ее поселили с похожей на японку буряткой. Ее невольная подруга была обладательницей самых модных в Европе глаз, где женщины с помощью косметики стремились стать раскосыми или миндалеокими. О странность женского характера: бурятка мечтала о пластической операции, которая придаст ее глазам европейский вид!

Из-за того, что Виктория свободно говорила по-русски, и за дружелюбие ее не воспринимали как англичанку, не отличали от своих и дали хозяйственные поручения, которые она, преодолевая сутолоку московских магазинов, старательно исполнила.

Собачке Тяпе подстригли челку. Она забралась под стол и, чтобы сохранить привычный взгляд на мир, стала смотреть на все из-под бахромы скатерти. На столе же красовалась (кто что принес!) многонационально пестрая закуска и выпивка: винегрет соседствовал с грузинским хачапури и украинской колбасой, водка — с молдавским коньяком. Вопреки стараниям политиков, юное поколение не признавало национальную вражду. Интернационал гостей мог бы составить честь международной конференции. Кто-то пошутил, что не хватает только краснокожих.

— Нико, ты грузин. Никаких самоотводов!

Нико встал. Приятный легкий акцент придавал его речи восточную пряность:

— Вы выбрали меня тамадой. Я вас понимаю — власть можно доверять только тому, кто ею тяготеет. Прошу всех налить бокалы. Мы музыканты. Я не говорю «будущие», ина-

че придется вставить слово «великие». Музыка — наша душа. Так пусть же наши души будут всегда красивы, чисты и открыты для жизни. Поздравляю всех с поступлением! Алаверды к вам, друзья мои... — И тут Нико заметил безысходно скорбное лицо черноволосого мальчика. — Юзик, ты обязательно поступишь! Побеждает только тот, кто умеет мужественно проигрывать. Ну, не вешай же головы! Я поднимаю первый бокал за Юзика и его скрипку. Алаверды к тебе, Юзик!

Мальчик хлопал редкими ресницами и благодарно смотрел огромными черными глазами. Все пошли чокаться к Юзику. Вике было жалко парня, и она под общий хохот чмокнула его в щеку.

Неожиданный для всех, да и для самого тамады, поворот тоста смешал порядок за столом. Нико заволновался:

— После первой рюмки — тишина! Все должны есть. Иначе не сможем пить. А за столом надо пить — нельзя иначе.

Установилась тишина, которую вскоре прервал сам Нико:

— Слово Сереже! Я твой тамада. Ты и не должен ничего просить. Я обязан угадывать твои желания... Нет, критика тамады запрещается. Здесь не профсоюзное собрание!

Все захохотали, и Сережа сдался.

— Скажу словами поэта Николая Тихонова:

За женщин и девушек наших.

В учебе, в работе, в борьбе

Товарищей лучше и краше

Нигде не найдешь ты себе.

Мы петь их еще не умеем.

Так выпьем сегодня в их честь,

Чтоб юным им жить веселее,

А в старости внуков не счесть.

Девочки, дорогие, будьте, пожалуйста, счастливы!

Все снова начали весело чокаться...

Нико, как умелый кормчий, вел стол до четвертой рюмки в быстром темпе, чтобы все обрели хорошую форму. Теперь, когда компания уже была подогрета речами и вином, тамада позволил передышку.

Над головой Виктории разрывалась шрапнель острот, афоризмов и благоглупостей, и в память врезались осколки фраз:

— У нас нет проблемы отцов и детей, существует только проблема отцов и сукиных детей...

— Гений — это неудобный для общества человек, ненормально развившейся в общественно полезном направлении...

— Находящиеся вне закона часто становятся законодателями.

— Чем больше ты пьянеешь, тем меньше тебя среди нас. Ты уходишь в себя...

— Высшие несправедливости люди чинят искателям справедливости...

— У нас в доме жил сапожник по фамилии Гегелия. Пил, буянил. Пришел управдом и говорит: «Маркс твоего дедушку уже поставил с головы на ноги, а ты опять на голове ходишь? Найдем и на тебя управу!..»

— Ищущие находят, нашедшие теряют, утеревшие утешаются, утешившиеся ищут...

— Знаешь, мы с тобой не настолько близки, чтобы лгать друг другу...

— Ты мне ничего не даешь сказать, потому что сам все время молчишь...

«Мозаика мыслей». Заполняя таможенную декларацию, Виктория вспоминала.

Нико затронул общеинтересную тему:

— Счастье — достижение цели.

Посыпался град идей:

— Счастье — внутренняя гармония.

— Самоосуществление!

— Заниматься любимым делом.

— Полнота жизни.

— Человек остро чувствует лишь то, чего ему не хватает. К обретенному привыкаешь. Потребности растут, опережая рост благ, поэтому с достижениями цивилизации неудовлетворенность личности увеличивается. Счастье не в уровне благополучия, а в нашем взгляде. А он зависит от нас. Прав Козьма: хочешь быть счастливым — будь им.

— Все в славе, она дает бессмертие.

— Для меня — это честная, духовно богатая жизнь, полная смысла и идеалов.

— Счастье — дарить людям счастье. Поэтому я музыкант.

— Людям? А себе что?

— Дайте об этом тост скажу! Однажды украли славного коня. Казак — вдогонку. Разве на обычной лошади догонишь молнию? Однако казак стал настигать своего скакуна. И крикнул вору: «Почеси у коня за ушами!» Конокрад почесал, скакун понесся и скрылся. Этот казак любил своего коня больше, чем себя. Пью, чтобы мы так же любили музыку!

— Счастье зависит от конструкции мироздания.

— Мироздание — группа галактик, обладающая критической массой, создающей гравитационный мешок. За его пределы не вырывается даже свет. А в потустороннем пространстве другие бесконечно-конечные вселенные.

— Захватывающе. А все вместе — ножка от трона Бога. Все рассмеялись.

— Человек живет не столько во Вселенной, сколько на земле, и не столько в природе, сколько в обществе.

И снова разговор расплескался, разбился на мелкие брызги.

— У души должна быть отдушина...

— Не огорчайся по поводу того, что может быть, хватит того, что есть...

— У нее никаких шансов на замужество: она не только некрасива, но и добродетельна...

— Что мне с ним делать? У меня даже жилплощади нет.

— Пробую гомеопатию.

— Наверное, вредно?

— Жить тоже вредно. От этого умирают...

А между тем радио аэровокзала неусыпно несло службу: регистрация... таможенная декларация... провоз запрещен... обмен валюты... производит расчет... через четыре минуты... сувениры, сюрпризы. Паспорта и визы. Отъезжающие лица... помощь окажет бортпроводница... И в то же время за окном-стеной с откинутыми назад, как у ласточки, крыльями стремительно и раскованно, преодолевая земное притяжение, сопротивление воздуха, звуковой и прочие барьеры, взлетал огромный лайнер. Виктория, не прерывая потока своих воспоминаний, проводила его взглядом...

Темы бесед стали скудеть. Уловив это, Нико встал.

— Я поднимаю бокал за наших матерей. Они нас сдела-

ли людьми. Им наша вечная любовь и земной поклон. И не случайно мы говорим: «Родина-мать!»

«Как красиво и благородно этот парень ведет стол: видно, у грузин веками сложившийся и устоявшийся ритуал... Мама, пью за тебя или за светлую память твою».

К Виктории подошел Нико и чокнулся с ней.

— Вика! Почему слезы? Сделай подарок: улыбнись.

В нем жили благородный рыцарь и веселый ловелас, поверхностный болтун и глубоко чувствующий артист. И нельзя было не ответить на его улыбку. И она улыбнулась, глотая слезы.

— А теперь танцы!

Молчаливая негрityночка Ло стала с прирожденной пластикой и чувством ритма танцевать какой-то африканский вариант шейка. Сережа выключил магнитофон, сел за пианино и заиграл русскую. Все остановились, а Ло и ее партнер Юзик с задором и удалью пустились в пляс.

Сережа перешел на лезгинку. В образовавшийся круг вытолкнули Нико, и он пошел сначала вкрадчиво и величаво, а потом отчаянно и самозабвенно. А Ло, видимо, была прирожденной танцовщицей. Она хорошо схватила стиль и шла, подчиняясь новому партнеру, лишь некоторыми движениями придавая какой-то экзотический акцент кавказскому национальному колориту.

— Молодец, Сережа! Браво, Ло!..

Ее воспоминания были прерваны. Шумная ватага новых друзей, не отоспавшихся после вечеринки, нагрянула ее провожать. «Приехать в такую рань! Да они, наверное, и не ложились! Разгуляй-воля!» И опять каскад идей вперемежку со словами прощания.

— Нельзя лечить холеру с помощью чумы...

— Семь часов ежедневно можно только работать. Ни пить, ни есть, ни любить, ни играть так долго и так часто нельзя...

— Жизнь требует всей жизни...

Объявили ее рейс. «Уехать — это немного умереть». Пассажиры заспешили. Последние объятия, наставления, напутствия, пожелания. Солнце празднично светило, и газетный лист в руках человека казался абсолютно белым. Пограничник вручил Виктории паспорт с выездными штампами, и она поспешила к самолету. Ребята долго махали ей след...

Явившаяся с небес

Курт уже заметил, что с другого конца кафе спешит к нему его девочка, но еще не прервал поток мыслей:

«Африка — путь к опрощению мира, возврат к истокам во имя будущего. Она вбирает цивилизацию, но и цивилизация должна вобрать в себя ее ценности. Что меня ждет там? Нельзя ответить и на вопрос, всегда имевший однозначное решение: кто кого переживет — я человечество или оно меня? Мир стал разумнее и безопаснее, нет противостояния. Но ничто не предопределено, кроме бесконечных случайностей, осуществляющих необходимость истории. Случайность же, по Гегелю,— точка пересечения двух закономерных причинно-следственных рядов».

И вдруг поток его мыслей прервало воспоминание юности: он стоит в Дрезденской галерее у картины Рафаэля, и навстречу ему, ступая босыми ногами по облакам, идет мадонна, несущая на руках ребенка.

И исчезло все: и Африка, в которую он летел, и девочка, которую ждал, и рев лайнеров, уходящих в небо. Прозрачные стены-стекла перестали пропускать дневной свет, они начали источать многоцветное и сумеречное сияние, как витражи в католических соборах. Гул вселенского прибоя, многозвучье аэропорта стихли. Пространство дематериализовалось. Время остановилось, а некоторые его минуты стали двигаться даже назад, в прошлое. Самолеты повисли в воздухе, а один, только что оторвавшийся от бетонной дорожки, плавно прочертил траекторию своего взлета в обратном направлении и сел на хвост. В снопе света навстречу Курту в абсолютной тишине мира шла женщина, бережно прижимая к груди скрипку, так, как будто она несла ребенка. Еще ни разу в жизни Курт не испытывал такого волнения. Она села за свободный столик и по-английски попросила кофе, затем медленно и спокойно оглядела зал и, ни на чем не остановившись взглядом, как бы вернулась к самой себе и сосредоточилась.

Курт представил себе ее биографию: благовоспитанная

девушка из чопорной аристократической английской семьи. «Нет, совсем не обязательно, что он не замечен. Женщина даже спиной чувствует, кто и как на нее смотрит... Так, что за чепуха лезет в голову!» Он даже было отвел глаза, но взгляд невольно вернулся к ней, к лебединому, как у героинь Модильяни, изгибу шеи, в котором, быть может, и скрывался секрет прелести этой женщины.

— Все в порядке!

Незнакомка была в черной юбке, огненной кофточке с высоким воротником, в тон которой были красные чулки, и, наконец, в черных сапожках на каблучках. Наряд для сестры Мефистофеля: изысканно и чуть-чуть вызывающе. Но она своей внутренней значительностью оправдала бы любое одеяние.

— Идем!

На стул рядом с собой она положила футляр, видимо, так же заполненный музыкой, как ее платье. Скрипачка? Лицо нежное, задумчивое, чуть-чуть грустное, в уголках рта печально-ироническая улыбка, а в глазах — озорство, своеволие, пожалуй, даже веселость. «Балованное дитя, но уже знает о сложности мира. Лет? Пожалуй, двадцать... Сошла с небес. Но откуда прилетела?»

— У нас два с половиной часа!

Вдруг тишина раскололась: как из морской раковины, приставленной к уху, за клубился шум вселенского прибора — задышала многоликая толпа, загрохотали моторы уходящего в небо «боинга», радио обрушило лавину информации.

— Транзитные пассажиры, отлетающие в Нью-Йорк, могут зарегистрироваться...

— Вылет самолета Париж — Бейрут — Дели — Токио задерживается в связи с возможным тайфуном в районе Японского моря.

Шел поток географических названий: Сайгон, Ханой, Бонн, Вашингтон, Каир, Тель-Авив, Гавана, Москва, Кейптаун, Лондон. Самолеты улетали в Канберру, Монреаль, Санта-Яго, на остров Пасхи «...и вообще ко всем чертям. ...Избыток информации не лучше недостатка!».

Звучали бесконечные цифры: восьмого... выход номер один... рейс три-один-двадцать четыре, маршруты девятнадцатый и девятый... телефон тринадцать — один — двадцать четыре — девятнадцать... касса семнадцать... этаж третий... четырнадцать часов две минуты... десять обыкновенных плюс

четыре льготных... пять процентов скидки... девятнадцать часов... Казалось, кто-то передавал зашифрованное сообщение. Курт стал по самому примитивному коду (цифра обозначает алфавитный порядок буквы) расшифровывать сообщение, однако вскоре оставил это занятие.

Люди на ходу роняли обрывки фраз, и они сами рифмовались и складывались в строфы некоей божественной трагикомедии, или кто-то невидимый творил из хаоса случайностей гармонию поэтического текста.

— Филе лейтен...

— Вотр адресс...

— Вас золь эс бедойтен...

— Порги, Бэсс...

— Образ рабочего в литературе...

— Ара... Модии... Хачапури...

— Оз Амбасад же прандр де виз...

— На пляс Пигаль смотреть стриптиз...

И сквозь этот шум прибоя Курт наконец ясно услышал:

— Все в порядке! Идем! У нас два с половиной часа!

Перед ним стояла девочка в голубом форменном платьице, но белый фартук был уже снят. И вдруг эта затея показала ему пошлой и ненужной.

— Ты понимаешь...— начал было он, и у него не хватило духу.— Ты понимаешь...— Тут он заметил, что говорит по-немецки.— Не хочу...— начал он в третий раз, перейдя на французский,— наспех...

Ему еще казалось, что желание освободиться от свидания не имеет отношения к незнакомке, которую он разглядывал. В нем проснулся казуист, всегда спящий в эгоистической мужской натуре: «Секс — единственная сфера свободы человека, и прихоть здесь восполняет социальную зависимость». А девочка в голубом платьице стояла перед ним, и до нее еще не все дошло, но губы ее уже подрагивали от обиды.

— Не огорчайся. Скоро приеду. Извини, что я сразу не подумал, но наспех...

Он знал, что два с половиной часа могут вместить в себя вечность, и ощущал фальш своих увещаний. Она уловила неискренность в его голосе и, не понимая происходящего, стала оправдываться:

— Вы не думайте, я не как Люси (она снова обращалась на «вы»). Я не такая...

Курт знал, что так у женщин начинается цепная реакция, приводящая к слезам. «Черт возьми, почему к счастью, да просто к самому себе человек идет, перешагивая через других людей? Бывает жестокость во имя жизни. Но подчас, чтобы избежать насморка, другого посылают на плаху. Это беспощадность равнодушия». Однако он имеет право на равнодушие к этой девочке: «Конечно, обидно. Она старалась. Но что за трагедия? Одним меньше».

— У меня еще никого не было.— В глазах слезы, похоже, говорит правду.— Я не просто так, я хотела сына. Как наша буфетчица. Она мне все объяснила. У меня никого. А жить надо ради кого-нибудь. Мне будет тридцать шесть, а сыну семнадцать! Эх ты!..— не договорив, она быстро пошла к выходу и растворилась в вавилонской толпе.

Женщины всегда много хуже или много лучше мужчин. Эта девочка оказалась много лучше его, и ему стало неловко перед самим собой.

Все время Курт невольно следил за женщиной со скрипкой, но потерял ее из виду, когда девочка заговорила о сыне. «Удивительная девочка. Обидел!» Ему льстило, что она выбрала его; нет, не выбрала — сошлась с миром на нем, сдалась, хотела сдать, доверилась, а он оттолкнул. Но снова сработал механизм самоуспокоения: «Она тоже хороша. Была сплошным легкомыслием, и вдруг — Хайдегер в юбке: случайная связь с мужчиной — решение проблемы смысла жизни...»

За стеклом-стеной автофургончики везли пассажиров к небольшому самолету. Рядом турбореактивный гигант вращал винтами, вырulingивая на бетонированную дорожку. Человечество все-таки изобрело вечный двигатель — аэропорт. Курт стал следить за женщиной, идущей по огромному полю аэродрома. Казалось, ее белый плащ и золотые волосы развевались от дыхания мощных лайнеров, ревуших в небо и на земле. Она шла, то ли имея право, то ли нарушая правила, до которых ей сейчас не было дела. Ему показалось, что это девчонка, которую он обидел, но на таком расстоянии ничего с уверенностью нельзя было сказать. Да и мало ли в этом Вавилоне обиженных женщин, которым вздумается вопреки распорядку жизни идти в никуда.

Тут он заметил, что женщина со скрипкой исчезла, но не придал этому значения. Его душевное равновесие было нарушено сознанием вины, всем этим пошлым приключени-

ем с девчонкой. Он бездумно поднялся на второй этаж и попал на какой-то балкон. Теперь людские потоки текли под ним, а сзади за огромными стеклами взмывали в небо и совершали посадку соревнующиеся в красоте и стремительности лайнеры всех континентов.

Жизнь толпы казалась лишенной разумной цели или имела непостижимо-таинственную логику и смысл. Это людское мельтешение как броуново движение. Курт захотел увидеть скрипачку еще раз, бесцельно, бескорыстно увидеть. А там лететь в эту Африку на три года.

Увидеть? В этом содоме? Среди вселенского кочевого табора народов? «Бывают такие беспроегрышные дни, когда можно без риска понадеяться на волю случая».

Он вышел из аэровокзала, но к стоянке такси не пошел — постоял, жмурясь от утреннего солнца, а потом вернулся в здание. «Теперь нужно было бы посмотреть у автофургончиков, уводящих пассажиров к лайнерам». Но туда он тоже не пошел. «Дать объявление по радио: женщину со скрипкой просят пройти в багажный зал?» Он шел сейчас вдоль транспортера, который бесшумно нес разноцветные чемоданы, саквояжи, пакеты, доставленные с разных континентов. Он было придумал и мотив для просьбы: забыла транзистор. Он поправил перекинутый через плечо ремешок, на котором висел миниатюрный «Грюндиг». Объявление? Отдает дешевой. Он положился на доброту судьбы и, подчиняясь какому-то внутреннему чувству, направился туда, куда идти было приятней, больше тянуло...

В требовательности к себе его не заподозришь. Он снова убеждал себя в своей правоте и непогрешимости: «Все как обычно: мужчина бросает женщину ради другой. Но в аэропорту то, на что обычно уходят месяцы, протекает в минуту. Аэропорт — модель мира, действующая по законам Эйнштейна: здесь время относительно. Оно спрессовано, убыстрено и соответствует авиаскоростям».

До отлета два часа семь минут. Он уже ищет ее минут пятнадцать. За стеною-стеклом уходили в небо и направлялись ко всем континентам стремительные лайнеры — творения технического гения человечества. А в зале — кассы, службы, огороженные пластмассовыми барьерчиками, и немолчно, как раковина возле уха, шумит людской прибой. Набегая волной на волну, бил в берега аэропорта прибой воздушного океана. Прилив сменялся отливом: исчезали и

вновь накатывались черные, белые, желтые, смуглые, бледные, загорелые, красные лица блондинок, брюнеток, шатенов, рыжих, кареоких, голубоглазых, чернооких мужчин и женщин Вселенной, одетых в наряды всех цветов, фасонов и покровов. Шел карнавал народов, фестиваль наций, парад человечества. Мир превращался в карусель. Пестрота пьянила.

Курта потянуло в соседнюю дверь. Наверное, зал ожидания? Надписи читать не хотелось. Киосков здесь было больше, чем покупателей, и в витринах, не привлекая внимания, красовались сувениры, секс-открытки, духи, магнитофоны. Радио говорило тише. Серо-голубое ковровое покрытие гасило шум. Изредка и в эту тихую гавань набегали волны вселенского прилива, но они гасли в огромном, склонном к покою пространстве, в котором время текло с той неспешностью и стремительностью, с какой дым растворяется в воздухе. С плавностью сигарного дыма Курт обходил этот зал, теряя от вдруг нахлынувшей тишины ощущение собственного существования. А за бесконечной стеклянной стеной аэровокзала шла своя жизнь. Распахнулась дверца лайнера, и по трап-тележке, как десант, посыпались на бетонную площадку невысокие люди в темно-синих френчах и организованно двинулись к аэровокзалу. Сплоченная туристская группа? Военское подразделение?..

У радиокиоска Курт остановился и стал разглядывать любимый им мир обыкновенных полупроводниковых чудес. Он взял в руки миниатюрный диктофон. В беседах с Хайнцем они обычно затрагивали широкий круг тем, сочетая дилетантизм с остроумием, а научную безответственность — с прозрениями, недоступными профессиональным умам. Теперь Курта осенило: «Диалоги на манер Платона в магнитофонном варианте. Записать, а потом издать. О! Это будет новый платоновский «Пир», «Пир разума во время чумы общечеловеческого безумия».

Курт отложил в сторону диктофон и пошел к выходу из зала. Он посмотрел на часы. До отлета оставалось сто шестнадцать минут. «Ресторан? Выпить чашку кофе в маленьком кафе и отправиться сюда?» Алогично, но у женщин своя логика. Она встала из-за стола и шла к двери, правой рукой, словно ребенка, прижимая к груди скрипку.

Он не приготовил первой, в таких случаях решающей, фразы. Общение людей подчинено закону света и зеркала:

угол падения равен углу отражения. Ритм, темп, интонация, эмоциональный настрой обращения продолжают жить в ответах твоего собеседника...

Курт встал на ее пути и, переводя дух, признался:

— Я давно ищущ вас. Помогите мне познакомиться с вами.

Она улыбнулась:

— Меня зовут Виктория. Но я плохо знаю французский, не будете ли вы любезны перейти на английский?

— Английский я понимаю, но не говорю,— сказал он по-английски.— Может быть, вам будет удобен немецкий язык?

— Нам будет трудно разговаривать. Я, кроме английского, сносно знаю только русский.— Она все же склеила немецкую фразу.

Он («Вот так удача!») воскликнул по-русски:

— Откуда?!

— Мой отец — английский дипломат, а мать была русской актрисой. А вы откуда?

— Мой отец, славист по образованию, в войну был переводчиком на Восточном фронте...

Они в буквальном смысле нашли общий язык.

— А мой отец во время войны работал в английском посольстве в Москве. На каком-то приеме он познакомился с моей мамой. Отец рассказывал об этом и описывал ее: «Она вся одухотворена. Если ее прослушать стетоскопом, то нигде не найдешь пустоты, вся заполнена душой».

— Вы что же, знаете мать только по описаниям?

— Да. Мне не было и двух, отец вместе со мной вернулся в Лондон. А маму задержало в Москве оформление документов. И вдруг она исчезла. Переписка прервалась. Потом выяснилось: ее арестовали.

Они жадно узнавали подробности и странности жизни друг друга.

Он тоже рос без матери. В гитлеровские времена отец из страха отрекся от арийски неполноценной жены. Она бежала к родственникам в Амстердам... После войны Курт с отцом специально ездили в Голландию, но узнали лишь, что до сорок третьего мать была жива, а потом ее арестовали. Виктория поступала в Московскую консерваторию и должна подготовиться к переезду на пять лет в Москву. Почему летит в Нью-Йорк? Отец работает там в ООН. Дипломаты,

как военнослужащие, не имеют постоянного места жительства. Лондон она знает, наверное, хуже, чем другие столицы мира. А он, значит, врач и от «Немецкой службы развития» летит в Африку?

У нее была русская няня, а потом учила русский сама и в память о матери, и потому что знала, что когда-нибудь поедет туда... Россия вошла и в его жизнь? Что значит другим краем? Отец? Но он же немец... Ах, да, переводчик на Восточном фронте. Нет, отец фашистом не был, но служил им, а потом заболел чувством вины перед матерью, перед Россией, перед человечеством. Она, наверное, не знает: больная совесть передается по наследству. Наверное, есть ген совести. Он тоже ощущает вину и ответственность перед миром. Как жить с этим чувством? Помогать страдающим и не совершать, как он час назад, дурные поступки.

Да, конечно, это моральная программа-минимум. Но максимализм созидает разрушая, а добро добывает злом.

...Она согласна, идеалы разрушаются негуманными способами их осуществления, поэтому цель оправдывает не все средства. Однако ожидание их полного соответствия обрекало бы на бездействие. Моральная чистоплотность необходима, но не следует требовать от жизни стерильности. Мера между крайностями. Несоответствие должно знать меру: необходимо, чтобы значение цели и созидательное действие средств на несколько порядков превышали их разрушительное действие... Но при чем здесь закон энтропии? Его мысль не ясна ей.

«Какими четкими формулами она мыслит! Под статью Хайнцу! Удивительное существо...»

...А, теперь ей понятно: он позитивист и трактует энтропию расширительно, не только как закон физики. Но тогда у него получается, что в мире нарастает беспорядок, гармония на одном участке достигается лишь за счет усиления окружающего хаоса. Выходит, Руссо прав: золотой век позади, история человечества — история разрушения некогда существовавшего совершенства. Но концепция всеобщего регресса столь же сомнительна, как и идея абсолютного прогресса. Да, она согласна: в XX веке алогизм бытия усиливается. Но разве разум не противостоит энтропии? У истории свои цепные реакции, идущие то в сторону зла и хаоса, то в сторону добра и гармонии.

Они громоздили идею на идею. Странно: мужчина и жен-

щина, видимо, понравились друг другу, возможно, даже влюбились. Им предстоит разлететься в разные города, страны, на разные материки, в противоположные концы света, а они спорят бог знает о чем. Однако именно эти отвлеченные рассуждения служили их взаимопознанию через мир, а может быть, даже являлись формой признания в любви.

— Бог сотворил человека, другие считают — труд. Но сотворен ли человек? Он владеет природой, но не владеет собой. Интеллигенция, во спасение мира сотвори человека из человекоподобных, населяющих мир! Человечество станет интеллигентным или покончит с собой. К несчастью, это равновероятно. Ураганы эпохи гнут и ломают редкий мыслящий тростник.

Виктория возразила:

— Интеллигенция немногочисленна? Во Франции она — четверть самодеятельного населения, а в атомной и кибернетической промышленности — три четверти. За год число рабочих увеличилось на девятьсот тысяч, а интеллигенции — на полтора миллиона.

— А может быть, эта статистика исходит из того, что маникюрши — пролетарии, а парикмахеры, поскольку имеют дело с головой, — интеллигенты?

Объявили посадку на самолет в Найроби.

Жизнь в обратном времени

Странно! Все сообщения проходили мимо внимания Курта и Виктории, но про Найроби они слышали. Радио на аэровокзале почти не умолкает. Включается и выключается сознание. Оно приспособилось к новой реальности и научилось само нырять и выскакивать из громокипящей Ниагары информации.

Какая непредусмотрительность! Опьяненные встречей, они даже не задумались над тем, что их ожидает, и ни о чем не договорились.

Отъезжающие живут в обратном времени. Перед стартом космического корабля ведется обратный отсчет секунд. Пос-

ле взлета время потечет вперед, появятся новые дали, новые цели, начнется новая жизнь. А пока радио напоминало Курту и Виктории, что их вечность на исходе, идут ее последние минуты: десять, девять, восемь...

— Виктория, это мой самолет... Если мы расстанемся, то окажемся на разных континентах, и бог знает, встретимся ли. (Она грустно и чуть-чуть лукаво улыбнулась.) Не уходите, я сейчас.

— Я подожду.— В отличие от него она была спокойна.

Он стремительно кинулся в водоворот прилетевших и отлетающих, провожающих, встречающих и ждущих. Он сдал билет и пошлет телеграмму в Найроби о том, что задерживается. «А там будет видно. Кстати, работать я должен на берегу озера Виктория. Прелестное совпадение — озеро ее имени».

Огромное количество стрелок, указателей и табло только запутывало его, и он не мог найти нужную ему кассу.

«Вот если бы увезти ее в Африку, но она студентка Московской консерватории. Aus welchem kühlen Grunde (с какой стати), или, как странно выражаются в таких случаях русские, с какой радости она поедет со мной?»

Наконец он отыскал справочную.

«Черт возьми, почему этот толстяк так долго торчит у окошечка! Я зря пошел без Виктории. Несносный толстяк: что-то опять спросил... Фу, наконец-то».

— Мне нужно сдать билет в Найроби.

— Касса номер пять.

Краткие ответы сопровождалась профессиональной улыбкой вежливости, но из слов была вынута душа, и он переспросил:

— Касса номер пять? А обмен на другой рейс?

— Следующий рейс в Найроби послезавтра. Обмен билетов — третий этаж, касса семь, одиннадцатый зал.

Помочь могла только моторная память, и он повторял про себя: «Три, семь, одиннадцать. Тройка, семерка, туз!» Он через ступеньку одолел лестницу, как вдруг услышал объявление о посадке на самолет, отлетающий в Нью-Йорк.

Он по инерции дошел до нужной кассы, но вдруг предположил: Виктория сядет в самолет, а у него ни ее адреса, ни фамилии. Он повернул назад. «Может быть, искать ее у выхода на посадку?» Он все же поспешил в зал ожидания. «Ни отец, ни Хайнц не поняли бы такого безрассудства: по-

терять столько денег за билет! Наша немецкая бережливость не учитывает относительность ценностей: в древней Африке пленников сковывали золотыми цепями. Что, кроме свободы, после этого богатство?»

Виктория уютно сидела в том же кресле. Руки ее покоились на футляре со скрипкой, а пальцы медленно шевелились, как будто перебирали невидимые струны.

— Объявили ваш рейс?!

— Да, я слышала...

— А я испугался, что вы улетите...

Она улыбнулась. Он вдруг почувствовал надежность этой женщины, ему стало легко и радостно, но беспокойство не исчезало: успеть бы обменять ее билет на следующий рейс. Он увлек ее за собой, и они весело побежали к кассе. За прозрачной стеной лайнер выруливал к взлетной дорожке. «Мой самолет уходит в Африку».

Они обменяли ее билет. Следующий рейс в Нью-Йорк был через три часа.

Теперь нужно было понять, на каком они свете. Его багаж улетел в Африку. Ее чемодан с минуты на минуту отправлялся в Америку. Она через три часа улетит вслед. Он же без билета на самолет и без денег останется в Париже, а в Кении его ждут люди. «Безответственность!»

Он дал в аэропорт Найроби телеграмму, которая хотя бы объяснила встречающим его отсутствие.

«Три часа — целая вечность», — вспомнил он. Теперь они могли вновь начать обратный отсчет времени.

— Виктория, едем в Париж!

Они обшарили карманы и собрали, кроме франков, еще много завалывшихся купюр разного достоинства и принадлежности. В меняльной конторе клерк вручил им причитающиеся франки с такой любезностью, как будто это было целое состояние.

Она бывала в Париже с отцом, но всякий раз недолго. Курт ехал впервые. Шофер попался словоохотливый. Услышав их речь, он решил, что везет русских, и стал хвалить московских балерин и космонавтов. Его эрудиция иссякла на хоккее. Русский узнал бы в них иностранцев. Их язык, воспринятый через великую литературу, был излишне книжен. Машина на скорости рвалась к одному из вечных городов мира.

Когда влетели в Париж, они решали очередную мировую проблему: зол человек или добр? Как часто Сальери бескорыстно убивают Моцартов!.. И как измельчал век: не обязательно быть Моцартом, чтобы на тебя нашелся Сальери.

Шофер удивлялся: его пассажиры, вместо того чтобы осматривать город, разговаривают, а болтать можно было и в аэровокзале. Однако изящная пестрота пейзажей самой артистичной и эротичной из столиц не только окрашивала их разговор, но и наполняла его. Их болтовня о проблемах мира неожиданно обращивалась размышлениями о городе, а Париж вновь возвращал их к Вселенной.

Они быстро поняли, что на три часа поездки у них не хватит денег и, признавшись в этом шоферу, сговорились с ним, что в полдень он будет ждать их у Триумфальной арки, на площади Звезды.

Они пошли в сторону Монмартра. На пляс Пигаль было утреннее затишье. Бары, магазинчики, маленькие кабаре пустовали, а по улицам сновал деловой люд Парижа. Индустрия секса и увеселения отдыхала и ждала своего часа. В витрине невзрачного кабаре стояла большая фотография обнаженной женщины. Лента закрывала существенные подробности ее тела.

Как он относится к стриптизу? Стриптиз — эстетизация секса и одновременно его девальвация. Она будет учиться в Москве. Там прекрасная интеллигенция. Само понятие «интеллигент» русское и обозначает не «копфарбайтера» — работника умственного труда, а личность с независимым мнением, творческим мышлением и чувством ответственности за судьбу человечества. Да, конечно, ему пока далеко до интеллигента, он пренебрег долгом, и его сейчас напрасно встречают в Найроби. Но, может быть, он там не так уж и нужен? Народная медицина Африки искусностью порой превосходит профессиональную. На Черном континенте ему предстоит спасать людей от смеха. Одна из загадочных эпидемий: заболевший смеется до изнеможения. Избирательная интоксикация, затрагивается какой-то центр в мозгу. Дело нешуточное: представьте себе — страна хохочущих негров. Чему смеетесь? Над собой смеетесь!

Узкий переулочек привел их на вершину холма к подножию белокаменного храма Сакре Кер. Внизу раскинулся Париж, освещенный весенним праздничным солнцем. Цвели

каштаны и акации. Голубое небо туманила дымка. В тени еще пряталась прохлада. Но здесь было почти жарко. Она развязала красный газовый шарфик и сунула в футляр. Тут только он заметил, что всю дорогу она сама несла скрипку. Спohватившись, он предложил помощь, но она с мягкой настойчивостью отказалась: ее рукам будет чего-то не хватать.

Они стояли, опершись на парапет. Казалось, что город парит в воздухе. Это была гармония хаоса. Курт и Виктория вдруг притихли. Может быть, они потому и не умолкали, что боялись молчания, как боятся пустоты. Но молчание оказалось заполненным далекими шумами города и стуком их сердец. Она улыбалась, как улыбаются, жмурясь на солнышке, дети, умеющие радоваться невзвест чему. Он впервые взял ее за руку и ощутил мягкое тепло ее ладони, и ему показалось, что даже в кончиках ее пальцев бьется сердце и живет душа.

Вдали по шоссе шла машина, отсюда похожая на движущуюся каплю чернил. «Если не свернет, я поцелую Викторию». Выиграл: машина не свернула. Но в последнюю минуту из-за белого храма на полной скорости вылетел и встал намертво на все тормоза огромный красный автобус. Из него хлынули ярко одетые брюнеты и брюнетки, вооруженные фотоаппаратами и кинокамерами. («Испанцы? Латиноамериканцы? Туристы».) Гости облепили парапет, любуясь красивейшей декорацией мира, на фоне которой разыгрывались трагедии и комедии самой истории. И гид с пафосом говорил:

— Перед вами десять гектаров земли, на которых больше, чем где бы то ни было, думали, писали, любили. Корнель, Расин и Гюго здесь относили свои письма на почту. Здесь умер Мольер.

Курт не выпускал руку Виктории. Обогнув храм, они оказались на небольшой, уютно ограниченной невысокими домиками площади, обсаженной редкими деревьями.

Мастер виртуозной бессмыслицы, выпавший из времени

В двухэтажном домике уютилось бистро. У входа стоял врытый в землю белый камень, на котором виднелась какая-то полустертая клинопись, невесть что обозначающая. Курт вспомнил обелиск у обочины дороги с высеченным текстом: «На этом месте никогда ничего не происходило». Он подумал: «Этот камень — тоже памятник Ничему».

Ресторанчик еще пустовал. На его стенах и потолке красовались приклеенные или прикнопленные визитные карточки и денежные купюры из разных стран, в пробелах виднелись надписи и автографы. Подошла хозяйка, и Курт заказал два бокала апельсинового сока. В глубине одиноко сидел высокий мужчина. На его столике сиротливо уютилась рюмка. Перехватив взгляд Курта, хозяйка тихо сказала:

— Мой муж.

Ко всему безучастный человек меньше всего походил на собственника, и Курт спросил:

— Владелец этого бистро?

— Хозяйка я, а он, — женщина запнулась, — ...кдюкле.

— Простите, я плохо говорю по-французски и не знаю, что такое «кдюкле». Это такая профессия?

Оказалось, что это целая история.

Когда муж хозяйки был еще деревенским парнем, все попытки приноровить его к сельской работе оказались тщетными. Он целыми днями что-то мастерил, пока его не призвали в армию, где начались с ним особые несообразности. Военный комиссар выстроил новобранцев и, чтобы рассортировать по родам войск, стал опрашивать, кто к чему способен. Очередь дошла до долговязого призывника.

— А ты что умеешь делать?

— Кдюкле.

— А что это?

— Ну, в общем, когда... вода дыркой вверх, а дерево — в воду вниз.

— Ничего не понимаю. Вода? Хм, ладно, пойдешь на флот, — мудро рассудил комиссар.

На корабле история повторилась. И капитан, сортируя

пополнение по службам, спросил, а может ли новобранец показать это самое клюкле в натуре. Парень обрадовался: ему нужны лишь пара бревен, топор и долото.

Трое суток долговязый не выходил из трюма, никого к себе не пускал, неустанно и, кажется, даже бессонно трудился. Наконец исхудавший, заросший щетиной, он вышел на палубу, шурясь от солнца и волоча за собой два плохо обтесанных бревна, на которых виднелись искусно пробитые в разных направлениях сквозные отверстия. Капитан досадовал:

— Что это значит?

— Клюкле,— покорно отвечал новобранец.

Раздались смешки собравшихся на палубе матросов. И уже более раздраженно капитан спросил:

— Что же делать с этими чурбанами?

— Бросать в воду,— отвечивал долговязый.

— И что?

— И смотреть.

— На что?

— На клюкле.

Капитан приказал бросить одно из бревен в море. На плаву оно повело себя самым странным образом: замерло в неподвижности, потом быстро сделало полный оборот, затем вновь застыло на минуту и вдруг, выбулькнув во все отверстия по фонтанчику воды и со внятным звуком «клюк», пошло ко дну. Команда ахнула и загоготала. Утонувшее бревно опровергало закон Архимеда. Однако капитану было не до фокусов. В смехе экипажа он ощутил падение своего авторитета и заорал:

— Что это за безобразие?!

— Клюкле.

Опять хохот команды. И чтобы другим было неповадно манкировать службой, капитан решил напугать нахала:

— Ты приговорен. Выбирай, какой вид смерти ты предпочитаешь.

— От старости,— простодушно ответил парень.

Новый взрыв хохота привел командира в бешенство:

— Повесить негодяя!

И вот уже на мачте подняли черный флаг, означавший, что на корабле схвачен преступник и его казнят. Все могло кончиться плачевно, но, на счастье, случился поблизости адмирал, вершивший инспекцию. Адмирал — на палубу, ка-

питан — в струнку и докладывает: мол, новобранец злоумышленным шутовством посягнул на командирское достоинство. Однако высокое начальство неожиданно выказало не гнев, а большое любопытство по части «кдюкле» и велело показать эту редкость. Связанного парня высвободили, и он смог продемонстрировать в действии второе чудо-полено.

Когда оно, как и первое бревно, с внятным звуком «кдюк» камнем пошло ко дну, адмирал развел руками и восхищенно произнес:

— В жизни не видывал такого прекрасного кдюкле! — обнял мастера и расцеловал. С тем и уплыл на своем легком катере в неизвестном направлении, а долговязого определили в камбуз помогать коку. После армии парень женился, жена завела бистро. А непризнанный виртуоз своего дела нельзя даже сказать, что запил, — так, заскучал, а вернее, потерял смысл жизни.

Курту и Виктории история показалась презабавной. Ее экзистенциалистский герой выпал из времени и где-то на границе небытия нашел устойчивую «пограничную ситуацию» и осуществил абсолютно свободный выбор: в бессмысленном мире он стал Никем, создающим Ничто во имя Абсурда.

Яичница на вечном огне

Они вышли из ресторанчика на площадь Терт и очутились в сердце Монмартра, в центре богемы, в свободном королевстве художников. Таланты и бездарности, гении и авантюристы, дельцы и творцы, сидя на раскладных стульчиках или стоя у мольбертов, писали в самой разнообразной манере и технике, в духе самых различных школ портреты, натюрморты, урбанистические пейзажи, абстракции и фантазмагии... Даже в этот утренний, а для богемы и вовсе ранний час у художников было много заказчиков, желающих запечатлеть на память свой облик или образ Парижа. Здесь же прогуливались пресимпатичные натурщицы. Их лица повторялись на полотнах, выставленных на продажу.

Пора было возвращаться, тем более что путь до их «Звезды» неблизок.

Так рука в руке шли они и молчали. Париж раскрывался ему через нее в радостном многоцветье, будто бы он, как в детстве, на все смотрел через цветные стеклышки. Исчезло и безумие мира, о котором он так много думал, и одиночество, так часто обступавшее его. Париж пьянил, кружил голову цветущими каштанами, пестрой толпой.

В отличие от других городов мира над улицами Парижа нет паутины проводов. И от этого празднично синее небо выглядело необычайно просторным. Солнце щедро светило, и казалось, что мир не так уж плох, а все, что плохо, вот-вот уладится.

Навстречу шла прелестная брюнетка, худенькая, гибкая, с длинными красивыми ногами. Виктория заулыбалась и показала на нее.

— Действительно, хороша.

— Ты не женат?

— Нет: весь мир — тюрьма, и жены в ней тюремщики.

— Да, семья — тюрьма любви. Но никто не придумал ничего лучшего.

— У нас, немцев, есть даже особый весенний праздник мужской свободы — химельфарт. Ну, как бы сказать по-русски? Поездка на небо. По-английски, кажется, «rise».

— А, вознесение?

— Точно. В этот день по традиции жены дают мужьям увольнительную, и те пьют, гуляют, собираются на мальчишники, посещают любовниц и вообще делают что хотят. Только постоянная несвобода мужчин может породить такой обычай. Но достаточно ли один день свободы в году?

Она засмеялась:

— Бедные мужчины! Я готова бороться за вашу эмансипацию. Для вас любовь — утверждение себя в другом, а она — творение целого мира духовных ценностей. Отношение к женщине — критерий очеловеченности мужчины. В сексе пол относится к полу, в любви — личность к личности другого пола. Любовь — созидание друг друга и самого себя.

Многие привычные для Курта истины зашатались под напором ее суждений.

Нет! Он ее не понял. Она не отрицает ни влечения, ни страсти, ни чувственности, но на всех уровнях взаимоотношений мужчины и женщины истинны лишь отношения лич-

ности к личности. В любви секс — путь и средство единения людей, а в псевдолюбви, которую исповедуют многие, секс — самоцель, поэтому люди друг для друга становятся лишь средством извлечения наслаждения. Единение тел оборачивается разобщением душ. Он согласен видеть в возлюбленной интеллектуальную партнершу? Его великодушие высокомерно и снисходительно! Женщина не может быть счастлива, когда не в состоянии ничего взять от мужчины и когда не способна ничего ему дать. Это и есть формула очеловеченной любви, в которой не утрачено ни небесное, ни земное начало.

Курт не вполне разделял этот беспощадный анализ современного мужчины: «Наш век не дает осуществиться ни одной максималистской программе. Впрочем, это не довод, чтобы отказываться от идеалов. Пожалуй, несмотря на романтические упрощения, она на верном пути, по крайней мере для женщины».

До назначенного места встречи с таксистом оставалось минут десять ходу. Их «вечность» подходила к концу. Они должны были расстаться, и Курт сказал, что хотел бы что-нибудь подарить ей на память, но еще не придумал что. Виктория заулыбалась: в Москве, в общежитии, она видела забавный подарок. Парень окончил консерваторию и, уезжая, подарил своей девушке маленького желтенького цыпленка. Скоро цыпленок превратился в петуха, который в полночь и на рассвете кукарекал на весь дом.

Курт рассмеялся. Придумал! Он пришлет ей из Африки тигренка, тот вырастет и не будет подпускать к Виктории мужчин, пока он, Курт, будет врачевать негров у озера, носящего ее имя.

Курт пытался отшутиться от грусти расставания. А Виктория не могла себе представить, как можно бросить человека без денег, в чужом городе. Из Нью-Йорка она сразу же вышлет ему деньги... Да, конечно, ей тоже не хочется расставаться. Почему навсегда? Да, пожалуй, он прав — они вписаны в слишком разные судьбы. Не разлучаться? Но как?

Расставаться теперь уже было немислимо. А быть вместе невозможно. Остаться в Париже? Но нет с собой денег. Долететь до Нью-Йорка или до Найроби? Но у них лишь один билет. И тут он предложил лететь в Стокгольм! При чем здесь Стокгольм? Это близко, и у него там друг. Их

отлично примут, они оглядятся и что-нибудь сообразят. Если сдать ее билет, у них хватит денег долететь.

Если людям хорошо — они должны быть вместе даже вопреки всему миру. В его сумасбродном предложении заключался какой-то временный выход, передышка от неизбежности, шанс понять, что значит в их жизни эта случайная и так захватившая их встреча.

Она не знала предрассудков и комплексов и не играла в эмансипированность. Свободно выбрав мужчину, она подчинялась ему и не видела в этом ничего, что ущемляло бы ее свободу. Она была достаточно сильна, чтобы позволить себе быть слабой. Она не сказала высоких слов, что поедет за ним на край света, но с мягкой покорностью безрассудно согласилась отправиться на другой конец Европы вместо того, чтобы лететь в Америку.

Наконец пляс Этуаль. Такси — в условленном месте. Ехать в аэропорт? Но шофер все знал в этом городе: обменять ее билет в Нью-Йорк на два до Стокгольма возможно и в Париже. И вот они уже у окошечка городской кассы. Операция оказалась не очень сложной. До стокгольмского самолета у них выкраивалось еще парижское время. Решили еще побродить по городу и сговорились о новой встрече с водителем.

— Курт, есть два варианта прогулки.

— Оба приняты единогласно.

— Без шуток: можно пойти до Лувра или до Эйфелевой башни.

Переулочками они вскоре вышли к Сене и попали на набережную, носившую название Нью-Йоркская. Им стало весело от этой игры случая. Она должна была сейчас лететь над океаном к Нью-Йорку. Получилось, что она попала куда нужно, и даже раньше, чем это возможно.

В витрине салона красоты Курт прочел: «Вам следует изменить в паспорте только дату рождения, все остальное сделаем мы». Он засмеялся:

— Мне, наверное, пора заняться этим делом!

— Как! Стать моим ровесником? О ужас! Мне нравятся мужчины в возрасте, который древние греки называли «акме» — расцвет — после сорока пяти.

По Йенскому мосту они перешли на другой берег реки и вскоре очутились у знаменитой ажурной вышки.

«Хорошо, что мы не расстались».

Городской пейзаж казался знакомым Курту, хотя он был здесь впервые. Марсианское сооружение сегодня выглядело несколько старомодно. Подножие башни утопало в зелени, а сама она великолепно отражалась в водном бассейне.

Асфальт был недавно полит и быстро просыхал на солнце. Но в неровностях тротуара сохранилась вода. И это сделалось забавой двух мальчишек и их сверстницы. Сорванец со всего разбега прыгнул в лужу, а второй мужественно принял на себя брызги. Теперь первый бесенок выбежал из лужи и честно стал у ее края, а его противник яростно заколотил подошвой сандалика по куску синего неба, разлившегося по асфальту.

Они брызгались водой и кричали «огонь». Прошлые, а может быть, и будущие войны жили в играх детей.

Не выдержав азарта и, наверное, нарушая правила состязания, ребята вместе влезли в лужу, бешено затопали ногами и, захлебываясь от восторга, завопили:

— Атомный взрыв!

— Водородная бомба!

Девочка хлопала в ладоши и счастливо визжала, а потом вдруг скомандовала:

— Хватит!

И, вдоволь насладившись разрушением, маленькие вояки послушно покинули лужу боя. Они вытерли скомканными рубашками мокрые ноги и отправились по каким-то не менее важным, чем атомная атака, делам.

Виктория блаженно и беззаботно хохотала, а Курт сквозь смех заметил:

— Время возвращаться.

Маленькие разбойники шли впереди, над крышами Парижа звенели их голоса:

— Послушайте кошачий концерт в исполнении собачьего ансамбля песни и пляски!

И они замыкали, захрюкали, закудахтали, завизжали противными голосами, мастерски подражая звукам всей фауны, населяющей подлунную. Виктория посерьезнела:

— В детях мало доброты.

— Дети — взрослые в улучшенном виде. И если уж они не добры...

— Сама история человечества — бесконечные войны!

— Были и просветления. Властелин Древней Индии высек на скале покаяние: «Я, царь Ашока, завоевал царство

Калингу и убедился, что для этого нужно было убить сто тысяч человек, и сердце мое содрогнулось».

— Как ты помнишь такие вещи?

— Новейшая история немцев заставляет.

— А ты воевал?

— Нет, но был в гитлерюгенде, и, продлись война хоть немного, мне бы пришлось стрелять в людей.

— «Сердце содрогнулось» — как сказано! Побывать бы в Индии...

— «Быть может, никогда иль завтра, может быть!»

Они шагали по уже знакомому мосту. Навстречу двигалась солидная дама и на поводке вела бульдога. Один из мальчиков залаял на собаку. Хорошо воспитанный пес удивленно посмотрел на самозванца и, преисполненный достоинства, пошел дальше, женщина же возмущенно пожала плечами и двинулась за своим питомцем. А паренек обернулся и залаял вслед собаке. На набережной стоял шарманщик с обезьянкой на плече. Девочка попросила:

— Мсье фокусник, сделай, пожалуйста, из меня цветов!

— А почему не все обезьяны захотели стать людьми?

Виктория и Курт купили фант с предсказанием судьбы и спрятали, чтобы прочесть позже, так как их внимание привлекла двигавшаяся по проезжей части под красными и черными знаменами немногочисленная демонстрация экстравагантно одетых юношей и девушек. Надписи на транспарантах кричали: «Запрещается запрещать!», «Будьте реалистами — требуйте невозможного!», «Отцы! Мы не дети», «Осторожно: я радиоактивна!», «Хочешь, поцелую?», «Я убежденная лесбиянка!», «Идите к черту с вашей войной!», «Да здравствует сексуальная революция!». Глядя на этих ниспровергателей, Курт подумал: «Их энтузиазм будет использован в чьих-то корыстных целях», — и сказал:

— Одно единение людей — разобщает, другое — соединяет. Хорошо что мы не расстались. Основатель внегалактической астрономии Хаббл утверждает, что все расстояния во Вселенной увеличиваются пропорционально квадрату времени. Если бы не было этого стремительного разбегания звезд, мы бы видели все звезды и небо над нами было бы золотым! Это больше, чем небо в алмазах! Время разобщает и звезды, и людей. Любовь — объединяет...

Они шли мимо огромного универсального магазина, и Курт вспомнил:

— Одна знакомая говорила: «Когда мне плохо, я покупаю приятную вещь». Мы живем в цивилизации потребления.

— Вещи создают несвободу. Человек должен иметь только необходимое.— Она погладила рукой футляр со скрипкой.

— Да, но где кончается необходимое и начинается роскошь? С норковой шубы? С автомобиля? С личного вертолета?

«Видимо, несчастье». Угрюмый парень и всхлипывающая женщина несли бледную и бездыханную девушку. «Еще жива». Курт снял пиджак, уложил на него пострадавшую и мгновенно осмотрел ее: «Похоже на удушье! Нет! На запястье темное пятно: электрошок!» Курт склонился над девушкой и стал делать принудительную респирацию, вдувая воздух в еще теплые безжизненные губы. Наконец потерпевшая стала медленно оживать: «Человек, верный Гиппократовой клятве, необходим в Париже не менее, чем в Найроби».

Курт поднял голову: Виктория стояла среди сгрудившихся людей. Ноздри ее вздрагивали, зрачки расширились, губы чуть-чуть разомкнулись.

Только тут прибыла скорая. Толпа сразу рассеялась. Они опаздывали и остались один на один со своей заботой.

«Мы умудряемся создать цейтнот, даже когда у нас в запасе много времени. Мы жадны к жизни и стремимся втиснуть в один срок больше дел и удовольствий, чем в него может вместиться. И жизнь жадна к человеку: он оказывается одновременно нужен в разных точках земли...»

Они добежали до пляс Этуаль. Их такси там не было. «Шофер попал в аварию? Человек на шаг вперед не знает своей судьбы. Философия хирурга!»

В площадь впадало много улиц. Курт и Виктория встали у разных перекрестков — перехватить случайную машину. Полицейский любезно принялся помогать им, однако вскоре был отвлечен непорядком: в Триумфальной арке мальчишки жарили яичницу на вечном огне, горящем в память о погибших бойцах, а девочка собирала пожертвование в пользу вдовы Неизвестного солдата. Дети любили играть в войну, но не уважали ее героев.

Наконец Курт остановил такси, и они понеслись к аэропорту. Был шанс успеть.

И вот аэропорт! Они шли напрямик, благо у них не было багажа.

Из «боинга» шумной толпой выходили смуглые мужчины, женщины, старики, старухи и дети, видимо, составляющие одну огромную семью. Они тащили нехитрый скарб и, переругиваясь, перешучиваясь, двигались в сторону готового к отлету лайнера, намереваясь пересесты из самолета в самолет, минуя транзитные бюро. Курт вдруг понял: «Цыгане! Кочуют по миру на самолетах!» Ему захотелось поделиться догадкой с Викторией, но она, смеясь, сама крикнула:

— Цыгане!

Это оснащенное современной техникой и освященное традициями кочевье, казалось, имеет символический смысл: человечество превращается в бродячий табор.

Стюардессы и дежурные вступили в перебранку с цыганами. Все службы оказались вовлечены в происшествие. Курт и Виктория, минуя обычные процедуры, выбежали из аэровокзала на площадку, от которой обычно везут пассажиров к самолетам. Ждать фургон не было времени. И, ухватившись за руки, они побежали по бетонным плитам навстречу ветру к воздушным гигантам, выстроившимся крыло к крылу. Пробравшись сквозь толпу цыган, Курт и Виктория наконец добрались до самолетов и стали читать таблички, оповещавшие о маршрутах. Между «ТУ» (Париж — Москва) и «боингом» (Париж — Нью-Йорк) стоял четырехмоторный «SAS», от которого собиралась отчалить трап-тележка. Маршрутная табличка уже была снята. Долго раздумывать не приходилось. Конечно же, это их самолет на Стокгольм! Курт ринулся вверх по лестнице, увлекая за собой Викторию. Бортпроводник уже готовился заdraивать входной люк.

Воздушный корабль дураков.

Пространство и время, текущие не туда

Курт порылся в карманах, нашел билеты, но стюардесса не стала смотреть номера их мест, укоризненно покачав го-

ловой, отвернула занавеску в салон и показала на свободные кресла.

Сидеть отдельно не хотелось, но они чувствовали себя виноватыми, и возражать не стали. Над входом в салон уже горело табло, призывающее пристегнуть привязные ремни и не курить во время взлета. Пассажиры пристегивались.

С его кресла были видны ее плечо и волосы. Турбины ревели, и машина, подрагивая на стыках бетонных плит, медленно вырулила на взлетную полосу. Здесь двигатели включились на полную мощность, и самолет замер, дрожа от напряжения, затем, сорвавшись с места, сделал короткую пробежку и плавно оторвался от земли.

Люди в самолете подобны беззаботным ангелам, летящим над грешной землей, и склонны наслаждаться роскошью человеческого общения. Мысли, отрешенные от повседневной суеты, философичны.

В самолете летели двести пассажиров — некое воздушное «Экспо» человечества. Споры и беседы наполняли и обременяли Воздушный Корабль Дураков грузом мудростей и благоглупостей.

И сказал монах:

— Человек, родившись, плачет, и не случайно...

И сказал генерал:

— Мы летим на высоте, вполне достаточной для атомного бомбометания...

И сказал дипломат:

— Пусть у него борода горит, я смогу прикурить.

И сказал мудрец:

— Семь бедняков уместятся на одной циновке, а двум богдыханам тесно и в целом мире.

И сказал голодный:

— Тяжелее всего пустой желудок.

И сказал дурак:

— Дуракам — счастье.

И сказал путешественник:

— Лежа не споткнешься, но мхом зарастешь.

И сказал чиновник:

— Над всяким начальником есть еще начальник.

И сказала мать сыну:

— Не старайся всегда для себя, как мотыга; не старайся всегда для других, как лопата; будь с людьми и так и сяк, как пила.

И спросил сын:

— Сколько терпеть нам несправедливость?

— Сорок дней.

— А потом?

— Привыкнем.

И сказал справедливый:

— Если наш сын в вашего камнями кидает, так он же еще ребенок, а если ваш в нашего — так это судебное дело.

И сказал философ:

— Мир так велик, что нет такого, чего бы не было.

И сказал поэт:

— Говорящий истину — всем враг.

Соседи Виктории беседовали. Пожилой энергичный американец сказал молодому японцу с красивым и жестоким лицом:

— Национальное разнолико, но сколько пересечений и неожиданных сходств!

— Мой брат женат на англичанке (смешанные браки, к сожалению, сегодня не редкость даже в Японии), так что не мне отрицать пересечения национальных культур. И все же осмелюсь утверждать принципиальную оригинальность японского духа. У какой нации есть такой изысканный праздник — любование луной? Вечером за три дня до полнолуния японцы с цветами идут на свидание с ночным светилом. И обратите внимание, какой вкус: золотой диск созерцают, когда он еще имеет маленькую щербинку — дисгармония, включенная в гармонию. Или Сад камней в Киото — философская модель Вселенной. Какое изящество! Двенадцатый век, религия дзэн. Белый крупный песок и, как миры в океане вечности, островки, покрытые мхом, из которого причудливо, в хаотической гармонии вырастают диковинные камни. Этих камней пятнадцать. Но из любой точки видно только тринадцать или четырнадцать. И форма, и сама мысль чисто японские!

— Даже в пересказе впечатляет!

Виктория вступила в разговор:

— На разных широтах я слышу о национальной исключительности. Какая-то пандемия национализма! Япония — Франция Азии. Все в ней самобытно, но из этого не следует идея национального превосходства. Она опасна.

— Вы излагаете политическую истину. Однако она неприменима к сфере национального духа. Мой отец был ка-

микадзе и отдал жизнь за Японию. Я не могу не верить в богоизбранность моего народа.

— Ваш отец погиб, и я не смею обсуждать проблему фанатизма. Японская культура оригинальна, но не исключительна. Дисгармония, включенная в гармонию, живет не только в изящном и утонченном празднике любования лунной, но и в музыке Прокофьева, в колоннаде Парфенона. Колонны не выглядят как частокол — их ритм нарушается аритмией. А всегда сокрытый пятнадцатый обломок скалы в Саду камней! Это же образ кантовской «вещи в себе».

Виктория замолчала, а беседа ее спутников продолжалась:

— У могилы отца я понял: нет никакой разницы между «никогда» и «навсегда». Единственная справедливость этого мира: каждый умрет — и счастливый, и несчастный. Равноправие людей не перед лицом жизни, а перед лицом смерти.

— Нет, все равны и в жизни. Я миллионер, но я знаю: когда бедняк теряет доллар, а богач — тысячу, мера их бедствия одна. Когда у них умирает близкий, мера их горя одна. Когда бедняк выигрывает доллар, а богач — тысячу, их радость равна. В конце концов в жизни каждого одинаково мало радостей и много горя.

«Странно тогда: почему из двух равных юдолей люди стремятся получить судьбу богатого?» — подумала Виктория, но промолчала.

Дождь струился по круглому стеклу, но капли текли не сверху вниз, а против хода самолета, справа налево, как будто писались арабские письмена. Облака закрывали землю, и небесный пейзаж был однообразен.

Курт разглядывал своих соседей. За его спиной сидели великаны. Они иногда покидали кресла и прогуливались по ковровой дорожке, сутулясь из опасения пробить головой потолок салона. Казалось, что лайнер покачивается от мамонтоподобной походки этих верзил. Впереди Курта расположились общительные супруги. По их словам, гиганты — баскетболисты. Они летят за тридцать земель проиграть во имя высшей спортивной стратегии ответственный матч и вывести своих соперников на очко вперед, дабы некий третий спортклуб выбыл из полуфинала.

Со стороны прохода сидел человек, которого Курт принял за интеллигентного китайца, но который, как выяснилось, оказался японцем. У иллюминатора по-домашнему уютно

расположился аккуратный и добродушный старичок. Курт выше всего ценил в человеке доброту: наделенный ею не может оказаться подлецом. Критерий был несовершенен: медведь в известной притче убил пустынного и именно по доброте. Курт заинтересовался старичком.

— Вы швед?

— Нет, голландец.

— В Стокгольм?

— Нет, в Рио-де-Жанейро.

— Но это же в обратную сторону?!

— Чем дальше маршрут, тем лучше.— Старичок хорошо говорил по-немецки.

«Старик, видимо, крупный коммивояжер. Но даже в этом случае зачем лететь из Парижа в Рио-де-Жанейро через Стокгольм?»

— Вы работаете?

— Я безработный.

— Миллионер?

— Нищий.

— Нищий летит из Парижа отдохнуть в Рио-де-Жанейро?

— В Рио по расписанию между самолетами перерыв, и я, слава Богу, как транзитный пассажир целые сутки проведу на земле.

— Почему только сутки?

— Я не могу голодать.

Старик был бестолков, или ему нравилось загадывать загадки.

— Голодать? Но вольно вам тратиться на полеты.

— Полеты меня кормят.

Наконец все прояснилось: многие годы он был камердинером электрического короля Голландии, который не мог найти самого себя и носился из конца в конец по миру. Они налетали свыше миллиона километров, и генеральная дирекция «SAS» выдала им вечный бесплатный авиабилет на любой маршрут этой компании. Когда электрокороль умер, наследники рассчитали камердинера. Тут-то его и выручил вечный авиабилет: ведь в самолетах есть крыша над головой и бесплатно кормят. Он летает уже второй год и привык спать в откидном кресле.

— А в Стокгольм вы надолго?

— В Стокгольм я попаду нескоро...

Опять с этим Летучим Голландцем начинались загадки:
— Как это? Через два часа самолет приземлится в Стокгольме.

— Да нет же, я лечу через Бейрут и Дели в Токио. Там переседаю в самолет на Рио-де-Жанейро.

«Как в анекдоте: встречаются два пьяных в поезде: «Ты куда едешь?» — «Из Парижа в Берлин. А ты?» — «Из Берлина в Париж». — «Вот это техника!»

Курт машинально посмотрел в иллюминатор, будто так можно было определить, куда они летят. Но там была белая дымка и по стеклу бежали струйки дождя не сверху вниз, а справа налево.

Забеспокоившись, Курт пошел к стюардессе. Она посмотрела билеты и огорчилась. Летучий Голландец оказался прав: в спешке они с Викторией сели в самолет, летящий через Ближний Восток на Дальний. Курта охватило чувство вины: он вовлек девушку в бог знает какую авантюру и еще осложнил их положение ошибкой. Через несколько часов они окажутся на другом конце света. Он пошел поделиться этой заботой с Викторией, но она дремала, и будить ее для того, чтобы сообщить дурную весть, было жаль. Курт вернулся в свое кресло.

Воздушный Корабль Дураков с околосвуковой скоростью несся над планетой. И с высоты седьмого неба открывалась суть вещей и мир представлял в истинном свете.

И сказала Дама с камелией:

— Порядочные женщины стали конкурентками молодым специалисткам древнейшей профессии. Придется перейти на работу в прессу.

И сказали разные люди:

— Боже мой, боже: поедим, поспим да опять за то же.

— Войну хорошо слышать, да тяжело видеть.

— Вверх не плюют.

— Ученый — всюду ученый, а король — только в своем королевстве король...

— Одно нынче лучше двух завтра...

— Велик свет, а тесен: деться некуда...

— Травинки, сплетенные в канат, могут слона связать.

А между тем, по стеклам иллюминаторов капли дождя текли не вниз, а справа налево, и Курту казалось, это пространство и время текут не туда. «Что скажет Виктория, узнав, что мы в Бейруте?»

За далью даль.

Жизнь в смещенном времени

Эйнштейн выявил парадоксальную связь пространства, времени и скорости. Люди, улетевшие на околосветовых скоростях к звездам, могут, оставаясь еще молодыми, вернуться на землю в другую эпоху, к уже состарившимся своим правнукам. Быть может, Курт и Виктория уже в другой эпохе? Время сместилось. Быть может, сегодня Толстой начал бы свой роман: «Все сместилось в доме Облонских». В самолете сон перемежается с реальностью. Человек дремлет и слышит гул моторов, ощущает колышущуюся под ногами бездну, улавливает передвижение бодрствующих пассажиров. И легко в лайнере, летящем над миром, мыслью переноситься с континента на континент...

«И чего мне не сиделось в Америке? Так нет же, полетела в Москву, а теперь несет меня нелегкая вслед за полузнакомым симпатичным врачом в Стокгольм. Может, вернуться в Штаты и успокоиться?» Из Швеции она даст телеграмму отцу, что проездом остановилась здесь. Конечно, у нее странные отношения с отцом. Проблема поколений? Несовместимость ее художнической натуры с педантичностью профессионального чиновника? Противоречие мирозерцаний? «Когда я согласилась лететь с Куртом, я решила свою жизнь, совершенно не принимая во внимание отца». Отец давал достаток, а заодно и чувство одиночества. Нет, она не пошла в хиппи, как некоторые ее подруги по колледжу, но хорошо ощущала то неблагополучие, которое гнало из официального общества даже детей обеспеченных семей.

«Отец умеет доказать свою любовь только деньгами: к окончанию колледжа он подарил машину. И я совершила прекрасное путешествие... Детройт. Улочка — пристанище хиппи. Бар. Длинные волосы, экстравагантные лохмотья, шейк. Как охотно эта вольница приняла бы меня — стоило только растрепать волосы и, главное, переспать с одним из добровольных изгнанников цивилизации. За полночь эта феерия кончилась — оборванцы получили мзду от хозяина, переоделись в нормальное платье и отправились по домам.

Блудные дети общества оказались частью индустрии развлечения и служили приманкой для посетителей... Но были и идейные. Их учение негативно: не работать, не служить, не сотрудничать. Бойкот обществу. У этой анархии была своя организация и даже своя газета. Там она прочла о сути этого движения: «Раньше было так. Отец ведет машину. Рядом с ним мать. На заднем сиденье дети. Но вот они подрастали и начинали вмешиваться: мы медленно едем, здесь налево. Отец делал по-своему, но шли годы, и, состарившись, он переходил на заднее сиденье, а за руль садился сын и вел машину так, как угодно новому поколению. Подрастали дети детей, и все начиналось сначала. Сейчас нам осточертела сама машина и сама дорога: на ней много крови и грязи. Мы бросили автомобиль посреди шоссе и босиком ушли в сторону». «Сердитые молодые» жили, как парижский клюкле: абсурд общества они меняли на бессмыслицу нигилизма. Программа «против» не дополнялась программой «за». Отец посмеивался и предсказывал: они перебесятся, переженятся, нарожают детей и станут нормальными приобретателями общества массового потребления.

«Что будет в Стокгольме? Как сложатся отношения с Куртом?» — Она доверила решение этих вопросов жизни.

Виктория вдруг осознала сбивчивость своих мыслей: она начала думать о Курте, об отце и стала оправдывать сама перед собой свой отъезд из Америки и («Теперь уже трудно восстановить цепь опосредствований») неизвестно как перешла на воспоминания о хиппи. «Впрочем, Курт, отец, Америка, хиппи, Стокгольм, музыка, Москва, консерватория — все это сопряжено друг с другом и со мной невидимыми, но существенными связями...»

Зеленого цвета доска и парты казались частью леса, шумевшего за окном приватного колледжа. В последний год учебы Виктория однажды попала в дом Кляйна, преподававшего в ее выпускном классе.

Кляйн не был философом. Философ — человек, имеющий свою философию. Он был преподавателем философии. Он знал философские системы, но относился к ним, как естествоиспытатель к бабочкам: ловил, нанизывал на булавки, засушивал и классифицировал.

Кляйн пригласил Викторию на встречу с московским социологом, потому что она знала русский язык. Русскому Ва-

шингтон показался официально-холодным, Филадельфия же порадовала интеллигентностью. («Вот бы и жить мне в этом городе и стараться дорасти до филладельфийского оркестра!») У этого занятого русского, помнится, было много интересных суждений:

«Мир населен множеством трудолюбивых и добрых людей, включенных в механизмы, вынуждающие делать зло».

«В Детройте у входа на конвейер Форда мемориальная доска: «8 королей, 17 президентов, 56 премьер-министров удивлялись тому, что они здесь увидели, так же, как сейчас будете удивляться вы». Телетайп отстукивает заказы. И поразительно! На потоке не серии, а разные машины в соответствии с запросами покупателей. И рядом с этим техническим артистизмом — в массе примитивность духовных запросов. Конечно, нам бы дорасти до ваших трудностей! Но и Америку не стоит идеализировать. Она нравственно не подготовлена к тому богатству, которое к ней пришло, и не дает альтернативы приобретательству. Вы нередко прививаете фиктивные запросы, внушая амбиции престижа. Нередко человек превращается в раба потребления, а труд из творчества — в средство присвоения вещей, обретающих власть над людьми. Культ насилия — производная культа вещей. Формирование личности с богатыми и всесторонними потребностями — истинно человеческий способ производства богатства. Высшая человеческая потребность: развитие духа. Здесь альтернатива обществу массового потребления».

«Главное достижение капитализма: он удовлетворил первые запросы человека и с помощью гибких демократических средств установил историческую стабильность».

«Огорчает неравенство перед культурой и разные возможности ее адаптации».

Потом Кляйн стал читать стихи американских поэтов, и, как пошутил русский, началась «художественная самодеятельность после торжественного собрания». Он прочел свои стихи о Нью-Йорке:

Видений этих не забыть —
Они как глыбы,
И небоскребы, как гробы,
Что встали дыбом.
Мосты летят через Гудзон —
В них труд и гений.
Они как звон, они как сон,

Как тень видений.
В бетонный лес вселился бес.
Бетон бунтует.
Бетон пронзает синь небес
И торжествует.

...Да, «окно в мир можно завесить газетами», но когда стюардесса провезла их на тележке, Виктория взяла «Ньюсуик», где наткнулась на статью «Крах иллюзий среднего американца», созвучную ее размышлениям:

«В последние десятилетия Америка была поглощена делами своих отчужденных меньшинств — бунтующих негров, лиц, живущих на пособие, хиппи. Однако сейчас произошли глубокие изменения в национальном самосознании. В центре внимания неожиданно оказалось большинство, средние американцы, обеспокоенные будущим страны. Причины — на поверхности: болезненная расовая атмосфера, наркотики и самоубийственные масштабы преступности. Однако недуг еще глубже — он касается фундаментальных вопросов: стабильности и возможности существования человека среднего класса».

Русские сказали бы: «Нам бы ваши заботы». Ведь в России на смену тоталитаризму пришло нестабильное общество, отягощенное хозяйственной разрухой, преступностью, наркоманией. Парад коррумпированных дилетантов в политике. Шакальский инстинкт прихватизации собственности и власти. Национализм стал высшей и последней стадией коммунизма. Идеальная социальная модель не получается нигде. Ни в Москве, ни в Нью-Йорке. А Пекин и расстрел студентов на площади Тяньаньмынь! А Берлин и заживо сожженные гастарбайтеры!

Куда пойти человеку? Куда улететь? Кому живется весело, вольготно на Земле? Где лучше? Ужели только где нас нет? Может быть, прав еврей, сказавший: «В России плохо, в Израиле плохо. Дайте мне другой глобус!»

И вот летит она с Куртом — этим полужнакомым и неожиданно дорогим ей человеком в чужой для них обоих Стокгольм. Будто можно улететь от самих себя и от мира! Будто не все равно, куда лететь, когда у их одиссеи нет Итаки...

Летучий Голландец любезно согласился обменяться с Викторией местами. Она пересела. Курт взял ее за руку. Она думала о чем-то своем. Так, задумчивой и улыбочивой,

он и сообщил ей, что они не в Стокгольм прилетят, а в Бейрут. Она восприняла это сообщение спокойно и сказала:

— Ну и напутали мы! Что же теперь будет?

— Из Бейрута нас отправят по месту назначения.

— Надо было нам ехать каждому в свою сторону и переписываться.

Он чувствовал: это не упрек, а ворчливое кокетство и ласковое ругательство, через которое женщины нередко передают свое расположение и даже любовь. И он ответил ей признанием на признание:

— Если бы мы стали переписываться, я бы побил рекорд, который вот уже сто лет остается за французским художником де Леклюром. Он послал возлюбленной самое длинное в истории человечества письмо, в котором два миллиона раз повторил «люблю тебя».

Виктория благодарно улыбнулась:

— Болтушка.

В ее интонациях не было ни тени упрека. Это восхищало его и усугубляло ощущение вины. А она безмятежно положила голову на его плечо.

«Спит? Это счастье — лететь с ней рядом, пусть в неизвестность, пусть даже в никуда!»

Посадка в одном из никуда

Самолет уже коснулся земли. Оказалось, что в Бейрут они не попали. Их посадили на небольшом аэродроме в Кувейте. Супруги на основании достовернейших неофициальных источников сообщили, что Бейрутский аэропорт закрыт в связи со столкновениями в городе между ливанцами и палестинцами или между христианами и мусульманами, а может быть, между арабами и израильтянами.

«На этой планете не соскучишься! Политика становится судьбой человека и заменяет капризный древнегреческий рок. О Господи! Сколько Монтеки и Капулетти в этом мире!»

Как выяснилось, им не следовало оставаться на этом

аэродроме. Отсюда нет прямого рейса на Стокгольм. Парадоксально: даже с Дальнего Востока они могли попасть в Швецию раньше, чем с Ближнего. У авиации своя география, по которой Индия ближе к Стокгольму, чем Кувейт. И не стоило расставаться с экипажем, виноватым в том, что два пассажира полетели не в ту сторону.

Плыл вечерний зной. Библейские пальмы махали крыльями. Рядом спящая пустыня пудрила все окружающее пудрой «рашель». Из транзистора медленно текла тягучая восточная музыка. Маленький и неуклюжий автотягач тащил за собой огромный лайнер. В этом было что-то комичное. У воздушного гиганта были стремительные небесные формы, и они не сочетались с тупорылой земной машиной.

Похожий на восточного мудреца старик в чалме, покачиваясь в такт словам, рассказывал сказку по-европейски одетому мальчику. Речь шла о сарбане — поводеyre караванов. Он ехал впереди на осле, держа за узду первого верблюда, за которым покорно следовал караван. Задремав, сарбан выпустил из рук вожжи. Первый верблюд остановился. Остановился и караван. Осел, почувствовав неладное, оглянулся и тоже замер. Сарбан проснулся и, чтобы дальше спать спокойно, привязал к хвосту осла конец повода, протянутый через кольцо в ноздре верблюда. Теперь сарбан мог спокойно спать, сидя на осле. И приснился сарбану сон, что первый верблюд стал падишахом, а сарбан — его слугой. И вот видит слуга, что его повелитель сердится на него, пал он ниц и спросил, чем он провинился и как загладить вину. И ответил падишах: «Я тебе в жизни не прощу: когда я был верблюдом, а ты сарбаном, ты привязал мою узду к хвосту осла». В страхе проснулся сарбан и отвязал верблюда от осла.

На аэрополе от тягача отцепляли серебряный стрелоподобный лайнер. «Сарбанам редко снятся сны, что их верблюд стал падишахом».

— Это сказка про самолет и тягач, — сказала Виктория.

— Нет, лайнер в конце концов летит сам. А караваны вечно идут за ослами... Сарбаны и вожжи бывают только у ослов, верблюдов и дикарей.

Мальчик засыпал песком муравьев, но они тут же выкарабкивались наружу и устремлялись в одном и том же направлении. И мальчик спросил своего наставника:

— Откуда муравьи знают, в какую сторону бежать? У них тоже есть свои ослы и свои сарбаны?

Старик промолчал: возраст не позволял ему признаваться в незнании чего-нибудь.

Недоразумение с их маршрутом усугубилось необходимостью лететь в Индию. «Впрочем, что такое для нас Стокгольм? Временная передышка. А куда из Стокгольма?» Курт включил транзистор. Русская станция передавала последние известия: «Приватизация... кому собственность, кому акция. Процесс пошел... далеко не ушел. Потребительская корзина... стоимость бензина. Патриот-антисемит... страшнее чем СПИД. Национальные интересы... социальные стрессы...» Курт сменил диапазон волн, послышалась инфантильно пискливая, гримасничающая музыка... Курт снова повернул ручку настройки. «Си-Эн-Эн» передавала новости: «Во имя прав человека... запретили въезд эмигрантов... до конца нашего века... утечка мозгов и талантов... мирных планов... для эскалации конфликта... сицилийских кланов... фундаменталистов Египта... на основе Женевского соглашения... СПИД через половые сношения... диаспора... олия... обстреляли ракетами «Воздух—Земля».

«Безумный, безумный, безумный, безумный мир. Впрочем, его помешательство на сей раз было, слава богу, сравнительно тихим. Кант сегодня написал бы не «Критику чистого разума», а «Критику чистого безумия». Войны — попытка спасения мира ценой его смерти. Если люди не научатся терпимости, они уничтожат друг друга. Моральность человечества стала условием его существования. Однако жадность к благам и наслаждениям превращает совесть в непопозволительную роскошь для личности. Все люди живут для себя, но хорошие живут для себя через хорошее отношение к другим. Покончить с эгоизмом не удается. Попытаться дать ему выход в добро? Разумный эгоизм плюс самосовершенствование? Христианские заповеди?»

Объявили посадку, пассажиры зашпешили к лайнеру. Тьма нахлынула по-южному неожиданно, и самолет погрузился в сон. За ночью, что за годом. За годом, что за веком. Среди ночи они подлетели к Индии. Машина покачивалась. «Из-за очередного променада великанов?» Нет, просто самолет начал снижаться.

В Дели стюардесса предложила Курту и Виктории пройти в аэровокзал и уладить дело с их маршрутом.

У входа на каменном полу сидел иссушенный недоеданием и солнцем нищий. Казалось, он полномочно представлял несчастную четверть человечества, умирающую сегодня от голода. Это был человек, тоже выпавший из времени или даже безжалостно выкинутый из истории. Он находился вне мира и уже принадлежал небытию. Который век на виду у человечества умирал этот обездоленный? Он уже ни на что не надеялся и ничего не просил. В глазах его не было ни боли, ни ужаса. Он был настолько отрешен от земного, что люди проходили мимо, не включаясь в его судьбу и даже не принимая его за живое существо. Ему не давали милостыни еще и потому, что опасались: отчаявшиеся обретут надежду и накинутся на спасителя, чтобы тот спас именно их, а не других умирающих. Вернуть к жизни таких людей должна была не милостыня, а нечто более существенное, но Курт все-таки бросил обреченному монету и, не оглядываясь, поспешил дальше.

В зале ожидания, несмотря на ночное время, оказалось много народу. Насекомые кипели вокруг источников света. Стюардесса попросила Курта и Викторию подождать, а сама прошла к дежурному аэропорта.

Двое смуглых мальчиков, игравших в войну, каким-то чутьем улавливая ритм ночного аэровокзала, бесились без обычного в таких случаях неистовства. «Где-то здесь, в Индии, на скале высечена знаменитая покаянная надпись Ашока, содрогнувшегося от злодеяний, которые ему пришлось совершить, чтобы завоевать соседнее царство». Встав на колени, ребята из-за кресел без особого удовольствия стреляли один в другого из больших игрушечных пистолетов. «А зачем людям соседнее царство?..»

— Я тебя убил! — воскликнул мальчик.

— И я тебя тоже! — ответил другой.

В мире на разных языках и в разных декорациях шла одна и та же драма.

Приглушенный полночью шум клубился в залах. Курт и Виктория вышли наружу. В отгороженном от летного поля пространстве было спокойно, почти безлюдно и полутемно. Свежий запах зелени смешивался с дурманом бензина, исходившим от лайнеров, стоявших на привокзальном бетоне.

Даже воздух, которым дышали люди, был уже продуктом не только природы, но цивилизации.

Вдалеке стрекотали цикады. Курт и Виктория оказались под сенью цветущего персикового дерева. Он обнял ее, и они замерли, прижавшись друг к другу, и, как после долгой разлуки, гляделись глаза в глаза, а на их лица падали отблески звезд и отдаленный свет сигнальных огней посадочной полосы. Долго они так стояли, не произнося ни слова, и с ветки цветущего персика дуновения ветра срывали нежные розовые лепестки и осыпали ими влюбленных.

Две вселенные — его лицо и окружающий мир — отражались в ее глазах. И вот обе эти вселенные поплыли на нее, и она всем телом еще сильнее прильнула к Курту, и его губы прикоснулись к ее губам. И тут же обоих качнуло, и им почудилось, что они в салоне самолета на шатком полу, под которым колышется бездна, сотрясаемая грохотом реактивных моторов.

— Здравствуй! — сказал он ей.

— Здравствуй! — ответила она.

Сейчас под ними был не вибрирующий пол салона, а колебимая твердь, но, когда они вновь поцеловались, их опять качнуло. Они не поняли вначале, в чем дело, но земля вдруг вновь содрогнулась и поплыла под их ногами от далекого мощного взрыва. В окнах аэровокзала вспыхнул ответ пламени. На посадочной полосе горел самолет.

Курт пробрался через быстро растущую толпу. Служащие и полицейские у выхода не разрешали ему пройти на поле, но подоспевшая Виктория помогла объяснить, что он врач. Они побежали во тьму, озаряемую полыхающим бензином. Сзади них ударил луч прожектора, и в направлении, указанном им, с воем понеслись санитарные и пожарные машины. Наконец Виктория и Курт были у места катастрофы. Обшивка самолета была раскалена докрасна. Врачи беспомощно ходили вокруг лайнера, который стал и катафалком, и крематорием для своих пассажиров. Случившееся было настолько ужасно, что никто не смел выражать своих чувств. Пожарные деловито и безуспешно поливали гнущую машину пеной из огнетушителей и водой.

Курт понял, что он здесь не нужен, и они с Викторией пошли к аэровокзалу.

Их отлет задерживался. Всегда информированные супруги объяснили происшествие. Один бедняк застраховал свою

жизнь на крупную сумму. Предполагают хорошо рассчитанное самоубийство в пользу семьи. В лайнере летел американский миллионер, и есть опасение, что авария подстроена его наследниками. Возможно, и политическое убийство: там находился принц, мешавший другому принцу иной ориентации прийти к власти. В этом случае замешаны даже интересы крупных держав. Изучается вариант предумышленного взрыва самолета террористами. Аэрокомпания абсолютно отрицает версию технических неполадок и исключает ошибку летчика. К тому же в багажном отделении самолета перевозили цинковые гробы. Властелин одной африканской державы ездил с официальным визитом, и его сопровождала часть гарема. Во время перелета погиб самолет высочайшего эскорта, и бедный благодетель своего народа овдовел сразу на тринадцать королев. Визит был прерван. Монарх в трауре вернулся на родину, гробы же с телами жен печально следовали к месту почетного захоронения. И вот самолет-катафалк сгорел. Какое-то проклятие висело над дважды погибшими женами. Уж не помышляли ли они об измене венценосному повелителю? Король сказочно богат, и в его гареме пятьсот жен, теперь осталось четыреста восемьдесят семь.

«Эти объяснения ничего не объясняют. Но как много причин, по которым сегодня может погибнуть человек, самолет, мир!»

Духоту ночи почти не колебали огромные пропеллеры-вентиляторы, вращающиеся под потолком зала. Курт и Виктория, притихшие и утомленные, расположились на длинной скамье. Виктория устало держала голову на плече Курта, и ее мягкие волосы нежно щекотали его щеку и ухо. Он взял ее руку, подержал в своей и, ощутив легкое рукопожатие, поднес ее ладонку к своим губам и поцеловал. Виктория сама задержала ладонку у его губ, и он поцеловал снова и улыбнулся. И она улыбнулась.

Курт включил транзистор, сладкая и густая, как сироп, тягуче и медленно потекла восточная мелодия. Чуть левее на шкале оказалась русская станция:

...С любимыми не расставайтесь,
С любимыми не расставайтесь,
С любимыми не расставайтесь,
Всей кровью прорастайте в них.
И каждый раз навек прощайтесь,

И каждый раз навек прощайтесь,
И каждый раз навек прощайтесь,
Когда уходите на миг...

На голос русской станции стал накатываться звук скрипки, кто-то играл цыганские напевы Сарасате...

«...С любимыми не расставайтесь!»

Вечные спутники

Наконец появилась их бортпроводница. Но она, не дойдя до Курта и Виктории и не сообщив, удалось ли уладить дела с их маршрутом, остановилась и расцеловалась со стюардессой с другого лайнера. Подруги стали делиться важными новостями. В острые моменты беседы девушки одинаково резкими движениями одергивали форменные юбки.

— Какая была жизнь! Француз в Париже, мулат в Сантьяго, рейсы раз в неделю! Перевели на новую линию! Представляешь? Летаю в Австралию. А там, кроме кенгуру, никакой культуры! Что они дали миру?! Целый материк — и ни одной знаменитости! Рейсы Канберра — Пекин! Представляешь? Порядочной женщине даже спать не с кем!..

Окончив беседу с подругой, их бортпроводница не сообщила ничего утешительного. В аэропорту не оказалось на месте нужного чиновника. Правда, ввиду происшествия ожидалось его прибытие. Но началству будет не до накладки с маршрутом двух пассажиров. Перед лицом непоправимого несчастья было неловко настаивать, чтобы кто-то разбирался в их деле. Остаться в Индии при столь запутанной ситуации, без денег и с билетами Париж — Стокгольм было рискованно. Да и разница с Токио — всего в каких-нибудь шесть часов.

Объявили посадку на лайнер, уходящий в Токио. Стюардесса позвала Викторию и Курта с собой.

Вскоре они снова летели навстречу солнцу, как бы убыстряя течение времени. В Европе еще шли сутки, в которые они познакомились, здесь — в Азии — их знакомству уже шел второй день. Смещения во времени и пространстве по-

ражали воображение. «Может быть, проявляется эйнштейновский парадокс времени и мы летим уже в другой эпохе? Буало требовал, чтобы действие происходило в одни сутки. «Как бы он обошелся с сюжетом нашего века? Ведь сутки удлинятся, если летишь с востока на запад, а если лететь, как мы с Викторией, навстречу солнцу, то смена дня и ночи убыстрится. Современное триединство: общемировое всеохватывающее действие эпохи».

Курт взял Викторию за руку, и она теплой и нежной щекой прижалась к его щеке:

— Здравствуй.

— Здравствуй.

За иллюминатором простиралась темная бездна, залитая космическим сиянием полной луны с маленькой щербинкой. Ночное светило было так же прекрасно и вдохновенно, как лицо мужчины и лик женщины, у которых был сейчас свой праздник любования луной, друг другом и всей подлунной. Вечная спутница земли и любви волшебным, колдовским светом озаряла наших героев, посвящая их в иерархически высший ранг человечества — в царственный ранг влюбленных. Они были сейчас воистину на седьмом небе, и лайнер с околосвуковой скоростью нес их сквозь фиолетовую стратосферу. Божественное чувство, из эпохи в эпоху спасающее человечество от озверения и вымирания, несмотря на стихийные бедствия, голод, безумие войн, потрясло Курта и Викторию. Любовь захватила их и превратила в вечных спутников друг друга, вечных, независимо от того, сколько часов, лет или столетий продлится мгновение их встречи. «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» Какое там остановись! С околосвуковой скоростью их несло дальше, навстречу неизвестности и грядущему.

Виктория, не отрывая своей щеки от его, спросила:

— У тебя так уже было?

— Нет. А у тебя?

— Тоже нет. Но это не доказательство.

— Это вообще недоказуемо. Но у нас похоже.

— Даже если так, то все равно у нашей любви нет будущего.

— У любви всегда есть только настоящее.

И они опять надолго замолчали.

Неожиданно в самолете началось ликующее смятение. Курт внутренне похолодел, а Виктория крепко стиснула его

руку и резко обернулась на шум. Обеспокоенно начали обращаться и другие пассажиры. Люди бросались к иллюминаторам, и, независимо от того, удалось или не удалось им увидеть то, что они искали, они, как по волшебству, выкрикивали:

— Шпутники? Спью-тники! Спуйтники! Щпутники!

Действительно, две крупные золотые капли в парном полете быстро и бесшумно неслись по темно-фиолетовому небу. И, не скрывая восторга, Курт и Виктория громко и радостно произнесли:

— Спутники!

Быть может, это даже и не русские искусственные звезды, однако на всех языках их предпочитали называть не сателлитами, не трабантами, а спутниками. И долго еще пассажиры не могли успокоиться и не гасло радостное возбуждение. Потом один за другим они стали поудобнее устраиваться на своих местах, надевая маски-очки, защищающие глаза от верхнего света, укрывая ноги шотландскими пледами и откидывая под нужным углом спинки кресел.

«Если три часа вместе — это «целая вечность», то как бесконечно долго мы летим над миром. Мы уже вечные спутники нашей планеты. Виктория — мой вечный спутник. Обитаема ныне не только Земля. Образовалась система «Земля — Воздух», в которой живет Летучий Голландец, и я, и Виктория, и сын камикадзе. Это какой-то симбиоз Земли, Воздуха и Человечества. И блага, и бедствия людей вырастают не только из земли, но и нисходят или обрушиваются на них с неба. И все, что происходит над землей, есть отражение земных страстей и дел».

Светало. Внизу плыли облака, в их прорывах зияла густая темная синь океана. Солнце еще не встало и снизу, из-за горизонта, било в облака, окрашивая их то в розовый, то в желтоватый, то в нежно-красный цвет.

В иллюминатор было видно, что далеко над ними, на какой-то совсем немыслимой высоте идут бомбардировщики, отбрасывая ослепительные солнечные брызги от своих рыбьих тел. Целая эскадрилья прошла наперерез их курсу. Куда? Зачем? Через минуту уже казалось, что это вытянувшиеся от движения капли ртути летят по небу. Самолеты давно скрылись из виду, когда в окне мелькнул какой-то белый комок, стремительно наискосок летящий вниз. Он начал удлиняться, растягиваться, и скоро пассажиры лайнера,

прильнув к окнам, увидели странную и, быть может, трагическую картину: мирно и спокойно покачиваясь в безветренном утреннем небе, человек спускался на белом парашюте в открытый океан, берега которого не было видно даже с самолета.

Откуда, зачем, при каких обстоятельствах выпрыгнул этот, вероятно обреченный, человек? Всезнающие супруги объясняли: американский летчик катапультировался с упавшего в океан самолета. Все получилось логично, но падающего самолета никто не видел. В иллюминаторах долго еще светилась одинокая, казалось, неподвижно висящая над океаном белая точка, неумолимо приближавшаяся к его поверхности.

«Любовь и смерть — тоже вечные спутники? Возможно, они равно естественны и необходимы жизни, но не насильственная смерть-убийство,— таящаяся во всех порах современной цивилизации?»

В «Божественной комедии» Паоло и Франческу адский вихрь нес над безднами Люциферова царства. В божественной трагедии Курта и Викторию ветры бурной эпохи несли над несовершенным земным миром.

Серебряный колокольчик и атомная бомба

Большого счастья и большей беды не могло случиться: он полюбил. «Гамлет отрекся от любви и наказал Офелии уйти в монастырь. Не бежать же и мне от любви? А ведь я не зря избегал этого чувства. Но даже если им суждено расстаться, эта женщина на всю жизнь. Надо все продумать. Они летят над планетой. «Кубатура шара» как на ладони. Только в небе рождается подлинная связь с землей, истинный взгляд на нее. Летящий мыслит масштабами континентов и созвездий и может судить с позиции Бога.

«Не хватает благ цивилизации, чтобы ликвидировать ее беды. В Евангелии говорится: Авраам родил Исаака, Исаак

родил Иакова, Иаков родил Иуду. А история внесла поправки: Иуда убил Исаака, Иаков убил Каина, Каин убил Авеля. Цепь бандитизма. Современное человечество — пять миллиардов. Но в их генах и сознании живут все семьдесят семь миллиардов, составляющих большое человечество, населявшее Землю. В истории ничто не проходит бесследно.

Сквозь сознание Курта, как Рейн в половодье, несущий и льдины, и мусор, стремительно текло прошлое. Реки памяти всегда впадают в океан современности.

В конце войны Хайнц резко поспорил с отцом. Курт подумал: «Подобный разговор людей двух поколений мог произойти и в России»:

«Вы забетонировали наши мозги. Вы создали железобетонную систему, которая прочна, но непроницаема для мысли и доброго дела. Нацию тошнит от крови, мы задыхаемся от страха и отчаяния. Я ненавижу этих бандитов у власти. Они исковеркали мою жизнь, вогнав в меня тупость».

«Но ты сам с кафедры проповедуешь эту тупость».

«Проповедую, но не исповедую. И эта вынужденная ложь меня тоже разрушает».

«Но ты живешь благополучно».

«Меня обокрали еще до моего рождения, когда складывалась эта проклятая эпоха».

«Я бы сам украл у тебя университетскую кафедру и профессорское жалованье».

«У меня украли гораздо больше: душу, бессмертие, надежду на счастье».

«Гамлетизм интеллигента! Мировые проблемы! Думай о современности!»

«Из современности выкачали вечное, и она стала пошлой».

«Ты зря взваливаешь вину за все несчастья на отцов».

«Какие вы мне отцы? Вы мне даже не двоюродные дяди».

«Хорош наследник великой нации».

«Наследовать можно разное. От Диогена остались мысли и бочка. Мне предлагают вонючую бочку aus dem Hering»¹.

С отцом у Хайнца была любовь-ненависть, дружба-вражда. «Хайнц прав. Люди обокрадены историей: у одних украдены доходы, у других надежды. И люди торопятся отнимать друг у друга все, что в их силах. До чего же мы искалечены! Мы не знаем облика счастья. Мы — слепорожден-

¹ Игра слов: «из-под Геринга». Второй смысл: «из-под селедки» (нем.).

ные и только догадываемся, что свет и цвет существуют. Они были убиты в нас при духовном рождении».

Боевые самолеты и парашютист, повисший между небом и океаном, не давали покоя. И сосед-японец заговорил:

— На заре раздалась тревога, а в восемь пятнадцать с северо-востока бесшумно, с выключенными моторами прилетел самолет. В то утро я с братом играл в колокольчик. Мы бросали колокольчик в море и ныряли за ним. Была моя очередь. Когда я, зажав добычу в кулаке, вынырнул, брат лежал на берегу без движения, а город дымился в развалинах. В ужасе я кинулся прочь и бежал, не оглядываясь, пока не свалился. Я не нашел даже останков родителей и вдруг много лет спустя увидел медальон брата в музее Хиросимы.

В этой кунсткамере безумия ему дали памятную книгу и предложили в разграфленной тетради записать фамилию, возраст, профессию, национальность и в последней клеточке — впечатления. Он написал: «Впечатления? В этой клеточке не уместятся. Их трудно уместить даже в грудной клетке. Они разрывают сердце».

Мысль Курта двигалась параллельно рассказу.

«О благодущный Гамлет! Для тебя весь мир — всего лишь тюрьма! Ты не знал, что мир может оказаться крематорием человечества. Отец в последние годы сдал. Старость подкрадывалась к нему тигриной походкой, вобрав когти в мягкие подушечки сильных и хищных лап. Перед отъездом Курта отец сказал: «У меня ощущение, что я песочные часы и сквозь меня беззвучно и безвозвратно сыплется время. Пора подводить предварительные итоги. Надменная самонадеянность считать, что наша эпоха особенная и принесет всеобщее счастье. Добро никогда не победит, но его борьба вынуждает зло держаться в определенных границах. Героизм спасает человечество от всемирного потопа зла, как дамбы спасают Голландию от нашествия океана. Но сам океан остается, и его не исчерпаешь...»

«Да, мрачная картина мира получалась у отца. Но что может сказать старик, жизнь которого переехал чугунный каток фашизма. Гамлет отчаивался: «Мир вывихнулся из суставов». Разве это болезнь! Фашизм — раковая опухоль человечества. Хирургия была единственным средством. Однако рак способен давать метастазы. Где они прорастут: в России? В Югославии? В фанатизме фундаменталистов?»

В играх французских лепеновцов или немецких борцов с гастарбайтерами? Быть может, мир смертельно болен?»

Внизу показался авианосец, и пассажиры с интересом разглядывали его через иллюминаторы. Вдруг самолет накренился, потом стал круто набирать высоту. Виктория сжала руку Курта. Держась за спинки кресел, вышла бледная стюардесса и попросила сохранять спокойствие, уверив, что самолет в исправности. Но лайнер накренился в другую сторону, и она не устояла на ногах. Послышались возгласы ужаса. Курт обнял Викторину. «Так и умрем вместе! Невесомость. Счастлив, кто падает вниз головой,— мир для него хоть на миг да иной».

«Отец не поймет, как я оказалась в этом самолете. Нет, он просто никогда не узнает, куда я пропала».

Пассажирский лайнер делал почти боевые развороты, пытаясь уклониться от взбесившейся ракеты «Земля— Воздух». Стартовавшая с военного корабля и вышедшая из повиновения зенитная ракета, как акула с купающимся ребенком, играла в какую-то смертельную игру с лайнером. Она стремительно неслась на машину, но механизмы не только старта, но и самонаведения оказались неисправными: приблизившись к цели, ракета вдруг отклонялась, разворачивалась и снова атаковала. Наконец она, как хищная рыба, учуявшая более желанную добычу, бросилась в противоположный край неба, где на горизонте встречным курсом шла какая-то эскадрилья.

И в этом безумном мире он, Курт, совершил безрассудный и мудрый поступок — полюбил!

Конец света? Романа?

А может быть, с этого

все только и начинается?

В иллюминаторе — синее небо, яркое солнце, а внизу — будто Ледовитый океан, и трудно поверить, что это не арктические поля, не айсберги, а облака.

Наверное, в салоне кто-нибудь упомянул этот город. Ах да, японец что-то рассказывал о Хиросиме. Усталость пьянила Курта. Рядом в кресле сидела Виктория. «Хиросима — любовь моя». При чем тут Хиросима? В районе Токио тайфун, и все как во сне, а во сне своя логика, своя фантастика и своя правда.

Но вот уже он с Викторией сходит с самолета. Нужна была целая цепь случайностей, чтобы их прибоем Вселенского океана выбросило к этому трагически знаменитому городу.

Пейзаж как на японской акварели. Пологие, невысокие горы окружают город, и он как бы покоится на дне огромной чаши. Еще с самолета Курт заметил: по дну чаши, словно трещина, змеится река. Хан-Хава — назвал ее сосед. Крыши домиков празднично ярких цветов: красные, оранжевые, изумрудные, голубые. Тепло. Легкую дымку изнутри наполняет розовым сиянием солнце, похожее на нежное лицо мусумэ¹. Смог из городских дымов, брызг и испарений океана пронизывает матовый свет, похожий на свет свечи, горящей в бумажном фонарике. Беспечное небо старается копировать излюбленный японскими художниками золотистый фон шелковых свитков.

Подробности пейзажа врезались в память настолько внятно, что Курт наконец поверил в реальность происходящего: об руку с Викторией они идут к серому трехэтажному аэровокзалу с трапециевидной наблюдательной вышкой, торчащей из обнесенной перилами плоской крыши, усыпанной толпой встречающих.

Миновав бетонные пиалы-клумбы, Курт и Виктория вышли на шоссе. К городу шагают высоковольтные опоры. Дорога потянулась вдоль теннисных кортов, которые окуривает густо дымящийся маленький заводик. Магистраль то и дело пересекают легкие навесные пешеходные мостики, по бокам покрытые яркосиним гофрированным пластиком. Виадук. Шоссе перешагнуло реку. Стало ощущаться приближение города. Дома еще невысокие, но уже лепятся теснее друг к другу, и на них чаще виднеются рекламные щиты и мачты частной радиосвязи фирм. На всех балконах висит много белья, будто в этой стране вещи стирают чаще, чем носят.

Вот уже город. Цветные воздушные шары держат рек-

¹ Мусумэ — девушка (яп.).

ламные свитки. Проспект Мира — английские надписи дублируют иероглифы. Мемориал: водный бассейн, в центре которого на возвышении — вечный огонь. Огромный параллелепипед на бетонных опорах: музей Хиросимы. Обугленные стены, проломанный череп купола здания, чудом не рухнувшего при атомной катастрофе. Многоэтажная пагода — памятник погибшим школьникам. Огромный город просыпается: открываются жалюзи, оживают магазины, ритм жизни нарастает. Мимо памятных мест беззаботно и привычно идут люди. Поток автомобилей увеличивается, вот он уже стремителен. Но малыш с ранцем за плечами вытащил из висящий на столбе корзины желтый флажок и подняв его над головой, уверенно и не глядя по сторонам пошел через дорогу. Автомобили остановились и не тронулись, пока ребенок не пересек улицу.

В суматохе повседневности никто не перечитывает давно известные и забытые, скорбные и поэтичные надписи, выбитые на памятниках: «Цветы, которые погибли от войны, расцвели вновь»; «Спите спокойно, я скорблю, что вы не вернетесь. Я счастлив, что это не повторится».

Не повторится? Как доверчива эта надежда! И как свойственно смертным не думать о смерти.

Вдруг на город надвинулось несчастье. Нет, это было не воспоминание о трагическом прошлом, а живая беда. Перечеркивая тень облака, со сверхзвуковой скоростью неслось распятие бомбардировщика.

Все с ужасом подняли взор к зениту, потому что именно из высшей точки неба, откуда звучит только голос папы на площади Святого Петра в Риме, какое-то недоброе существо жестко и категорично предупредило: «Luftangriff! Volle Deckung!» («Воздушное нападение! Полное укрытие!» — нем.). На улицах заматались люди, ветер пригнул к тротуарам низкие деревца, лопнули стекла витрин. Солнце затмилось.

— Хиросима... любовь моя... Прости меня, Вик, я увез тебя на край света. Здесь царит смерть.

— Жизнь — сказка, смерть — развязка. Я сама пошла за тобой.

И вдруг черный клубящийся смерч пыли и пепла взмыл над Вселенной, обретая вид перевернутой груши. Образовался разрыв в бытии, сквозь который можно было увидеть Бога, или дьявола, или истину, или самую суть смерти. Из

этой бездны полыхнул неземной, коричневый, а потом красно-голубой огонь. Тошнило саму землю, и ее недра выворачивало наружу. Все солнца с небесной тверди рухнули на земную. Бронзовые боги стали оплывать от звездного жара. Кирпич и черепица сплавлялись в бесформенную массу. Древних будд, дома, город пересоздал какой-то всеильный сюрреалист.

Господи, только в кошмарном сне мог появиться вновь этот ужас! Но ужас был реален. И миллионоустый вопль гибнущего города рванулся к зениту, подобно проклятию. А там на фоне туч, благословляя землю на смерть, неся черный крест бомбардировщика.

«Виктория, улетай из этого ада».

«Я с тобой на земную жизнь и смерть».

«Но на земле так много вражды, что нет места ни для нас, ни для нашей любви».

«И все-таки я люблю!»

Под их ногами на тротуаре вырисовывались тени испарившихся людей, отпечатавшиеся во время солнцеподобной вспышки на асфальте, как на фотобумаге. Курт и Виктория осторожно переступали через эти тени, как будто это были живые люди и их можно было потревожить.

Среди развалин торчали чудом уцелевшие куски стен. И над этим кладбищем, на конусе, похожем на верхушку авиабомбы, стояла бронзовая девочка, держащая над головой журавлика, и в мертвенной тишине сожженного города было слышно биение ее сердца. На той стороне улицы, а теперь вернее сказать, на том берегу огнедышащей реки прямо на асфальте лежал желтый человек, и из него текла такая же алая кровь, какая течет из черных и белых людей, и это было так же жутко здесь, в Азии, как в Европе, Америке или Африке. Уцелевшие в панике метались по берегу огненной реки.

Курт стал искать брод, чтобы переправиться на ту сторону к раненому. «Никто не знает, где он окажется необходим. Пусть же каждый даст Гиппократову клятву служить людям. Виктория! Ты не должна погибнуть! Возвращайся!»

«И я нужна этим людям...»

Она достала скрипку, а опустевший футляр бросила на дорогу, по которой плыл огонь. И футляр, как раскрытый в ожидании ноши гроб, медленно поплыл, удаляясь от них.

Виктория провела смычком по струнам, и над гибнущим городом торжественно и мощно зазвучал Моцарт.

И начала оседать кипящая радиактивная пыль, и потускнело и успокоилось смертоносное пламя. Волшебство музыки гасило неистовство.

Среди этого ада у чудом сохранившегося памятника погибшим врачам, напоминающего сплетенные в отчаянии пальцы, лежали люди. На их обожженной коже отпечатался рисунок истлевшей одежды...

Курт стал помогать пострадавшим.

Среди моря лжи люди все-таки видят честные сны...

Виктория с мягкой настойчивостью будила его:

— Токийский аэропорт закрыт, нас приняла Хиросима.

Когда они сошли на землю Хиросимы, дыхание еще далекого тайфуна ударило им в лицо. Издали зазвучало радио:

— Внимание! На аэродроме Хиросима... посадку самолет.

Голос диктора звучал тревожно:

— Внимание!.. Хиросима!.. «Внимание! Воздух!»

Мир был неблагоприятен. Трагедия человечества шла без антрактов. Большая война отступила. Но шли бесчисленные кровавые малые войны. Террористы вершили свое черное дело. Над головой человечества зияла озоновая дыра, а под ногами пузырились отравленные воды и земли. Бушевала всесветная цепная реакция зла. Но уже два человека в этой терпящей непрерывное бедствие системе «Земля — Воздух» вопреки всему были счастливы. Им удалось выиграть у самой истории то, что часто откладывается на будущее и безответственно передоверяется грядущим поколениям... Они были вместе. А быть может, с этого все и начинается — любовь, народ и мир...

Но их хрупкому счастью угрожали тысячи случайностей, и оно находилось во власти политики, экономики, разума и предрассудков народов, мудрости и своекорыстия государственных деятелей и тысячи других факторов, складывающихся в одну равнодействующую. ведущую мир в грядущее.

Грядущее

И сказал один читатель об этой истории:

— А ведь герои облетели только полмира!

И ответил автор:

— Не обязательно выпить все море, чтобы узнать, что вода в нем соленая.

И спросил критик:

— Что же извлечет читатель из этого романа?

И ответил автор:

— Из одного и того же цветка змея извлекает яд, пчела — мед.

И спросил дотошный человек:

— А почему герои не всегда говорят то, что думает автор?

И ответил автор:

— Всякая трава на своем корне растет.

И сказал человек:

— Мир полон противоречий. Станем посередине?

И ответил другой человек:

— Стоящий в двух лодках падает в воду.

...Итак, это заключительная, тринадцатая глава — о грядущем. Выпала чертова дюжина! Случайность! Только недостижимая «Божественная комедия» написана с учетом мистики чисел, что объясняется, очевидно, знаменитым высказыванием лектора-образованца: «Данте одной ногой стоял в средневековье, а другой приветствовал зарю нового времени». И, конечно, та левая нога, которой пишутся все великие произведения и которая в данном случае оставалась в средневековье, и была виновата в капитуляции поэта перед предрассудками, недостойными нашего просвещенного века. Но и сегодня некоторые полагают: число тринадцать приносит беду. Во многих самолетах нет места, а в отелях — комнаты с этим номером. Другие считают это число самым благодатным. Несет ли эта цифра счастье или несчастье? Этот вопрос, как и вопрос о будущем героев, остается открытым.

Курт и Виктория, распечатав фантик шарманщика, прочли предсказание: они расстанутся. Он улетит в Африку, а она в Москву учиться в консерватории. Но у нее родится

от Курта сын, который вырастет и станет знаменитым писателем. Однако можно ли верить пророчествам шарманщика?

Глава о будущем пишется самой жизнью: как эпос, ее творит человечество. И это столь основательный автор, что я, не зная развязки ни трагедий современности, ни моего романа, ни судьбы моих героев, абсолютно уверен в правоте моего старшего современника Брехта:

Плохой конец заранее отброшен.

Он должен, должен, должен быть хорошим.

МЫ ГОТОВЫ ПОМОЧЬ ВАМ

Реклама, помещенная в газете, живет один день и выбрасывается вместе с мусором.

Если вы разместите свою рекламу в нашем журнале, ей суждена долгая жизнь, ибо «Русское богатство» остается надолго.

Вашу рекламу прочтут многие люди, она сохранится во времени. Разумеется, такая реклама должна обладать всеми качествами долговечности.

Обращайтесь к нам.

Мы готовы помочь вам.

**РЕКЛАМА В «РУССКОМ БОГАТСТВЕ» —
И ВАШЕ БОГАТСТВО.**

ПОВЕСТЬ О ТРЕУГОЛЬНИКАХ

Увертюра катастрофы

Один физиолог оставался верен своей профессии до конца. Почувствовав приближение смерти, он позвал учеников и сказал: «Даю последний урок. Откройте тетради и пишите». Несколько часов подряд он делился самонаблюдениями над процессом умирания, рассказывая, какой орган отключился, какие следствия для организма из этого происходят и какие ощущения испытывает умирающий.

Лайнер потерял управление и с одиннадцати тысяч метров падал на землю. Это длилось двенадцать минут. В самолете одни молились, другие прощались с жизнью, влюбленные прощались друг с другом, кто-то бился в истерику, иные проклинали Бога, обреченного их на гибель. А кинореporter совершал подвиг: он до последней минуты снимал происходящее. После катастрофы киноаппарат нашли, пленку проявили, и человечество увидело, как люди расстаются с жизнью в гнущем самолете.

Погибая от любви, вернее от собственной глупости, я веду запись моего состояния. Это хроника гибели обреченного, облегчающая процесс умирания: у сознания появляется какая-то вне гибели лежащая цель, и стремление к ней смягчает абсурдность гибели. Из безысходности для тебя — нет выхода, но твои записи могут выйти за пределы безысходности, и это смягчает ужас ситуации.

Когда все это началось,
Мне ночью что-то не спалось.
Когда все это началось,
Седых прибавилось волос.
Я на доверье ныне скуп.
Мою любовь, мою тоску

Стихам доверить не могу я.
 Не верю в сладость поцелуя,
 Не верю и в сиянье глаз,
 А верю только в силу зла.
 Я так любил и так я верил,
 Что у измены нету меры.

Ясперс говорил, что человек полно раскрывается в пограничной ситуации: на границе жизни и смерти человек равен себе, случайное уходит, и проступает суть личности. В пограничной ситуации оказались Я и ОНА. Впрочем, все описываемое происходило, наверное, не со мною, а с моими героями, и я слишком близко к сердцу принял их переживания и перенес на себя.

* * *

Может быть, лучше написать повесть, чем завоевать целую страну или сердце женщины?! Завоеватель вершит свое дело мужеством и жестокостью. Художник творит всем своим бытием, всей сутью своей жизни.

* * *

У поэта даже крик боли вырывается из сердца в виде песни.

Отрывочные сведения из биографии и семейной экономики

Она — ленинградка. Отец ее умер лет через семь после войны от фронтовых ран. Вскоре умерла и мать. Брат еще учился в школе, а она уже кончила Высшее художественное училище и, чтобы вырастить брата, оставшегося на ее попечении, поехала на работу в Южно-Сахалинск. Там платили больше, чем на материке. Жила трудно. Вышла замуж. Муж вскоре умер. Растить брата снова стало трудно. И все же съездила в Ленинград и поступила в заочную ас-

пирантуру. Потом вернулась в родной город: захотела жить ближе к учителю, который стал ее возлюбленным и от которого у нее родился сын.

Когда он познакомился с нею, кончики ее губ были опущены вниз, как у трагической маски. А потом он ее отласкал, отогрел, и ее лицо стало спокойным и улыбочивым. Прошло около десяти трудных лет, которые могли бы состарить женщину, но она не только обрела духовную зрелость, но и похорошела. Исчезла забитость. Она перестала воспринимать близость с мужчиной как нечто постыдное и обрела раскованность в постели. Ее голубые глаза стали загадочно зазывными.

В Ленинграде она работала научным сотрудником в малоперспективном научно-исследовательском институте. Начальство грозило: если институт не найдет свою тему — его закроют. Неясно, для чего его открывали. И неясно, как она, ежедневно отсиживая на работе по семь часов, тратя на дорогу два часа и получая в месяц сто двадцать рублей зарплаты, может жить и растить сына и младшего брата. Он, не жалея времени, учил ее мыслить, помогал строить диссертацию, редактировал ее статьи. Вскоре она защитила кандидатскую диссертацию и стала получать сто пятьдесят рублей. Однако это было мизерное улучшение жизни. Она гордо прозябала в нужде. Он был женат и поэтому не без трудностей, урывая и укрывая деньги от семьи, ежемесячно давал ей пятьдесят рублей. Как она жила эти годы, трудно даже представить. А дети ее всегда были накормлены и ухожены. Ее брату теперь было четырнадцать, сыну — семь. Мать уходила на весь день на работу, а они самостоятельно шли в школу, потом разогревали обед, ели, готовили уроки, убирали, играли.

Она овладела массажем и подрабатывала рублей семьдесят в месяц ценой больших перегрузок: вставала зимой в шесть утра, дожидалась на обжигающе холодном ветру переполненного автобуса, добиралась до пациенток, делала массаж и торопилась в институт к началу работы.

Ее жизнь усугублялась еще одним обстоятельством. В наш век не нужно быть Моцартом, чтобы на тебя нашелся Сальери. Его друг не мог перенести сияние глаз влюбленных и неожиданно воспылал ненавистью к ним. Не имея возможности досадить ему прямо, низкий завистник избрал ее в качестве заложницы. Все ее неуспехи на работе, невоз-

возможность сделать маленькую карьеру и получить небольшое, но существенное при ее скудном бюджете дополнение к зарплате упиралось в этого мелкого Сальери. Он мучил их так хитро, что, пока они разгадали его козни, ужасно намаялись.

У него были свои полууважительные причины, по которым он не мог оказывать ей большую помощь: он был советским (другими словами, нищим) профессором, с дефицитным семейным бюджетом. В эти годы вышла замуж дочь, и к выплате пая за его квартиру прибавились новые расходы. Зарплата шла на хозяйство, приработок — на карманные расходы и книги. Он смотрел, как, напрягая силы, она борется с нуждой, как смотрит полководец на ведущую тяжелый бой армию, зная, что скоро будут брошены новые силы и все изменится. И перелом наступил: интересная работа, два присутственных дня в неделю, богатая в ее положении зарплата — двести рублей. Помимо обычной небольшой помощи он взял с книжки отложенную на черный день тысячу рублей и отдал ей на хозяйство. Он купил сыну рояль. Однако она долго жила в безысходности, и теперь, когда стало полегче, не выдержала. Впрочем, ее можно было понять: жить с двумя детьми на двести рублей (рублей двадцать — вычеты, тридцать — квартира!) даже при некоторой его помощи было непосильно трудно. Как неумолимо вторгается в нашу жизнь наша бездарная экономика, с ее расходами на вооружение и хозяйственным разгильдяйством..

Как-то у нее в гостях была подруга. В разгар вегетарианского пиршества пришел он, обменялся парой ничего не значащих реплик и погрузился в свои мысли. Когда он ушел, подруга сказала: я почувствовала этого человека. Он тебя любит — не тело, не характер, а твою суть. Ему все равно, как ты одета, как выглядишь. Однако он никогда к тебе не уйдет, потому что в его душе работает самая мощная чakra — чakra жалости. Он жалеет жену, дочь и через их судьбы никогда не перешагнет. Это предсказание сразило ее.

Замуж за достойного человека

— Я мечтала быть вместе с вами. Вы никогда не показывали, что вам хорошо со мной. Я дополняла вам комфорт. Вы от меня подзаряжались энергией и дальше могли идти без меня. А я бы хотела всегда быть вместе, смотреть, думать, дышать, как вы. На заре наших отношений мне очень хотелось подарить вам ковер. Он мне представлялся моделью наших отношений: вы наслаждаетесь им, но пользуетесь без трепета. Вспоминаю начало наших отношений. Зашел разговор о любви. Вы меня спрашиваете: «А что это значит? Это как Ромео и Джульетта?» Я утвердительно кивнула, доставив вам удовольствие своим провинциализмом. Ковер я вам так и не подарила, и потому, что, переехав с Сахалина в Ленинград, впала в бедность, и потому, что необходимость исчезла: я освоила вашу модель отношений. А теперь я должна искать выход. Меня часто охватывает тоска и страх одиночества. Я с трудом пережила эту зиму. Вы уезжали, потом были заняты делами. Мы подолгу не виделись.

— У любви, как и у дружбы, есть приливы и отливы. Это нормально.

— Однако у вас отливы слишком значительны.

— Этот упрек — почти похвала. Отливы в море невелики, а в океане огромны. Высота прилива равна глубине отлива.

— Вы не весь со мной. Вы не всегда со мной. Вы в своей семье, а я постоянно одна. Это вечная трагическая тема любящей женщины. За мной начал ухаживать хороший человек. Он врач. Он талантлив, но не совсем удачлив. У него прекрасные научные идеи. Как я могу это определить? Конечно, я не специалистка, но интуицией чувствую: то, что он делает, талантливо. Ему перекрывают дорогу, но он найдет выход.

— Ты его любишь?

— Я люблю вас. Однако он человек и достойный, и свободный, или, по крайней мере, способный освободиться ради меня.

— Ты хочешь выйти за него замуж?

— Так было бы правильно сделать. У нас еще ничего не решено, но есть взаимопонимание. Мы рассказали друг

другу наши жизни, и мне кажется, что я его знаю уже давно. Он близок мне по духу. Вы выше его как личность, но он лучше вас: щедрее, добрее, менее эгоистичен.

— Тогда все складывается как нельзя лучше: ты выйдешь замуж и обретешь долгожданную устойчивость, относительный достаток и, может быть, даже счастье.

— Счастье? Ведь я люблю вас...

— Любишь меня и хочешь выйти замуж за другого. Почти логично.

— Вы на мне жениться не можете, даже если хотите. А замужество не зря называют «устройством жизни».

— Ларошфуко советует: прежде чем сильно чего-то пожелать, следует осведомиться, счастлив ли нынешний обладатель желаемого.

Все это жизненно по сути.

Все это правильно до жути.

И все имеет перспективу.

Но ты не подходи к обрыву...

Гуляй у края,

Зная и веруя:

Там жизнь иная...

Не голубая, не золотая,

А правильная и серая.

Философствование в ожидании свидания у подножья истукана

Я стою на Сенатской площади у подножья памятника Петру I и жду. Это привычное место свиданий с моей возлюбленной. Медный всадник всей своей огромной массой несется на меня, и некуда деться. Под сенью державного величия этого бронзового истукана протекает моя жизнь, моя любовь, моя трагедия. Может быть, я неверно живу? Однако можно ли уйти от себя? Можно ли разрубить связь, которая образовывалась всю твою жизнь и которая проходит через твое сердце и невидимыми нитями соединяет его с другими людьми и с медным истуканом, лишенным сердца

и сочувствия? Наша с ним связь нерушима. Она не менее глубока, жизненна и существенна, чем любовь, моя и моей возлюбленной, которая также невидимыми нитями связана с державным всадником. Железная рука Медного всадника, уздой железной поднявшая на дыбы и бронзового коня, и Россию, держит в сжатом державном кулаке поводья не только коня, но и невидимые поводья, которые идут к нашим судьбам. Я гоню от себя сумбурные, бесполезно-глобальные мысли и стараюсь их заземлить: при чем тут Медный всадник и его рука?

Моя возлюбленная опаздывает на свидание. Невпервой: неточное ощущение времени и множество забот и обязанностей. Мы вступили в сейсмическую зону: наши отношения сотрясают подземные толчки. Может, это тяжело-звонкое скаканье могучего медного коня по потрясенной мостовой колеблет наше бытие. Однако, может быть, в самой тектонической толще наших отношений возникли напряжения и бьют подземные молнии, от которых содрогается твердь, на которой мы живем, дышим, любим?..

«Как ждет любовник молодой минуты сладкого свиданья». Не очень молодой. И может быть, «горького»? Все сопряжено в этом мире. Но каково плетение сопрягающих нитей? И по какому произволу истории или личной прихоти дергает мощный властелин судьбы за эти нити, идущие к нашим судьбам от его державной десницы. Всадник натягивает поводья, уздой железной рвет губы коня, заставляя его встать на дыбы, и уж заодно, произвольно, дергает и нити наших судеб, сходящиеся в его державной руке. Он не хочет специально причинить нам зло, но и не думает о нашей частной судьбе, он слишком озабочен всеобщим.

Однако всеобщее страдает от ущемлений частного. В конце концов все начинается с рождения человека. А рождает его не держава, а мать. И чтобы человек родился, нужно на то желание его родителей. Но радость рождения ребенка в нашей стране часто перекрывается непомерной тяжестью забот ожидающих родителей. Не случайно демографы бьют тревогу. В России смертность превышает рождаемость. Так экономика вторгается в личную жизнь, а частное мстит всеобщему.

Что только не лезет в голову мужчине, когда возлюбленная опаздывает на свидание... При чем тут державный конь, зарплата, экономика и прочая всеобщность? Если говорить

честно, я нахожусь в безнравственной ситуации: живу в семье и нахожусь в близких отношениях с женщиной, от которой имею восьмилетнего сына. «Социализм не создан для адюльтера». Треугольник? Овал куда удобнее для жизни. «...Я с детства не любил овал — я с детства угол рисовал!» У истории установки Прокруста. Она любит стандартных людей. Тем, кто не укладывается в ложе, обыденность отрубает, как Прокруст мечом, торчащие ноги или голову.

Опаздывает она всего лишь на пятнадцать минут, а я уже недоволен Медным всадником, его железной уздой и его копытами, экономикой, зарплатой, всеобщностью, состоянием мира... Что будет, если она опоздает на полчаса или, того хуже, вовсе сегодня не сможет прийти? Я, не дай бог, начну грозить Медному всаднику: «Ужо тебе!»

Что с нами делают женщины!.. Нельзя назначать свидание у Медного всадника, нужно — по традиции — под большими часами, тогда мысли сосредоточиваются на минутной стрелке и никакие катастрофические идеи в духе пушкинского «безумца бедного» не ползут в голову. Однако мы с ней привыкли встречаться у подножья Гром-камня, под копытами коня, на месте, продуваемом балтийским ветром.

Здесь свидание с возлюбленной превращается в свидание с историей.

Нет, кажется, я исчерпал уже все темы для размышлений и начинаю терять терпение... Впрочем, вот еще одна тема: что есть любовь? Любовь — это сладостный пир человеческого общения, особый тип общения, незаменимый никаким другим. Называя или определяя что-либо, мы заменяем реальное словесным, и реальное исчезает. Говорят, ныне каждый день на Земле исчезает один вид животных и каждую неделю — вид растений. Красная книга становится все более объемистой. Красная книга разрастается. Описанное исчезает. Русская литература XIX века описала российскую действительность, и эта действительность исчезла. Любовь тем вернее исчезнет, чем точнее я ее определяю. Фрейд это называл вытеснением, сублимацией. Описание любви — способ избавления от нее... Нет, я совсем потерял терпение и несу чушь. Вот уже на двадцать пять минут она опаздывает. Это слишком... И тут я заметил, что она летящей походкой стремительно приближается. Наконец-то!

Мы идем по улице. Ты держишь меня об руку, чуть-чуть висишь на моей руке и на полшага опережаешь меня. При

этом ты идешь, обернувшись вполоборота ко мне и снизу вверх преданно, почти заискивающе заглядываешь мне в лицо.

Ночь я украл у семьи и вечности — остался у нее. Предлог? Да разве это важно, что я наврал дома. Мальчики — и старший Колька, и младший Васька — долго не ложились спать, долго придумывали поводы посидеть вместе со мной и матерью. Они скучают по мужскому обществу, да и просто по мне.

Ночь. Близость с любимой женщиной не отнимает, а дает силы.

Утром она рано отправила мальчишек в школу и легла еще поспать, а я встал и начал собираться. Впрочем, я не торопился — срочных дел не было. Проснулся с мыслью: она хочет уйти от меня. Нужно что-то делать... Зарядка? Чтобы лечиться, нужно здоровье, а на зарядку — воля, но когда ты решаешь жизненную задачу, то не в состоянии расхотеть волю на насилие над собой. Однако побриться все-таки нужно себя заставить: придется выйти на люди. Смотрюсь в зеркало: осунулся.

Ну что ж, не зря проходят годы.

Скупей улыбка, тверже взгляд,

Неумолим закон природы,

Иду с зенита на закат.

Ах годы, годы, не спешите.

Я был, как все мы, юн и глуп.

Хочу побыть еще в зените.

Я жизнелюб, я солнцелюб.

* * *

Мне пятьдесят. В XIX веке считался бы глубоким стариком. У Тургенева есть фраза: «Вошел старик сорока лет». Понятие о возрасте сместилось. Мой возраст унизителен (девушки уступают место в метро) и великолепен (не зря эллины мужчину после сорока до дряхлости считали в возрасте акме — расцвета: радости молодости еще доступны, но уже освящены мудростью опыта и обострены приближением границы между жизнью и смертью). В этом возрасте трудно приобретать и терять друзей и легко прощать себе недостатки (ты к ним привык, и от них уже не избавиться) и не прощать ошибки (они непозволительны: нет времени

их исправлять, а опыт мог бы их предотвратить). В этом возрасте ты снисходителен к другим.

А за окном осень. Как у человека в волосах начинает блестеть серебро, так на еще зеленых деревьях появляются пряди золотой листвы.

Перед тем, как погаснуть, свеча горит самым ярким и высоким пламенем.

* * *

Жужжит электробритва, и что-то оставшееся от молодости появляется в лице. Однако оно вдруг тускнеет: это я вспомнил о ее намерении выйти замуж за хорошего человека.

Ударить головой о зеркала гладь,
 Чтобы брызнули кровь и стекло,
 Довольно, довольно, довольно лгать:
 Время любви истекло.
 Твоя любовь уже не вправе
 Ни обижать, ни обожать,
 Меня прославить, иль ославить,
 Или навеки удержать.

Надо отойти в сторону и дать женщине обрести свою судьбу. Нельзя быть эгоистом. Это верно. Однако в любви больше иррационального, чем разумного. Ситуация мне не подчиняется. Я принадлежу не себе, а какой-то стихии. Она несет меня, как в Дантовом аду сатанинский вихрь носит грешные души.

Пока я брился, она встала, приняла душ и долго стояла у зеркала. Потом подошла ко мне, прижалась всем телом и сказала:

— У меня морщинки появились под глазами.

— Да, паутинка. Хочешь, поцелую — разгладится.

— А если вы встретите женщину красивее меня?

— Я люблю тебя, потому что щедрее и добрее тебя нет. А это высшая красота.

— Вечная нужда породила во мне мечту о красном приатленном платье. Когда-нибудь я себе его сделаю.

— По мне, чем хуже ты одета, тем лучше. Твою красоту я все равно вижу, а мне спокойнее: авось никто, кроме меня, ее не заметит. Однако тебе все к лицу. Я не раз слышал, что ты одеваешься, как богатая женщина, хотя ты

носила перелатанные платья. Значит, не только я, но и другие видят твое свечение изнутри. Фет писал:

С какой я негою желанья
Одной звезды искал в ночи!
Как я любил ее мерцанье,
Ее алмазные лучи!

Откуда он знал мое чувство к тебе?!

* * *

Я провел ночь с моей возлюбленной. Упоительная близость. Украденное счастье. Но быть приговоренным к этому счастью — не дай бог. Она не так стелет кровать, не то готовит на завтрак, не туда кладет вещи и вообще все делает не так, как я к тому привык. Ее будет раздражать то, что я придаю значение таким мелочам. Однако я отравлен другим распорядком жизни.

Выяснение отношений и поиски выхода

— Я вам благодарна за все, что вы сделали для меня. С вами я стала другим человеком. Я пишу для вас и только через вас для других. Он мне говорит, что восхищен моим умом, знаниями, умением мыслить, а я ему говорю — все это вы, от вас, ваше...

Я ему рассказала, как вы за меня заступились, как сражались с целым университетом за меня и выиграли, как расстались со своим другом, обидевшим меня. Он принимает мое преклонение перед вами. Не говорю ему только, что умираю от тоски, получая вас по карточкам, раз в неделю, а то и в месяц. Я устала. Все это длится уже восемь лет. Это долгий срок в жизни женщины. А мне скоро сорок. И я должна сейчас что-либо решить, или я обрекаю себя на вечное одиночество.

— Я всегда с тобой.

— Это смешно. Вы всегда со мной, но я всегда без вас. Вы со мной, но физически пребываете в другом простран-

стве, в другой семье, с другой женщиной. Что из того, что вы любите меня. Ведь при этом вы разделены со мной расстоянием, стенами, улицами, часом езды на автобусе с пересадкой. У меня ваш ребенок, наш Василек. Да и старший воспринимает вас как отца. Дети скучают по вас.

— Мы поменяем твою квартиру, ты переедешь ближе ко мне, и мы сможем видеться почти ежедневно. Я теперь смогу тебе больше помогать, чтобы ты не была в нужде. Твои творческие дела наладились. Ты кандидат наук, старший научный сотрудник, ты работаешь по профессии, у тебя идут статьи и созревает монография, она может перерасти в докторскую...

— Спасибо вам за все. Все это больше вы, чем я. А я — не ученый, я женщина, и для меня женская судьба важнее монографии.

— Я твой советчик, в крайнем случае редактор, не более того.

— Не кокетничайте. Вы хорошо знаете, кто вы для меня. Помните, на заре наших отношений мы сидели за праздничным столом. Ваш друг был тамадой и предложил мне произнести тост и высказать вам пожелания. Я встала и сказала, что вы мой Бог, а божество не нуждается в наших пожеланиях, это мы нуждаемся в его благосклонности. Я желаю, чтобы мое божество было ко мне благосклонно.

— Да, это был тост в лучших восточных традициях.

Вкушая пахлаву,

Я слушал похвалы.

То было наяву,

А не во сне, увы.

— Нет, я не восхваляла вас на восточный манер, я просто обожала вас так же, как обожаю сейчас.

— И при этом собираешься замуж за другого.

— А что же делать? Годы я пребываю в одиночестве.

— Надо усовершенствовать ситуацию: видеться чаще, укрепить твое материальное положение.

— Если вы болеете, я не могу быть у вашей постели. Отпуск, праздники — не вместе. Как это усовершенствовать?

— И об этом подумаем. На отпуск можно снять комнату рядом с дачей моей мамы, и мы будем почти все время вместе. Я хотел так сделать этим летом, однако — сорвалось. Я устал от работы (шутка ли, две книги в год вышло!) и от борьбы за улучшение твоего положения. Мне предложили

путевку, я поехал отдыхать с семьей, а у тебя в это время появился жених, о положительных качествах которого я теперь слышал.

— Я вам предлагаю познакомиться с ним.

— Не хочу.

— А как мне быть? Что ждет меня, если я не уйду к нему? Одиночество — сегодня, безнадежность — завтра.

— Я позабочусь о твоём будущем. Мою заветную рукопись сейчас не напечатать. Ничего, дождется бесцензурных времен, отстоится, как вино. Я посвящу книгу нашему Васильку. И вы, даст Бог, будете обеспечены.

— Похоже, что вы меня покупаете...

— Похоже. Однако ты моя. Мне тебя покупать не надо.

— Господи, как я устала от слов! От раздумий, от необходимости все решать самой. Пока вы говорите — все убедительно, и я готова подчиниться. Вы уходите — и я остаюсь наедине с моей жизнью. Тогда я понимаю: нужен самостоятельный поступок, даже вопреки вашему мнению.

* * *

— Скажи ему, что вы знакомы всего два месяца. Возьми год на размышление. За год или я уйду к тебе, или примирюсь с новой ситуацией, или ты вернешься ко мне и брошишь его, или мы расстанемся. Так ты все решишь не в спешке, не в угаре.

— Хорошо, я буду ждать год.

* * *

Ходжа Насреддин согласился на условия шаха: за хорошее содержание научить за десять лет осла разговаривать. Насреддина предостерегали: осел никогда не заговорит, и шах убьет тебя. Насреддин ответил: «За десять лет или шах умрет, или я умру, или осел умрет».

Год не десять лет, однако срок достаточный, чтобы все разрешилось. Боюсь только, что умру я, а не осел, которому переживать нечего: ведь у него здесь нет его детей, нет восьми лет борьбы, любви и надежд. Отношения с ней не есть последний оборонительный рубеж его жизни, а лишь один из вариантов, который он продумывает.

Понимает ли она, что я не выдержу напряжения? Како-

во ей будет, если она меня сживет со свету? Впрочем, это развяжет ситуацию, причины же катастроф с нашим здоровьем всегда столь многосложны, что их на свой счет никто не принимает. Она утешится в новой семье. Впрочем, эти мои рассуждения от лукавого: аргумент «от смерти» — недостойный, кухонный аргумент.

* * *

— Вы рассказывали мне, что ваш учитель — известный философ — уступил свою жену своему другу — поэту Пастернаку, которого любил и почитал. Вот вы никогда не могли бы так поступить...

— Я знал и Осипа Брика (работал в его семинаре). Он делил свою жену с другим поэтом. Я не научился у моих учителей отдавать женщину другому мужчине. «В любви каждый сражается сам за себя». Однако мне приходится сражаться не с соперником, а с тобой. Сенсэй, учивший меня каратэ, рассказывал легенду.

Старый учитель воспитал школу каратистов. Первый ученик сказал:

— Уважаемый сенсэй, я владею мастерством не хуже вас, и я моложе и сильнее, поэтому я возглавлю школу.

— Для этого ты должен победить меня в поединке.

Они стали сражаться. Молодой первый ученик нанес сенсэю сильный удар, однако вскоре упал на землю и долго не мог встать. Он спросил:

— Уважаемый сенсэй, как вы меня победили? Я даже не слышал о приеме, который вы применили в поединке.

— Я его никому не показывал.

Сенсэй продолжал вести школу. Но прошло время, и он совсем состарился. Первый ученик опять вызвал его на поединок и на этот раз победил. Сенсэй ушел в горы. Школу повел первый ученик. Однако был потерян нравственный дух, и школа захирела. Тогда ученики прогнали первого ученика, отыскиали старого сенсэя и упросили вернуться. Он снова возглавил школу...

Я еще не настолько стар, чтобы ты меня победила, и у меня еще есть в запасе кое-какие приемы. Когда же я ослабею и ты, моя первая ученица, победишь меня, я уйду, а дети не простят тебе моего ухода.

— Ум говорит мне, что надо выходить замуж, сердце — что надо остаться с любимым.

— «Мы никогда не стремимся страстно к тому, к чему стремимся только разумом».

Не зря экзистенциалисты считают, что выбор — сфера свободы воли, самый трудный и ответственный поступок человека, определяющий его бытие. Он, как смерть и время, необратим. Он, как ход в шахматной партии, который нельзя взять обратно и от которого зависит вся игра. Ты стоишь перед выбором. Не ошибись: проиграешь партию — проиграешь жизнь.

* * *

При трансплантации больному приживляют чужое здоровое сердце. Весь организм при этом сопротивляется и стремится отторгнуть здоровый, но чужеродный орган. Порой больной, который, мучаясь, прожил бы десять лет, погибает в течение трех недель от чужеродного сердца.

...Ты хочешь вырезать меня из твоей жизни и вмонтировать в нее его? Ты всех нас погубишь.

* * *

Ты упрекаешь меня: «Ты никогда детям игрушку не принес». Стыдно вспоминать и оправдываться. Я не очень хорош, но Ваську люблю. Разве ты в этом сомневаешься? Приносил ему книги, пластинки, игрушки. Эти счеты неприличны, они мельчат наши отношения. Ты ищешь аргументы для замужества. Когда их недостаточно — придумываешь. Зачем? Выбор жизненного пути человек делает всей своей сутью, своим бытием, а не умом и аргументами. Это как создание художественного произведения. Оно тоже есть выбор творческой личности и создается всей ее сутью, всем бытием художника...

* * *

— Я измаялась. Пожалейте меня.

— Ты выбираешь между хорошим и лучшим. Ты просто не знаешь, что лучше. Беспроигрышной лотереи не бывает.

* * *

— Я ему скажу, что мы расстаемся с вами, а с ним мы не будем близки, пока не придем к окончательному решению и не оформим наши отношения.

— Отличный рычаг воздействия на партнера.

— Мой дорогой, мой ненаглядный, ну вы уже совсем с ума сходите. Вы же сами сказали мне так сделать. Это же не мое, не его, а ваше решение.

* * *

— Никто не может выпрыгнуть из истории своей жизни. Я — история твоей жизни. Моя жена и дочь, ты и наш сын — история моей жизни. От этого не уйти. Пока он не стал еще историей твоей жизни, все поправимо. Поэтому ты или уйдешь от него, или все мы летим в пропасть. От кораблекрушений остаются обломки и счастливо спасенные. Кто спасется — никогда не известно.

* * *

— Господи, помоги преодолеть перевал и не сорваться в пропасть. Мне около сорока. Сын. Любовник живет в семье, и его не увести. Что делать? Идти замуж — с закрытыми глазами! Каждую ночь будет не остывшее ложе соломенной вдовы, а теплое ложе супружества, пусть не горячее, но все же не одиночество. Оно требует мужества! А разве мужество — это женский удел?!

Однако как уйти к другому: возлюбленный любит меня, и я люблю его. Он мой учитель и Бог. Но у бсжества есть слабости. Он не в состоянии разрешить простейшую задачу с двумя известными.

Конечно, найден верный выход:
 Любви замужество важней,
 Оно сулит так много выгод,
 Но ты смотри — не пожалей!
 Создать семью велит природа.
 Остынь, прощальный поцелуй.
 Все решено, и нет исхода,
 Но ты смотри — не затоскуй!

Урок геометрии любви

— Мой учитель мне говорил, что...

— Оставь свое божество в покое. Не то я тоже начну ему поклоняться: мне понравились его книги. Однако поклонение помешает строить наше будущее.

Моя жизнь была трудна. Жена, чтобы наша женитьба не сорвалась, упрятала больного брата в сумасшедший дом. В этом не было медицинской необходимости. Я не перенес этой жестокости. Через год совместной жизни я ушел. Родился сын. Меня к нему не допускали. Сейчас ему четырнадцать — умный, образованный, но невоспитанный ребенок. Пытаюсь влиять, но многое упущено безвозвратно. У меня есть женщина. Она мне нужна только потому, что я ей нужен, и потому, что я одинок.

Мы с тобой прямая, соединяющая две точки. На нее опираются смотрящие в обе стороны треугольники: твой учитель и женщина, с которой я коротаю мое одиночество. Наши с ней отношения изжиты. Однако моя привычка и ее беззащитность держат меня. Оба треугольника — обстоятельства нашей жизни, давящие на нас с двух сторон. Мы должны принять решение. Я не строю отношения с твоими детьми, пока это решение не сформируется изнутри. Поэтому, для чистоты ситуации, мысленно мы должны отсечь вершины твоего и моего треугольников.

— Я плохо понимаю в геометрии.

— Геометрия тут ни при чем. Это я объясняю тебе сложность нашего положения. Все должно быть решено, как математическая задача.

— В математической задаче есть неизвестные. А у нас все известно, кроме выхода для каждого из нас.

— Иксом в этой задаче и будет выход.

* * *

— Посмотрите на ситуацию реально и трезво. Я выйду замуж. Мы с вами останемся друзьями, может быть, даже любовниками. Жизнь и так может обернуться. Я говорю об этом не цинично, а трезво учитывая, насколько тяжело для

нас обоих расстаться. Однако непереносима и прежняя моя жизнь в вечном ожидании вашего звонка или приезда. Дети от моего замужества выиграют: у них будет два отца. Дети как боготворили, так и будут вас боготворить.

— Двух отцов не бывает. Может быть отчим и я — отец. Иначе я забуду и вычеркну из своей жизни не только тебя, но и детей.

— С вас станется. Ведь вы эгоист. Будь по-вашему! он — отчим, вы — отец.

— Другом, а тем паче любовником я не буду. Меньше бы любил, согласился бы: дети мои, ты моя, а заботы не мои — казалось бы, чего лучше? Так нет же, не получится! Моральных преград ни у меня, ни у тебя нет. Это плохо, но это так, и у нас есть полуфарисейское-полуистинное самооправдание: духовное пространство эпохи искривлено, мы живем в неэвклидовом, тоталитарном мире всеобщей лжи, где нравственность — лишь дополнительная несвобода личности. Конечно, мы нарушаем кантовский категорический императив, обязывающий относиться к человеку так, как мы хотели бы, чтобы он относился к нам. Но мы не исповедуем и вседозволенность. Впрочем, образовать новый треугольник мы бы себе разрешили. Однако я тебя люблю, и для меня эта ситуация непереносима.

— Я же жила в подобной ситуации все эти годы.

— Эта ситуация была для тебя исходной, а не возникшей в процессе отношений. Кроме того, ты женщина, а тут даже физиология другая, не только психология. Прости за вульгарный экскурс, но даже у высших животных есть различия в половой психофизиологии. Если держать орангутангов, самку и самца, в клетке, а рядом в другой клетке другого самца, то обездоленная обезьяна погибнет от инфаркта. С обезьяной-самкой в подобном положении ничего не случается.

— Боже, какие у вас научно-пошлые примеры сегодня!

— Ты права. Извини. Однако новый треугольник у нас не получится. Я уйду и забуду тебя. Навсегда.

— Вы должны бы меня пощадить. Вам не следовало предупреждать меня о таком исходе. Теперь я не смогу принять правильное решение. Если бы вы не были эгоистом, вы бы помогли мне выйти замуж, а уж потом бросили меня. Теперь у меня не хватит сил на этот поступок.

Пытка

Все, что с нами происходит, вытекает из истории нашей жизни.

Боль от ревности может быть нестерпима. Все зависит от болевого порога и остроты чувствования. Предание гласит, что Данте, увидев впервые Беатриче, упал в обморок. Такова может быть сила чувств.

Он перестал жить, а стал проводить время, заполняя его чем попало. Вкус бытия исчез. Стало безразлично: быть или не быть. Жизнь потеряла смысл и привлекательность. Смерть не стала желанна, осталась страшна, но порой казалась доброй возможностью избавиться от боли.

Поток сознания, терпящего любовное бедствие, ужасен своей разрушительностью и неуправляемостью. Это сель, который катится с вершин любви, сметая все на своем пути. Человек просыпается ночью с мыслью: «Она уходит от меня». Сознание становится водоворотом. Это невыносимая пытка сознания подсознанием. Именно в нем бесконечно и бесцельно вращается то, что уже сто раз безрезультатно осмыслялось: «Она исстрадалась в одиночестве. Дети, ее бабья судьба — все требует семьи. Уйти же к ней — это разрушить судьбы жены и дочери, а ведь, как говорит Экзюпери, «мы в ответе за тех, кого приручили».

Подсознание становится твоим палачом. Это худшая из пыток, приводящая человека к отупению, к обмороку души. И вдруг можно сделать полный вдох. Кажется, ты спасен. Тебя посещают даже деловые мысли. Ты свободен от пытки, но не свободен от ужаса ее ожидания. В тебе живет опыт боли, и ты ждешь нового обвала сознания. И вдруг ты вновь вспоминаешь об обреченности на потерю любимого существа и опять впадаешь в неуправляемый поток мыслей, несущих тебя, как разъяренный Терек. Поток бьет тебя о свои берега и скалы. Когда пытается палач, есть надежда вымолить прощение, откупиться или позорно выдать что-то и прекратить пытку. Собственное сознание неумолимей, оно, если не погубит, то сделает другим: ожесточенным и надолго, если не навсегда, лишенным моцартианского творческого духа.

Я беру томик «Максим» Ларошфуко. В моем состоянии короткие афоризмы читать легче, чем связное повествование. Афоризмы отвлекают сознание от ощущения катастрофы моей жизни.

Оказывается, не я первый и, наверное, не я последний из смертных, кто был при жизни в этом раю и аду. Ведь нельзя же так точно, как Ларошфуко, сказать о любви и ревности, не испытав их сладость и тягчайшее мучение: «Ум у большинства женщин служит не столько для укрепления их благоразумия, сколько для оправдания их безрассудства»; «Не может быть порядка в уме и сердце женщины, если ее темперамент с ними не в ладу»; «Пока люди любят, они прощают»; «В любви обман почти всегда заходит дальше недоверия».

Никакой успех не радует: ведь его не с кем разделить.

Пусть уляжется боль,
Пусть уймется тоска.
Может, вновь буду твой,
Буду нежно ласкать.
Но, пока мои раны я не залечу,
Я тебя, и себя, и весь мир проклинаю.
Я от боли кричу.
И я страшен бываю.

Прошу забвенья, как награды

Читаю «Исэ Моногатари» — изящное произведение древнеяпонской словесности. Когда Пастернак умирал, его друг — пианист Нейгауз, сутки не отходил от рояля — играл, облегчая музыкой страдания поэта. Гармония, пришедшая из десятого века, помогает переносить страдания. Как прекрасно, что проза в этой книге в моменты высших эмоциональных взлетов переходит в стихи. Вот древнеяпонский стих, трогательный и щемящий. Наверное, и ты так думала, когда подолгу ждала меня!

«Приду», — ты сказал мне...

И ночь проходит

Одна за другой.

А я все люблю

Того, кто так ненадежен.

Кому из нас суждено будет произнести другой стих из этой удивительной книги — ему? мне? тебе?

Того, кто не любит,

Кто ушел от меня,

Удержать я не в силах!

Настал, видно, миг, когда жизнь

Уже исчезнуть должна.

Тот, кто хочет, но не в силах сразу бросить курить, пытается вначале выкуривать в день полпачки папирос вместо целой, потом сокращает норму до десяти папирос. Привычку надо сводить к нулю постепенно. Я отвыкаю от тебя. Вместо трех звонков в день я, мучаясь, уже могу не звонить три дня. Это почти победа над собой. Теперь надо продержаться четыре дня. Избавление близко!

* * *

Если крылья мои не перебиты совсем, то я еще взлечу над полем моих бедствий и улечу далеко от него. Я еще пробью тучи и выйду к солнцу. Лишь бы крылья зажили... Я научусь жить без тебя. Или умру. Как птица с переломанными крыльями учится летать, я учусь дышать без тебя.

Никого не любить — это счастье

Избегать катастроф бытия.

Ведь когда я люблю — я завишу,

Я — раб своих чувств

и любви своеволий.

Никого не любить — это радость свободы.

Подари мне свободу —

иначе судьба не судьба.

Я устал от любви своеволий

и хочу не любить.

* * *

Раскаленное сознание. За ночь не остывает...

* * *

Как всякий человек, испытывающий боль, подмечаю, что же ее снимает или хотя бы заглушает. Пушкин прав: «А если мысли черные к тебе придут, откупори шампанского бутылку иль перечти «Женитьбу Фигаро». Спектакль, телепередача отключают поток сознания или временно направляют его в иное русло. Зрительная культура обладает мощной психотерапией. Помогает и беседа с друзьями. Был в Доме кино: пестрая публика, светская суета. Очень отвлекает! Еще хорошо, когда дела захватывают. Искусство, друзья, светская суета, дела — помогите выжить!

Он нашел еще один способ спасения от пытки неуправляемым огненным потоком сознания. Он сел у аквариума и подолгу смотрел на бессмысленное и хаотичное движение цветистых рыбок, спящих в замкнутом и прозрачном пространстве. Благодаря этому он на время успокаивался.

* * *

Как жить без любимой? Как освободиться? Другая женщина? Вино? Вытеснение (по Фрейд!) творчеством. Еще точно не знаю, как достичь этой страшной, но необходимой цели.

Убить ее? его? себя? Любой из этих ужасных поступков избавляет от боли. Однако когда заболевший стоик Антисфен воскликнул: «Кто избавит меня от боли?», — навещавший его другой стоик ответил: «Нож». «Я ведь имел в виду — от болей, а не от жизни», — возразил Антисфен.

Надо учиться жить без нее, а не умирать без нее. Есть цель — будет найдено и средство. Будет...

Иль наша жизнь
Ничто. Как сон пустой,
Насмешка неба над землей?

«Терзания ревности — самые мучительные из человеческих терзаний и к тому же менее всего внушающие сочувствие тому, кто их причиняет». «Исцеляет от ревности только полная уверенность в том, чего мы больше всего боялись, потому что вместе с нею приходит конец или нашей любви, или жизни; что и говорить, лекарство жестокое, но менее жестокое, чем недоверие и подозрения».

* * *

Пытка не рождает добра ни в сердце палача, ни в сердце жертвы. Оба ожесточаются. И жертва легко может (изменись только ситуация!) обернуться палачом. Видимо, я тебе причинил много боли, если ты можешь быть так беспощадна! И этим ожесточаешь меня.

Я знаю, как ты будешь наказана за то, что на дыбе выкручиваешь мне руки, пытаешь огнем и железом и молча, не произнося это вслух, требуешь того, чего я совершить не могу. Ты выйдешь замуж. А через год рухнет моя подорванная семья и я уйду к другой женщине. Как сладостна будет эта месть! Это не замысел. Так оно само собою получится, жизнь сама свершит это!

* * *

Предательство? Слишком бранное слово. Однако, если вся моя жизнь была сфокусирована на ней, и вдруг, пусть по самым уважительным причинам, она уходит к другому, этому нет иного названия, при всей ее честности, порядочности и всех других прекрасных качествах, за которые я ее любил.

Поэтому я ухожу от нее, ухожу, умирая от любви и боли, и буду учиться жить без нее.

Мнение старшего брата

— Я, как твой старший брат, должен тебе сказать мое мнение по поводу твоих дел. Поступи как мужчина: отпусти ее замуж. Если хочешь совершить безумный поступок: уйди из дома и женись на ней. В таком безумии будет логика. Ты же поступаешь алогично.

— Я бы ушел, если бы не нужно было перешагнуть через судьбы других людей.

— Не можешь уйти к ней — не мешай ей уйти от тебя.

— Почему ты думаешь, что создание семьи с нелюбимым мужчиной — это устройство жизни? Почему ты — со-

временный человек — так патриархально мыслишь? Почему трудная жизнь без замужества с любимым человеком тебе кажется неустроенной? Ее подруга живет на Сахалине с сыном, без мужа и без любовника, и счастлива, и считает свою жизнь устроенной. А у нее — дети, я ее и их люблю и буду о них заботиться всю жизнь. Почему же ее жизнь неустроена? Сколько женщин сегодня строят свою жизнь с любовником? Почему ты, человек, избегающий семейной жизни, вдруг видишь выход из нашей ситуации в том, чтобы она создала семью? А если ей с ним будет плохо?

— Это не твое дело. Она сама должна сделать выбор.

— Нет. Это и мое дело: я ее люблю, и там мои дети.

— И все-таки отпусти ее. Она должна обрести то, чего ты ей дать не можешь. Ты потом сам скажешь спасибо судьбе, что она развязала этот узел.

— Я все понимаю. Я даже попытался ей помочь, но это оказалось выше моих сил.

— Ты думаешь, когда я расставался с женой, я ее не любил? Ты думаешь, я не мучился? Но я отпустил ее, и она мне осталась благодарна.

— Раз на раз не приходится. Да и кто знает, правильно ли ты сделал, что отпустил ее?

— Что значит, раз на раз не приходится? Я не раз отпускал от себя женщин, и не раз переживал это.

— Похоже на шутку Марка Твена: «Курить бросить легко, я уже пятьдесят раз бросал». Я тоже расставался с женщинами. Иногда совсем просто, иногда с некоторой болью, а тут — нестерпимо!

— Тогда уйди к ней. Ты не имеешь права играть судьбами многих людей: жены, ее родителей, нашей мамы, дочери, внучки, возлюбленной, ее детей... Ты должен найти в себе мужество на хирургию.

— Я уже готов перетерпеть боль и уйти. Однако она хочет выйти замуж и не хочет потерять меня.

— Вы оба сумасшедшие.

— То-то и оно. Здесь взаимная любовь, то есть иррациональность, которая не поддается разуму. Я люблю и делаю то, что могу, и то, что хочу. Любовь дает мандат на свободу действия.

Мнение младшего брата

«Дорогой брат!

Пишу наскоро: уезжаю в командировку. О делах не буду. Меня беспокоит, что ты на распутье: поедешь направо — коня потеряешь, налево — головы не снесешь. Если ты совершишь революцию в своей жизни, то у тебя годы уйдут на «гражданскую войну» с самим собой и твоей семьей. Дочь тебе не простит ухода, а ведь у тебя уже и внучка. Годы «гражданской войны» окажутся вычеркнутыми из творческой жизни. Это непростительно. Тебя любит читатель, а порой и критика. Как раб к галере, ты должен быть прикован к письменному столу. Человек творчества не имеет права на личное счастье, если оно в конфликте с его призванием. Ты не должен предавать его даже ради любви. Я первый не прошу этого тебе, да ты и сам не простишь ни себе, ни возлюбленной. Она должна все стерпеть и остаться с тобой, посвящая жизнь тебе и ничего не требуя взамен, или ты должен ее забыть. Заклинаю всем святым, не губи свое призвание поступками, продиктованными минутной болью. Возлюбленная, не понимающая масштаб личности избранника, не способная всем пожертвовать ради него и его творчества, недостойна любви. Извини, что я так резко формулирую. Мне больно за тебя. Оглянись и опамятуйся.

Твоя дочь красива и талантлива. Она эгоистична и не прощает тебе ни твои безумства, ни твой эгоизм, ни тех обид, которые ты наносишь ее матери. Отчасти она права, отчасти она еще незрела. Она не женщина еще в полном смысле этого слова, хотя замужем. Она инфантильна. Ты потеряешь ее или на годы испытаешь ее охлаждение. А жена твоя? Она стала родным человеком в нашей семье. Мне ее безумно жаль. Как бы вы ни были сейчас взаимно отчуждены — она твой преданный друг. Она страдает, но готова терпеть. Не отталкивай ее. Ты сам не простишь себе эту жестокость.

Ты ужасно запутал свою жизнь. Твоя возлюбленная прелестна. Если она способна терпеть ту прекрасную и трудную, лживую и истинную, несчастную и радостную, половинчатую и цельную жизнь, которую вы вели, — то и хоро-

шо. Так вы проживете по-своему счастливый век. Прости этот мужской цинизм.

Извини, дорогой, что я вмешиваюсь в самые интимные стороны твоей жизни. Однако мы с тобой не только братья, но и друзья, и острое беспокойство за твою судьбу обязывает меня быть с тобой откровенным. О делах в следующем письме.

Обнимаю и желаю мужества и мудрости. Твой любящий брат».

Его мнение

Как же она может покинуть меня? Ведь она знает, что я не уйду к ней не от недостатка любви, а только потому, что это невозможно...

Однако разве в любви существует невозможное?

Мой друг совершил «невозможное». Он был цельным, красивым и мужественным человеком, тонким, лиричным писателем. Он окончил войну в двадцать четыре года полковником, в орденах и шрамах. Он написал прекрасный роман о мальчиках своего поколения. Он прожил красивую и трудную жизнь с женой и однажды ушел от нее и сына к женщине, которую полюбил. Сын-студент отказался от отца. А он прожил счастливо около года с молодой женой и... умер. Это было лет десять назад. Он был старше меня, но я уже обогнал его, и сегодня я в более зрелом возрасте, чем он. Психофизические перегрузки ухода из дома не каждый выдерживает. Уход — часто приговор к высшей мере наказания.

Однако риск допустим. За все нужно платить. За счастье — можно и дорогой ценой. К тому же никто не верит в близость собственной смерти. И вспомнил я историю друга не для назидания себе. Такой пример ни для кого не урок. Перешагнуть через эту опасность легко: она — только в уме и не охватывает страхом твое существо. Мешают мелкие, но существенные препятствия. Собаки привыкают к людям, кошки — к дому. Мужчины похожи на кошек: для них уход из дома — катастрофичное нарушение стереотипа.

Через все можно перешагнуть — только не через жизнь человека. А с женой я прожил тридцать лет, воспитал дочь и делил и горести, и радости. Уйти немислимо: ей пятьдесят — новую жизнь уже не построит. Через чужие беды к счастью не шагают. А кто шагает, счастья не получит. Рискуй своей жизнью, но не жизнью женщины, за которую ответственен. «Когда люди уже не любят друг друга, им трудно найти повод для того, чтобы разойтись».

* * *

— Брак — это вериги мужчины. Что толку каменные менять на золотые. Хорошее дело браком не назовут.

— При всем несовершенстве института семьи — это выстраданная человечеством форма его расширенного самовоспроизводства.

— У мусульман иная модель продолжения рода, и не менее продуктивная.

— О чем говорят мужчины в час пирушки холостой? Забывают о подвигах, о доблестях, о славе и говорят о женщинах, а в возрасте акме говорят о семье и браке.

* * *

— А еще и об адюльтере: где семья, там и адюльтер. Он восполняет ее несовершенство. Адюльтер — тень семьи, ее отдушина. Европейский брак свое несовершенство изживает в супружеских изменах. Ложь сопровождает правду как ее тень. И так из века в век. От основания мира. Адам, Ева и Змий — первый в истории человечества треугольник, и эта фигура осталась самой значительной и устойчивой на всю историю человечества. Тристан — Изольда — сюзерен Тристана, Паоло — Франческа — муж Франчески, вся жизнь Дон Жуана протекала в плоскости треугольников, Каренин — Анна — Вронский, Мастер — Маргарита — муж Маргариты — бесконечные треугольники.

Почему же ваш треугольник, который был столь прочен и незыблем столько лет, она хочет разрушить?

— Это ее право. Она хочет создать свой треугольник. Однако я в нем не согласен быть даже вершиной.

* * *

Каждый экспериментирует своей жизнью. Любопытно, как она сможет уйти от меня. Ничего себе эксперимент: а отрежу-ка себе голову и посмотрю, что из этого получится.

* * *

— Ты не имела права обрушивать на меня этот ужас: я только что потерял отца, отстаивая твои интересы, поспорил со своим начальством и лишился работы, а заодно и друга. Я только что обеспечил тебя перспективной работой. Нет, ты предатель! Ты хотела сделать мне как можно больнее, чтобы я, ослепнув от немилосердной боли, ринулся бы к тебе, переступая через судьбы жены и дочери. Ты выбрала час, когда я был незащищен.

* * *

— Ты через каждые три слова говоришь мне о нем. Изуверство какое-то!

— Хотите, я перестану упоминать о нем?

— Сделай милость!

— Ну что вы, мой дорогой! Ну, зачем вы так ожесточились. Вы — моя несбывшаяся надежда. Вы — мой дорогой человек. Успокойтесь, пожалуйста.

* * *

Нельзя перечеркнуть предшествующую жизнь во имя будущей. Прошлая моя жизнь многотрудна и наверняка длиннее оставшейся. Даже если на чашу весов прошлого кладутся чугунные гири, а на чашу будущего — золотые, у пятидесятилетнего прошлое перетянет будущее.

* * *

Проницателен Ларошфуко: «Есть люди, столь поглощенные собой, что, влюбившись, они ухитряются больше думать о собственной любви, чем о предмете своей страсти». Стыдно, но, кажется, эта максима целит в меня. Неужели я и впрямь законченный эгоист? Трудно изменить устоявшийся характер, но попытаюсь думать о ней больше, чем о себе.

* * *

Его семья? Он плывет на тонущем корабле: в днище пробоины и многие отсеки уже залиты водой. Судно накренилось. Кто смог, уже покинул корабль: дочь уже вышла замуж, отделилась и живет в своей семье. Он, капитан, чего-то не предусмотрел, и рифы проломили днище. Он может покинуть судно только последним.

Он давно знает, что его судно терпит бедствие, и восемь лет назад стал строить плот, на который можно будет высадиться, когда корабль пойдет ко дну, высадиться, если обстоятельства сложатся так, что он не будет обязан идти на дно вместе с кораблем. Этот плот — она. Видимо, он совершил снова какой-то просчет, если в шквал с накренившегося, но еще держащегося на плаву судна срывается плот — последняя надежда капитана.

Мнение друга:

ТЫ ЭГОИСТ И ПОДОНОК

Твой старший брат и твой младший брат излишненисходительны к тебе. Они готовы оправдывать твои художества. Я, ты знаешь, лишен сентиментов. То, что ты вытворяешь, — безнравственно, эгоистично и подло. Ты никого не любишь! ни жену, ни возлюбленную. Только себя! И любишь отношение к тебе женщин-дурех, которые неразумно боготворят тебя и видят в тебе чуть ли не Моцарта. Какой ты к черту Моцарт! Ты графоман средних способностей. Каждая твоя книга раздражает меня. Ты пишешь приблизительно, недожимаешь, торопишься. Ты легкомыслен в творчестве, как в жизни и в любви. Преклонение женщин перед тобой смехоподобно. Непонятно, чем ты их привлекаешь. Ты просто везуч, это тебя избаловало, и ты возомнил о себе бог знает что и внушил это своим близким и своим поклонникам.

Ты не уходишь от жены, потому что тебе удобно и привычно жить с ней. Если бы ты любил, ты бы забыл долг,

переступил бы через все и ушел к любимой женщине. Задето твое самолюбие. В лучшем случае в твоей душе живет ревность, а не любовь. Ты безнравственно переплел всех и не хочешь лишиться ни одного удобства и удовольствия, даже обрекая на страдания многих людей. Ты современный мужчина в худшем проявлении.

Даже твое страдание полуфальшиво. Оно неадекватно мере твоей любви. В нем — «у меня отнимают мою игрушку». Тебе кажется, что тебе недодано жизнью каких-то благ и ты сам должен добрать их. Однако твои заслуги мнимы, а добирать недоданное нельзя за счет судеб других. Чего ты молчишь? Разве я не прав?

— И ты, женщина, права.

— Не понял.

— Есть анекдот. Два человека пришли к Насреддину и просят рассудить их. Один из них говорит: «Это мой осел. Я хочу ехать на нем в Мекку». Отвечает Насреддин: «Это твой осел. Поезжай». Другой человек говорит: «Это мой осел. Я хочу ехать на нем в Багдад». — «Это твой осел. Поезжай», — отвечает Насреддин. Слышавшая это женщина восклицает: «На этом осле нельзя одновременно ехать в Мекку и в Багдад». И Насреддин ответил: «И ты, женщина, права».

Мнение его дочери

— Ты мучаешь маму. Я ваша дочь и не могу на это смотреть спокойно. Лучше меня никто не знает историю и проблемы нашей семьи. Я знаю все изнутри. Это дает мне право судить...

— Дочь отцу не судья. Не судите, да не судимы будете.

— Пап, ты забываешь, что я уже взрослая, у меня у самой дочь. Мама в плохом состоянии, я не могу оставаться равнодушной. Ты человек слабый. Однако сейчас ты должен найти силы и сделать выбор.

— Ты не можешь решать за маму, что для нее лучше: оставаться одной или оставаться в том трудном...

— ...и позорном!

— ...положении, в котором она находится.

— Даже если бы мама выбрала последнее, ты должен или оставить все свои отношения на стороне, или уйти из дома.

— И все-таки ты не решай за маму, что ей лучше.

— Хорошо, я скажу о себе. Ты разрушаешь меня. Знаешь, как в Османской империи внушали завоеванным народам рабское сознание? По всей завоеванной стране в присутствии детей пороли их отцов. Если бы они пороли детей или убивали отцов, дети росли бы в ненависти к оккупантам, и росло бы сопротивление. Но нет же! Пороли отцов. Отец для ребенка высшее, самое могущественное существо, и если кто-то смеет унижить отца и тот бессилён с этим бороться, то сын или дочь оказываются сломленными на всю жизнь и не способными к сопротивлению. Ребенок не должен видеть отца в унижительном положении. А я вижу, как тебе приходится хитрить, лгать, как ты опускаешь глаза и как у тебя порой дрожат губы. Это надламывает мою душу. Я уважаю твое творчество. Однако ты своей запутанной личной жизнью лишаешь меня возможности гордиться тобой.

Поступи достойно. Сделай выбор.

* * *

Взрослые дети больше нужны нам, чем мы им.

Мнение его матери

— Ты меня огорчаешь! Ты себя плохо ведешь.

— Мамочка, я согласен: ты поставишь меня в угол.

— Ты обижаешь жену. У тебя какая-то своя жизнь. Дом есть дом. Отец, когда был жив, тоже обижал меня: изменял.

— Мужу это трудно простить. Но я твой сын. Как же ты можешь не стать на мою сторону?

— Мне жалко. Твой дом рушится, жена страдает, а она мне не чужой человек.

— А если я страдаю, тебе это легко терпеть? Я не имел полноты жизни в моей семье, не мог даже детей иметь, сколько хотел. Меня обездоливать можно? А когда я нашел выход, то ты жалеешь не меня, а мою семью. Я люблю эту женщину. Ты ее знаешь. Эту женщину можно обижать? Она родила мне сына, ничего не требуя взамен.

— Ты не должен втягивать меня в свои дела. Я слишком стара для того, чтобы это понимать и переносить. Я не одобряю твое поведение: все свободное время ты торчишь у нее. К своей внучке ты не едешь.

— Там мое сердце и мои дети.

— Таких детей у каждого мужчины по свету много.

— Однако там дети, к которым отношусь по-отечески.

— Я этого не признаю. Мне жаль твою жену, дочь, внучку.

— Мама, ты же всегда была гуманным человеком. Ты жалела всех. А сейчас ты выбираешь позицию в конфликте и держишь одну сторону. Ты жалеешь всех. Ты признай моих сыновей, как родных внуков.

— Никогда. Мало ли где у тебя могут быть дети. И я всех их должна признавать? Это распущенность какая-то.

— Мамочка, но ведь дети ни в чем не виноваты.

— А твоя внучка виновата? Почему ты ей не уделяешь внимания?

— Она так забалована вниманием, что если у нее отнять три четверти забот о ней, то и тогда останется больше, чем нужно. У нее три прабабушки, один прадедушка, две бабушки, два дедушки, отец и мать. И все живут для нее и не надыхаются ею. А мои дети у нее живут сиротами. У них только мать и пол-отца, приходящего на побывку. Одна их бабушка умерла, другую они готовы обожать, но она даже не хочет их видеть. Жестоко и не в твоем духе.

— Я совершенно не знаю, что мне делать. Ты так запутал свою жизнь, что я не знаю, к кому как мне относиться.

— Всех любить и всех жалеть, ни на кого не ожесточаться. Это твоя высшая роль. Ты же мать, бабушка, прабабушка. Отец мог бы понять меня и принять все мои безумства.

— О да, у вас слишком много общего.

— Не принимая мои безумства и моих детей, ты хочешь отомстить своему прошлому. Однако отца уже нет. И его жизнь не переделаешь, даже если переделаешь мою жизнь.

Жена и ее особое мнение

— Я думала, история с ней — обычная мужская неверность, а ты, оказывается, ее любишь! Я не могу видеть, как ты страдаешь: ты похудел, ничего не ешь, не спишь ночами. Я не задаю обычного вопроса всех жен: «Что ты в ней нашел?» Я ее не знаю, никогда с ней не разговаривала, только видела. К тому же у меня, естественно, есть предвзятость. Однако я боюсь за тебя. Она, чтобы освободить тебя, собирается выйти замуж. Она же тебя предает! Ты сделал ее человеком. Убил на это годы жизни. Писал за нее. Ну ладно, не мрачней и не злись, не писал за нее, а редактировал и помогал ей... И теперь она спокойно машет тебе ручкой: привет, мол. А ты страдаешь. Я же вижу. Не страдай, мой дорогой. Надо, чтобы хоть кто-то в этой ситуации был счастлив. Так мы оба несчастливы. Если же ты уйдешь к ней, может быть, хоть ты обретешь счастье. За мной давно уже ухаживает очень достойный человек. Он меня любит, я же люблю тебя. Я уже много раз решала, что лучше уйти к нему, чем жить с тобой. Все можно уладить.

И тут его жена разражается рыданиями и начинает умолять:

— Нет, нет, это умом нельзя решить. Я вру. Я все тебе вру. Я никуда от тебя не могу уйти. Я погибну без тебя. Не бросай меня... Я тебя умоляю, не бросай... Я на коленях прошу... Я готова перед тобой унижаться...

И она рыдает, встав на колени. А он про себя думает: «Как мне ее жаль. Сколько горя я ей принес. Как вынести этот ад! Действительно: я эгоист и подонок!»

У Ларошфуко нашел максимум: «Ревнивая жена порой даже приятна мужу: он хотя бы все время слышит разговор о предмете своей любви».

* * *

— Ты мой муж, мы вместе уже тридцать лет. Это целая вечность. Больше половины прожитой жизни. Твоя мама так долго не жила с тобой. Она меньше тебя знает, чем я. Между нами напряженность уже не первый год. Виновата в этом женщина, которая пытается тебя от меня увести. Она влезает в семью. Она все портит.

— Ты неправа. Третий не может ничего сделать извне. Вся суть отношений внутри — между двумя людьми. Внешняя сила может лишь заострить или смягчить внутреннее напряжение, но никогда не может его вызвать к жизни.

* * *

Нет ничего более постоянного, чем временное.

* * *

Его жена по утрам клала на глаза марлевые примочки, чтобы снять красноту и припухлость век; на работе сослуживцы не должны видеть следы ночных слез.

* * *

Многие культурные традиции считают брак нерасторжимым. Дидро же полагает, что нерасторжимость брака противоречит непостоянству, столь естественному у мужчин. Чему же следовать? Следовать нужно себе. Однако чему в себе: долгу? традиции? желанию? любви? привязанности? привычке? Да, хорошее дело браком не назовут.

* * *

Между любовницами и женами классово-антагонистические отношения. Для любой замужней женщины любая одинокая женщина — потенциальная шлюха.

Дети

Когда Ваське был год, я играл с ним в игру: приговаривал детский стишок и чуть-чуть притрагивался при этом пальцем к личику. «Стенка, стенка», — при этом я трогал одну, а потом другую щечку, «потолок» — при этом я трогал лобик, «электрический звонок» — я чуть-чуть нажимал на Васькин носик. Из-за этой игры Васька с детства зовет меня Носиком.

* * *

Оказывается, Васька оговаривается, и называет его Носиком. Васька отчужден от меня, напряжен, видимо, не понимает, что же происходит. В доме появился новый мужчина.

Ведь он же говорил, что пока все не будет решено, он не будет устанавливать отношений с детьми! Оба вы безответственны!

* * *

Чингисхан страдал от какой-то болезни. Не в силах вынести боль, он однажды велел на глазах у него казнить младшего сына. Он болью пытался заглушить другую боль.

Видимо, существует потребность передать свою боль другому. Причиняя ей боль, я немного освобождаюсь от боли. Даже отношение к детям искажается, и иной раз, обижая их, я испытываю облегчение. Я знаю, что сегодня он у нее в гостях. Я звоню к ней. Подходит старший.

— Здравствуй!

— Здравствуй, Носик (теперь и старший так зовет меня).

— Мама есть?

— Нет, она с Васькой гуляет.

— Они с Васькой гуляют.

— Нет, она.

— Зачем ты меня обманываешь? Этого не надо делать, я все знаю. Мама с ним гуляют с Васькой.

— Нос, если ты будешь со мной так разговаривать, я вообще не знаю, что сделаю... Я с тобой... разговаривать не буду!

В голосе старшего слезы. Как я беспощаден и ужасен в этой сцене. Передать свою боль ребенку! Это чудовищно!

* * *

Сорока подкладывает свои яйца в гнезда других птиц. Она не знает категорического императива Канта. Острая потребность в детях и неполное осуществление этой потребности внутри семейного гнезда породили у него ужасающий комплекс сороки. И сейчас, находясь в безысходной ситуации и все еще обладая непререкаемым влиянием на нее, он в отчаянии и безрассудстве порой строил в воспаленном мозгу своем самые дикие и безнравственные ситуации. Он накажет человека, отнимающего у него возлюбленную, новым ребенком, которого она, находясь в браке, родит не от мужа, а от него. В этой ужасающей мысли он находил утешение мести, успокоение мужского самолюбия, анестезию от душевной боли и возможность сохранения ее любви.

Интермедия: нужно ли для творчества страдание

— Ты ставишь себе в заслугу, что подарила мне страдание.

— Да, заставить страдать такого эгоиста, как вы, почти невозможно. Вы в этом страдании очищаетесь. Я вас никогда не видела таким глубоким. Я уверена, что вы сейчас можете написать что-то значительное.

— Выброс творческой энергии от разрушительного страдания огромен, но счастливый человек способен на созидание больше, чем страдающий. Хотя счастье делает жизнь самодостаточной, творческая личность в счастье очень продуктивна и, если не ленится, творит гармонию. Однако чем

личность талантливее, тем скорее повергают ее люди в страдание. Поэтому оно стало спутником и почти непременным условием творчества. Творческая личность почти всегда существует в несчастливых обстоятельствах. Это создает легенду о том, что для творчества нужно страдание.

* * *

— Ты думаешь, что подарила мне стихи? Неправда! Ах, не стихи, а вдохновение? Нет, ты подарила мне страдание, а я нашел выход для боли и написал стихи и прозу.

* * *

Существует энтропия духа? Неужели и он устроен столь несовершенно, что его гармония возникает за счет нарастания общей дисгармонии мира?

* * *

В древности один скульптор отлил из бронзы быка, который был инструментом казни. В чрево быка закладывалась жертва, а под его брюхом разводили огонь. Пасть быка была сделана столь искусно, что крики, исторгаемые обреченным, вырывались наружу в виде мелодичной музыки. Кьеркегор говорит, что такова душа поэта. Ее страдания и мучения вырываются наружу в виде музыки.

* * *

В повести о треугольниках решаются жизненные задачи: помочь тебе сделать выбор, а мне пережить его. «И здесь кончается искусство и дышат почва и судьба».

* * *

— Эта повесть окажется интересна, если читатели будут спорить.

— Интимные проблемы решают не на референдуме.

— Любовь Ромео стала общечеловеческой проблемой.

— Но мнение человечества не помогло Ромео решить его проблемы.

— Однако юноши и девушки мира решают свои проблемы в свете опыта шекспировских героев.

— Когда ты в трагедийной ситуации, тебе не до передачи своего опыта другим. Опыт бы других использовать для решения своей ситуации!

— Ну вот, вы пришли к тому, что отрицали: интимные проблемы общезначимы. Обсудить бы, например, нужен ли кантовский императив в сфере любви?

Заходит ли в любви обман дальше недоверия

Смерч и ураган не способны произвести таких разрушений на земле и на море, какие способна произвести одна женщина в жизни и в душе мужчины.

* * *

Погружаясь в X век, читаю «Исэ моноготари». Утешаюсь. Снимаю боль гармонией искусства. Сколь вечны наши временные проблемы! В этой книге есть такой обмен стихами. Он ей говорит:

Если ты не со мной,—

Не развязывай нижней шнуровки...

Она отвечает:

Ту шнуровку, что вдвоем

Завязали мы,

Одна я, вплоть до встречи

С тобой, не сумею,

Видно, развязать!

* * *

— Я отпущу тебя. Сам уйду. Но заклинаю жизнью и смертью моей, твоей и детей (да, и детей!), чтобы ты не совершала предательства и не спала с ним, пока не решишь

окончательно выйти за него замуж и пока ты не скажешь мне об этом. Заклинаю! И попробуй переступить это заклятье!

— Однако это же не детский сад. Мы же не дети. Какой же жених — взрослый современный мужчина — будет решать в платонической ситуации для себя жизненную проблему женитьбы с весьма пожилой дамой почти сорока лет, с двумя детьми... Ну как вы себе это представляете? Я дура, что честно все говорю вам. Любая умная современная женщина сделала бы все по-другому.

— А может быть, ты уже и сделала. Откуда я знаю.

— За восемь лет вы плохо узнали меня. Жаль.

— Можно ли было, оставаясь в платонических отношениях, через месяц знакомства решать проблемы женитьбы.

— Он — йог, экстрасенс, врач — сразу по моему биополю определил, что я женщина его судьбы. Потом мы рассказали друг другу нашу жизнь и ощутили духовную близость.

— А потом?

— А потом приехали вы из отпуска, который проводили с семьей, и я вам все сказала.

— Все?

— Все.

— А как ты относишься к моему заклятью?

— Я его принимаю, хотя это может и разрушить наши с ним отношения.

— Геббельс говорил, что для того, чтобы ложь была принята за правду, она должна быть чудовищна. Кто вас, женщин, знает? Вы способны извлечь этот фашистский тезис из сферы политики и перенести в сферу любви. Если говорить почти все как есть и утаивать только что-то важное, то докопаться до истины почти невозможно. Мы преступили кантовский категорический императив, и расплатой за это навсегда будет мое недоверие к тебе, и моя попытка потоком сознания, выплескивающим бог знает какие мысли и образы.

* * *

Меня не было в Ленинграде. Я отдыхал с семьей в Крыму. Ты собиралась уехать в Баку к сестре, к которой еще раньше уехали наши мальчишки. Он тебя провожал. Вы

прощались. Ты была обижена на меня за то, что я отдыхаю не с тобой. Вот тут все и произошло. Ты отдалась ему. Я это вижу в мучительных снах ночами. Но разве ты признаешься в этом? Под пыткой не признаешься!

Рубеж перейден? Как мне убедиться в обратном? Если женщина очень хочет, она может доказать. Я мог бы тебе помочь доказать — потребовать клятву Васькиной жизнью. Однако я верю в мистику клятв и слишком люблю Ваську, чтобы рисковать! Если сама захочешь, поклянешься. А просить поостерегусь: ты, конечно, через Васькину жизнь не переступишь, но через риск (кто знает действенность клятв!) — перешагнешь.

* * *

Понимая, в каком аду я нахожусь, ты бросишься к телефону, и среди ночи я услышу: клянусь жизнью нашего Васьки, что я все еще только твоя, я не была с ним близка. Или ты не позвонишь. Сделаешь вид, что не заметила мои слова. И я сделаю вид, что не заметил, что ты притворяешься. И все пойму.

* * *

— Разрешите мне говорить откровенно, как и должен говорить друг.

Иногда женщина отдается мужчине от одиночества, от тоски, от чувства несовершенства бытия, из-за отсутствия возлюбленного и невозможности соединить с ним свою душу и тело, от усталости сопротивляться напору бытия и натиску мужчины... Если бы Наташа Ростова жила в XX веке, она отдалась бы Анатолю Курагину и, может быть, не стала бы от этого хуже. Ведь даже в своем XIX она была без пяти минут от этого поступка (проступка?). Какое это имеет отношение к вечности, с которой только и сопоставимо наше бытие. Женщина столь же нуждается в минутном утешении, заглушении тоски, как и мужчина. Воспринимай поверхностно или бери суть! На поверхности — ничего нет, ничего не изменилось, даже если что-то случилось. По сути — все прекрасно: она любит тебя и будет твоей. Не доискивайся до истины. Вспомни Кьеркегора: «К чему мне истина, я хочу покоя!»

— Все это верно. Однако не тогда, когда ты любишь, когда у тебя ребенок от этой женщины, когда не исключен новый ребенок. Тут нет равноправия. Мужчина изменит, и — как не было. Женщина принципиально несет в себе любую близость. И не только духовно, но порой физически. Измены мужчины — из дома, женщины — в дом. Поди разберись потом, чей ребенок. Существуют тончайшие генетические методы анализа по крови, способные открыть тайну рождения человека. Их введение в практику изменило бы моральную ситуацию эпохи, облик человечества. И, может быть, слава богу, что эти методы не в ходу. Не всякое незнание достойно разрушения.

Должен ли знать больной раком, что его ждет скорая смерть? Должен ли знать сын или дочь, что их отец, который их кормит и растит, — вовсе не отец? Должен ли знать мужчина, что его ребенок — не его ребенок? Нужно ли мне знать, что моя возлюбленная мне изменила, если это случилось? Обогастит меня это знание или разрушит? Освободит от недостойной? Но не похоже ли это на употребление хирургии в Ливии: по закону хирург в больнице должен отрезать вору руку. При ослепительном свете печальной истины, подаренной генетикой, влюбленный мужчина отсечет от своего сердца возлюбленную скальпелем презрения. Однако это — операция на сердце с трудными последствиями. Нужно ли ее делать? От чего она избавляет? От женщины, предавшей мужчину? От недостойной любви? От самого себя?..

Читаю «Максимы» Ларошфуко. Изящный, парадоксальный, пронзительный ум. Он все знает о наших сердцах и, кажется, пишет обо мне и о ней: «Когда человек любит, он часто сомневается в том, во что больше всего верит».

Только бы не потерять тебя

Я всегда боялся насильственной физической боли. Укол для меня — испытание.

Сейчас у меня часто бывают приступы боли в правом боку. Наконец, я собрался к врачу. Подозрение на камни

в желчном пузыре. По направлению врача отправляюсь в кабинет ультразвукового исследования. Жду очереди, нервничаю: если камни — неизбежна операция.

Я всегда играю с собой в одну игру. Если чего-либо очень хочу, я выкупаю это у судьбы, торгуясь с ней. Ну, например, я очень хочу, чтобы вышла новая книга, и я говорю судьбе: пусть опубликуют книгу и сорвется командировка в Германию. И мистика состоит в том, что так и случается. И вот я у дверей кабинета, где должна решаться моя судьба, говорю :«Черт с ним, пусть будут камни, только бы она осталась со мной...»

Я выхожу из кабинета. Диагноз: у меня камни.

* * *

Ну, вот что: с этим живодерством пора кончать. Или ты его посылаешь к такой-то матери, или я сам навсегда уйду по этому адресу.

* * *

Неужели трагический стих из «Исэ моногатари» скоро станет нашей с тобой реальностью?

И ждать тебя устала...

И только в ночь сегодня

Я ложе новое делю.

* * *

Свидания под часами протекают в сиюминутном времени, а у подножья Медного всадника — в историческом. Мы всегда встречаемся у Гром-камня.

Мы пришли на горькое свидание. Последнее? Или нам удастся не потерять друг друга? Мощный властелин судьбы прищипорил бронзового коня и на высоте уздой железной поднял его на дыбы. И эта державная мощь нависла и несется над нами, благословляя нас своими тяжелыми копытами.

* * *

Поток сознания несется, и боль то утихает, то вновь

обостряется. Мериме знал про это: «Дьявол, присутствуя невидимкой, подслушивает несчастного, который себя мучит. Такое зрелище забавляет врага рода человеческого. И как только жертва чувствует, что раны ее подживают, дьявол снова спешит разбередить их».

* * *

Не помню, когда бы я плакал. Только в детстве. Рыдаю в твоих объятьях как ребенок. Ты меня ласкаешь и говоришь волшебные слова:

— Мой любимый, мой дорогой. Ну, не страдай так, я твоя. Я не виню тебя, что ты не можешь уйти ко мне. Но не казись сам и не казни меня.

Я над тобой уже не властен.

Я помогу тебе уйти.

Ты уходи по трупам к счастью.

Они как шпалы на пути.

Они как дни любви и света,

Убитые теперь тобой...

* * *

Стать любовником выходящей замуж моей любовницы?

* * *

Уход из дома — проблема, которую нельзя решать под дулом пистолета.

* * *

— Ты бессердечен. Это я тебе говорю — твоя мать. Как же ты можешь даже думать о том, чтобы после тридцати лет совместной жизни обрекать жену на одинокую старость? Она уже не устроит свою жизнь. Можно ли так поступать с женщиной. Ты меня убиваешь своей жестокостью. Я этого не перенесу. Отпусти ты замуж эту женщину. Дай ей устроить свою жизнь.

— Мама, ты хочешь спасти мою жену и убить меня. Если от этого тебе будет легче — настаивай на своем.

— Я ни на чем не настаиваю, я просто плачу.

Я тебя отлюбил, отласкал.
Будет пусть все в конце, как в начале.
Словно бубен, ответит на горстку доска.
Я тебя отлюблю, отпечалю.

Мнение его подруги: я буду анестезией твоей боли

— Тебе важно понять, как она решает проблему своего замужества: адекватно или компенсаторно.

— Разве эту проблему можно выразить в таких философско-математических терминах?

— Не в терминах суть. Они инструменты мысли. Мне удобно пользоваться этими инструментами.

Если она поступает адекватно себе, то ты должен ее отпустить или, вернее, не сможешь ее удержать. Любовь — это эгоизм. Если она его полюбила, то ты ей не нужен. Тебе остается стиснуть зубы и забыть ее. Я тебе помогу.

— В пучину, в которой я тону, не докинешь спасательный круг.

— Я готова броситься за тобой. Однако скорее всего пучина расступится и ты посуху пойдешь. Ты везуч. Это какая-то мистика: ты хочешь сесть в такси, и оно появляется. Ты всегда вытаскиваешь лучший жребий.

Твоя возлюбленная устала от твоей непроницаемости. Ты закрыт для людей. Это прекрасное мужское свойство великолепно для деловой жизни, но его трудно снести в любви. Она захотела выявить, любишь ли ты. Замужество — игра, затеянная ею чисто инстинктивно. Игра эта беспощадна: ты можешь даже погибнуть, но будет внесена определенность в ее жизнь. Ты или уйдешь к ней, или она останется с тобой на любых условиях. Однако для нее, да и для тебя, проявится во всем объеме, в своих реальных очертаниях мера твоей любви. Ты, даже оставив все по-старому, не сможешь относиться к ней по-старому. Ваша жизнь обогатится новыми красками, новой глубиной твоего отноше-

ния, а это именно то, что подсознательно и было ей нужно. Масштабы твоей личности она знает, и это держало всю ситуацию все эти годы. Как только она узнает масштабы твоей любви, она успокоится и за свое настоящее, и за свое будущее, даже если ты не уйдешь к ней, она успокоится, и ее нынешний жених окажется ей совершенно ненужным. Его достоинства для нее и сейчас не стоят твоего прикосновения.

Объясни ей, что глупые мужчины меняют жен, умные — любовниц. Нелепо всю жизнь тратить на совершенствование жизни. Когда-то нужно просто жить. Есть потолок в наборе высоты у каждого самолета, и есть оптимальный высотный режим полета. Нельзя зарываться в оголтелой устремленности к лучшему и бесконечно менять города, квартиры, профессии, работы, мужей и возлюбленных. По крайней мере, надо делать перерывы между революциями в своей жизни. Иначе можно с очередной взятой с боя высоты рухнуть.

Твоя возлюбленная рвется к революционному совершенствованию своей жизни, революции же всегда разрушительны. Перманентные тем паче.

* * *

— Я хочу объяснить, почему она бросает тебя. Ты думаешь, дело в том, что ей нужно выйти замуж, она боится одинокой старости? Боится, что дети ее будут одиноки? Матерьяльные неурядицы? Чепуха! Самая разумная женщина, когда она любит, совершенно не заботится о будущем и живет сегодняшним днем.

Дело не в тех причинах, о которых она вполне искренне говорит. Есть поговорка: руби сук по себе. В буквальном смысле: руби такой сук, какой сможешь нести. Переносный смысл: не бери себе в возлюбленные человека, который тебе не пара. Крупная личность привлекательна. Такой мужчина льстит самолюбию женщины, он заставляет ее расти, подниматься вверх. Однако женщина устает от сложности этого человека, от его ума и его безумств. И женщина ищет ровню. Рядом с Моцартом — устаешь, с Сальери — проще и удобнее.

— Такой лживой лестью можно подкупить мужчину.

— Этого и хочу.

— Тогда ты на верном пути.

— Нет. Это прекрасный метод воспитания талантов. Его применил один школьный педагог в своем классе. Он не ставил плохих отметок, не ругал своих учеников, а только хвалил. Когда у него спросили: ну а если у вас появляется отстающий, что же вы делаете? Учитель ответил: тогда очень хвалю.

— Ты, видимо, решила воспитывать из меня Моцарта.

— Я хочу утешить тебя в беде и дать счастье, которое она у тебя отнимает: «Если тебе понадобится моя жизнь — приди и возьми ее». Что мне для тебя сделать?

— Иногда будь несогласна со мной, чтобы нас было двое.

— Я любила человека. Он меня оставил. Я искала утешения в близости с нелюбимым. Ничего не получилось: прикосновения — чужие, все не то. До тошноты не то. Не фигурально, а физически до тошноты. Не те пальцы. Не те губы. Он стал мне отвратителен. Быть с ним оказалось хуже, чем быть одной.

— Мужчины примитивнее... Но в твоём рассказе надежда. Если она меня любит, то ее будет тошнить от его прикосновений. И я спасен! Она не сможет уйти. Или перекалечит себе жизнь.

— «Перекалечит себе жизнь», — ты это говоришь почти злорадно.

— Любовь — самое эгоистическое из чувств.

— А как же пушкинское: «Как дай вам бог любимой быть другим»?!

— Ты права. Мне стыдно. Я желаю ей добра и без меня.

Слезами

смотрю в твоё окно.

Сердцем

стучу в твою дверь.

То, что ты не моя,

все равно,

Мне все равно теперь.

Я теперь

только добрый друг.

Хочешь помни,

а хочешь — забудь.

Поцелуем коснусь твоих рук:

Будь ничьей,
 будь чужой,
 только будь.

Добрый друг,
 в добрый час,
 добрый путь.

Только будь. Нет! Не будь! Умри. Лучше пусть я умру.
 Это непереносимо.

На вершине Мира

В старину говорили, что души разлученных влюбленных встречаются в ином мире. Там же встречаются их сны.

* * *

Как это произошло? По волшебству? Она оказалась на вершине знаменитого восьмитысячника. Немногие счастливицы ценой нечеловеческих усилий забирались на эту вершину мира.

Горы в белоснежном уборе, как невеста на свадьбе. А она — на вершине вершин в ярко-красном приталенном платье. Воздух разрежен, но свеж и прохладен. Небо фиолетово-прозрачное, и, несмотря на яркий свет солнца, золотые крупные звезды, как черешни, висят над ее головой. Она сняла трубку телефона, стоящего на уступе скалы, и набрала номер своего жениха.

— Я слушаю.

— Это я.

— Ты откуда звонишь?

— С Джомолунгмы.

— Боже мой, что с тобой случилось? Какая Джомолунгма? Ты больна? Я сейчас приеду

— Я здорова. Ты сюда не взбирайся. Сюда летит мой учитель.

— Что происходит? Где ты?

— Я очень высоко. Я на вершине любви.

— Где-где?

— На седьмом небе.

— Ты хочешь сказать, что счастлива?

— Да, почти. Я сделала выбор. Больше не звони. Не ищи встреч. Я люблю моего учителя. Прости, что запутала тебя в мои беды.

— Останься моим другом.

— Не могу — ему будет больно, а дороже его у меня никого. Прощай.

— Не вешай трубку. Поговори со мной. Все равно о чем.

— Не могу. Я ощущаю его приближение.

— Это же только твой сон. В жизни никакой Джомолунгмы вообще нет. Это лишь географическое обозначение.

Она повесила трубку, легла в снег и решила во сне ждать его прилета.

Он с детства летал во сне. Захватывающее ощущение. Слышал, что этот сон снится детям, когда они растут. Однако он стал взрослым, а полеты во сне не прекращались. Когда это ощущение приходило, оно сохранялось целый день, и он помнил, как это делается. Нужно согнуться так, чтобы верхняя часть туловища была параллельна земле, затем мысленно опереться на солнечное сплетение, оторвать ноги от земли, распластаться и лететь.

Этот сон всегда был праздничен, а полет казался таким естественным делом, что во сне он не раз решал, что повторит полет наяву. Он был убежден, что все получится, что техника полета проста и доступна. Однако он почему-то никогда не пытался полететь наяву. Сегодня же решился и, не боясь упасть, легко оторвал ноги от земли и полетел. Набирать высоту он не умел и мог лететь только параллельно земле на высоте в половину человеческого роста. Он летел по Невскому, и прохожие следили за его полетом без удивления. Он легко облетел Медного всадника и другие препятствия и двигался относительно окружающих предметов, как ему казалось, с небольшой скоростью, впрочем, обгоняя автомобили. Однако в его полете была и какая-то загадка: медленно передвигаясь относительно ландшафта, он почти мгновенно оказывался в иной точке земли.

Я не знал, куда и зачем лечу, но хорошо знал, что к счастью, и вскоре увидел зелень лугов, синь озер, а потом неожиданно начались оранжевые просторы пустыни. Я перелетел через Стену плача. Вечер наступил неожиданно

быстро, и тень ночи обогнала мой полет. Песок не остыл от дневного жара. Горизонт заката пылал автогенном. Пудрила пудрой рашель Сахара меня, и любимую, и Карфаген. Библейская пальма взмахнула крылом, и звезды в ночи закричали по-птичьи. И хлынул тут мир через сердце мое. Раскрылась жизнь в первозданном величье.

Когда летишь над пустыней, твое солнечное сплетение чувствует тепло остывающего в ночи песка. Повернул на восток и оказался в предгорьях огромного горного массива. Земля дыбилась и выпирала в небо. Полет усложнился: приходилось обтекать препятствия и подниматься по склонам гор, стараясь сообразовывать движение с горным рельефом. Забрезжил рассвет. Ощущение радости и приближающегося счастья усилилось.

Он уже был на невысказанной высоте, страшные пропасти обрывались вниз. Его солнечное сплетение ощутило холод скал, покрытых снегом. И вдруг сноп света ударил из-за горизонта, и он увидел царицу горных вершин в бриллиантовых кристаллах снега, и в каждой снежинке, просвеченной солнечным светом, горела и переливалась семицветная радуга. На вершине, уютно свернувшись клубком в снегу, не боясь холода, спала она в том самом красном приталенном платье, которое он собирался ей подарить. Когда он приблизился, она открыла глаза и встала. Он опустился на снег у ее ног, и она сказала:

— Я люблю вас, и это сильнее моей мечты о семье. Бог вам судья. Живите как хотите. Я никуда от вас не уйду. Буду вас любить и втайне надеяться, что когда-нибудь вы поймете меру моей любви и однажды придете в мой дом, чтобы никогда его не покинуть. Я останусь с вами не ради этой надежды, а ради нашей любви. Расстаться с вами навсегда оказалось еще страшнее и горше, чем терять вас каждый вечер, когда вы смотрите на часы и торопитесь домой, в вашу семью.

* * *

Он проснулся и наугад открыл знаменитую книгу Франсуа Рабле, лежавшую у его изголовья, и прочел: «Снилась мне всякая всячина, но я ничего не понял».

Так наивно кончилась моя повесть. Однако жизнь дописала эпилог.

Эпilog. Мышеловка

Одна из самых драматических сцен мирового театра — представление бродячих актеров в «Гамлете» — называется «мышеловка». Подозреваемый в убийстве короля дядя Гамлета смотрит на разыгрываемый бродячими актерами эпизод цареубийства. Гамлет не смотрит на представление, а вглядывается в лицо дяди и, увидев смятение, убеждается, что дядя преступник. С этого момента кончается завязка трагедии и начинается борьба, ведущая к гибели всех персонажей.

Когда я тебе сказал, что ты можешь мне доказать страшной клятвой, что у тебя с ним отношения все еще платонические, я вглядывался в твое лицо так, как Гамлет в лицо своего дяди в сцене «мышеловка». Лицо твое было смятенным и покрылось красными пятнами. А еще через минуту ты по самому незначительному поводу впала в истерику и разразилась рыданиями. Вскоре я ушел.

Всю ночь я не спал и ждал твоего звонка. Ты не позвонила. Тебе нечего было мне сказать. Я наивный доверчивый идиот. Ну как могло быть иначе? Как можно было выстроить отношения за месяц со взрослым мужчиной без этого? Какой-то лепет о романтическом экстрасенсе я мог принять за правду!

Ты с ним спишь. Наверное, даже кончаешь, и тебя не тошнит от того, что ты любишь меня, а спишь с ним. Бывает и такой тип женской сексуальной организации. Твои уверения в любви — слова, слова, слова. Смягчающие обстоятельства: ты жила тяжело, я не был к тебе внимателен и порой обрекал тебя на одиночество. Отягчающие обстоятельства: я сражался за тебя, я в тебя вложил все силы души моей. Приговор: это предательство! Я дрался за тебя и из-за этого лишился работы, ежедневно занимался твоим жизненным устройством, а ты в это время выстраивала новые отношения и спала с ним.

В мышеловку попали и ты, и я. Каждый в свою. Ситуация стала безнадежна и необратима. Отпустить тебя на том ужасающем условии, что ты родишь в новом браке нового ребенка от меня, на безнравственном условии, которое мы вымучили и которое могло бы меня по-мужски утешить? Од-

нако я не могу теперь ничему верить. Уйти к тебе, бросив все? Однако я не смогу тебе простить предательство. Если ты теперь под нажимом обстоятельств даже поклянешься, что сохранила мне верность,— я не поверю, что ты не клятвопреступница. Мы теряем друг друга. Или все с нуля: ты его прогоняешь. Однако и тогда я не буду уверен, что ты с ним тайно не встречаешься и не сохраняешь на всякий случай отношений. Мы в мышеловке. Каждый в своей. Нарушение категорического императива обернулось против нас.

* * *

Шекспир сказал: «О женщины, вам имя вероломство».

* * *

Я целое утро разыскивал тебя. Не нашел. Вечером ты отдала машинистке мою рукопись и получила с машинки его рукопись. Я понял, что ты отвезешь ее утром. Я встретил тебя днем измученный подозрениями, измученный тем, что ты была с ним. Я спросил: ты была у него? Ты перечислила все дела, которые делала утром, и сказала, что была в библиотеке. Я там тебя искал. Ты солгала. Я проводил тебя домой. Дома его рукописи не было, и ты вынуждена была признаться, что встречалась и отдала ему рукопись. Так между нами встала ложь. Так утрачена была моя вера в тебя. Поняв все это, ты поклялась старшим сыном, что между тобой и им ничего еще не было. Васькой ты клясться не захотела. Я так нуждался в том, чтобы тебе поверить, что я почти поверил.

Меня обманывать не нужно,

Я сам обманываться рад.

Мы вышли из своих мышеловок, но наши хвосты остались защемленными захлопывающими устройствами.

* * *

Психологи проводили такой опыт: мыши в одной клетке подвергались электрошоку на глазах у мышей, которые в это время пребывали в комфорте и имели много пищи. При этом те мыши, которые были в комфортной клетке, накло-

няясь к кормушке, замыкали цепь электрошока и казнили своих соплеменниц. Они покупали свое удовольствие и сытость мучениями других. Первая группа комфортно устроенных мышей, взирая на мучения соплеменниц, не могла спокойно есть. Вторая группа могла спокойно есть, однако, побывав в электрошоковой клетке и вернувшись в комфорт, лишалась способности есть ценой страданий своих соплеменниц.

Третья группа мышей оставалась бесчувственной к страданиям других, даже побывав в аду. Я принадлежу, видимо, по психическому складу ко второй группе. Я, перенеся страдания, больше не буду причинять их тебе. Ты же, наверное, принадлежишь к четвертой группе, не предусмотренной опытом, ты ожесточилась после перенесенных страданий и испытываешь удовольствие, обрекая меня на электрошок в клетке, в которую я загнан жизнью.

* * *

А когда ты спишь со мною, ты вся моя. Ты так меня любишь и так страдаешь, что я через час уйду...

* * *

«Навек прощай и помни обо мне».

* * *

Вдруг из памяти всплывают строки Гумилева:

Или бунт на борту обнаружив,
Из-за пояса рвет пистолет
Так, что золото сыплется с кружев,
С розоватых брабантских манжет.

— Ну вот что. Уход из дома — проблема, которую нельзя решать под дулом пистолета. Может быть, я потом уйду, может быть — нет. Не знаю. А жить в том аду, в каком мы живем, разрушая и убивая друг друга, больше нельзя. Выбирай.

Или ты остаешься со мной, несмотря на запутанность моей жизни и непредсказуемость ее на будущее. Тогда ты сейчас же звонишь к нему и говоришь: прости, что я заморочила тебе голову. Я люблю другого мужчину.

Или я сейчас же безвозвратно ухожу из твоей жизни. Не прощаясь и не прощая. Навсегда. Не оглядываясь. Твердой походкой железного командора, стиснув зубы. Уйду и, если смогу, то даже буду жить. И, если смогу, то даже постараюсь быть счастливым или, по крайней мере, добрым к людям.

КОРОТКИЕ СООБЩЕНИЯ

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД «РБ»

В эти нелегкие времена, которые переживает сейчас Россия, мы с особой благодарностью отмечаем: есть нечто, что не поддается инфляции. Это благотворительность.

Благотворительный фонд «РБ» продолжает свою работу. Для оказания помощи писателям-ветеранам поступило:

От Ольги Юльевны Карповой (Москва) —	18.000 р.
От Д. Ю. (Москва) — даритель предпочел остаться анонимным —	10.000 р.
	Итого . . . 28.000 р.

На развитие российской культуры:

От Юрия Борисовича Борева — 10 процентов гонорара от авторского номера «Русского богатства».

* * *

Обращаемся к читателям, организациям, фирмам, кооперативам, которым не чужды благотворительные цели и устремления, вносить свои средства в благотворительный фонд «Русского богатства». Имена дарителей будут публиковаться на страницах журнала.

Наш расчетный счет № 345005 в АКБ «Авиабанк». Корр. счет 161820, МФО 299112.

Адрес редакции: 129010, Москва, Астраханский пер., 5 кв. 86. Контактные телефоны: 284-63-96, 280-06-13.

Эстетика Троцкого и сталинская культурная политика

Троцкий прожил яркую жизнь революционера и прожектера, полководца и партийного руководителя, фанатика мировой революции и идеолога казарменного социализма, борца против тирании Сталина и претендента на его место со всеми вытекающими из этого последствиями. В отличие от вождей, которым судьба уготовила тюрьму, Троцкому суждена была сумá. Он умер в Мексике, в изгнании, от руки сталинского наемного убийцы, и в смертный час кровь обогрела страницы рукописи последней его книги — книги о Сталине.

Осмысливать политическое наследие Троцкого — дело историков. Я рассмотрю его эстетику.

Основной труд Троцкого по этой теме, «Литература и революция», опубликован в 1923 году и включает работы 1907—1923 годов. Книга не писалась как единое произведение, но она структурирована и обладает целостностью: в ней все объединено личностью автора и материалом эпохи. Книга стала библиографической редкостью, она входила в разряд запрещенной литературы. Что же таит в себе этот «запретный» теоретический плод и насколько он сладок?

В сочинении Троцкого мы встретим немало шаблонов, продиктованных классовым фанатизмом и пренебрежительным отношением к общечеловеческим ценностям в культуре, которые, впрочем, в отличие от некоторых позднейших партийных теоретиков, Троцкий все же признавал. И все-таки на его теоретическом сознании, ограничившемся усвоением идей Гегеля и Маркса и не прошедшем через эстетическую школу Аристотеля, Платона, Канта, лежит печать вульгарного социологизма — этой пандемической болезни почти всей «р-р-революционной» критики и эстетики. В результате —

Троцкий полагает исторически правомерным исключение из культуры целых слоев русской интеллигенции начала XX века: ...«военное крушение режима надломило позвоночник междуреволюционному поколению интеллигенции». Насчет позвоночника, к сожалению, верно — он не мог выдержать огромную тяжесть пролетарской диктатуры. Однако именно это междуреволюционное поколение интеллигенции, о котором так язвительно пишет автор, дало русской культуре послеоктябрьские произведения Белого, Блока, Мандельштама, Ахматовой и создало русскую культуру зарубежья, хотя Троцкий излишне поспешно утверждал, что «эмигрантской литературы не существует».

Троцкий — уникальный партийный вождь, проявивший эрудицию в художественной культуре. Это преимущество объясняется отчасти культурным уровнем его партийных коллег-соперников. Он не был академическим исследователем. У него нет эстетического профессионализма, он не создавал эстетической системы. Он выступает не как серьезный ученый, а как тенденциозный политик. Например, у Троцкого нет единого принципа членения литературного процесса: он исходит то из чисто политических критериев («мужиковствующие», «попутчики»), то из собственно художественных (реализм, символизм, футуризм).

Местами его сочинения скучны: «классовость искусства» давно набила оскомину. Местами — интересны: «Слушайте музыку революции!» — этот призыв был близок и Блоку, и Маяковскому, и, читая Троцкого, ты его слышишь.

«Литература и революция» принадлежит прошлому и по системе взглядов, и по трактовке литературных явлений. Вместе с тем, автор проявил известную эстетическую прозорливость и вкус. Так, Леонида Андреева он называет наиболее громкой, если не наиболее художественной, фигурой межреволюционной эпохи, он одним из первых отмечает высокую одаренность Анны Ахматовой. На страницах книги читатель найдет имена Розанова, Есенина, Тихонова, Мережковского, Гиппиус, Кузмина, Замятина и многих других писателей, без которых нет истории отечественной литературы XX века. Здесь же встретятся и имена живописцев, и размышления об архитектуре, театре, живописи. Перед нами общеэстетические идеи, развиваемые на богатом конкретном материале. При этом в соответствии с традициями оте-

чественной эстетики, отражающими удельный вес литературы в русской художественной культуре, в основе рассуждений Троцкого лежит в первую очередь литературный материал.

Сегодня, когда завершился целый цикл социального развития, интересно и поучительно смотреть на его первые шаги. С исторической вершины последнего десятилетия века четко видно «поток рождение и первое грозных обвалов движение». Некоторые обвалы культуры провоцировал сам Троцкий своей эстетикой и критикой, а некоторые культурные погромы взяли исток в его деятельности. Как охарактеризовать его эстетику? Какое место в цепи культурных событий века ей можно определить? Троцкий оправдывает жестокую советскую цензуру, как направленную против «союза капитала с предрассудком». Насилие над культурой, творившееся в годы революции, воспринималось им как нормальное и необходимое, а Горького, который пытался противостоять этому насилию, Троцкий малопочтительно называет «достолюбезным псаломщиком». В такого рода пассажах сегодня нам видится человек, который при слове «культура» хватается за маузер. И это видение реально, но оно еще не дает полного представления об эстетической концепции Троцкого.

Троцкий, не обладая широкой эстетической базой, внимательно прочел Маркса и стал связующим звеном между до-революционной марксистской искусствоведческой мыслью и вульгарно-социологическими теориями 30—50-х годов. В исторической цепи развития советской эстетики Троцкий — звено между Плехановым и Ждановым, и пока на упоминание о нем было наложено табу, не вполне ясны были истоки постулатов эстетики антипода и врага Троцкого — Сталина. Последний питал к Троцкому такую ненависть, что приговорил его к смерти. И был к нему настолько равнодушен, что в первую годовщину революции назвал Троцкого ее творцом и потом многие годы перечитывал страницы его сочинений. Троцкий внушал малообразованному Сталину пietet, зависть и желание быть на него похожим. Не случайно характерное сталинское словечко «низкопоклонство» взято из работ Троцкого.

Родственность эстетики Сталина — Жданова с эстетикой Троцкого — в вульгарно-социологическом классовом подходе к искусству, в сведении художественного содержания к его

политическому и идеологическому эквиваленту, в уходе от понимания искусства в духе общечеловеческих ценностей. Разница лишь в том, что Сталин более последовательно проводил в жизнь эти принципы. Троцкий же делал некоторые благотворные отступления от последовательной идеологизации искусства. Именно это позволяло ему, вопреки другим партийным деятелям, и увидеть в Есенине не хулиганствующего люмпена, а поэта, и оценить высокую одаренность Ахматовой, о чем я уже упоминал.

И все же именно Троцкий заложил советскую традицию оценки художественных явлений не с эстетической, а с чисто политической точки зрения. Он дает политические, а не эстетические характеристики явлений искусства: «кадетство», «присоединившиеся», «попутчики». В культуре есть почва — традиции, но не бывает удобрений — пегасы не производят навоза. Сократ, провозгласивший, что корзина с навозом прекрасна, если она полезна, в известном смысле был предтечей не только утилитаризма в эстетике, но и его продолжения в вульгарном классовом подходе, для которого нравственно и художественно то, что революционно и политически выгодно. Не пройдя через рефлексию кантианской идеи о бескорыстности эстетического отношения, мысль Троцкого оказалась склонна к утилитаризму. Пройти же кантовскую школу эстетики мешала предвзятость. Он пишет: «От материализма и «позитивизма», отчасти даже от марксизма, через критическую философию (кантианство) — интеллигенция с начала столетия передвигалась к мистицизму».

Как бы то ни было, Сталин, Жданов и Троцкий в отношении к искусству «близнецы-братья». Если же отвечать на вопрос: «Кто более матери-истории ценен?», то можно сказать: эстетика Сталина сыграла более разрушительно-формирующую роль и наложила реальную печать на художественный процесс и потому, что своей примитивностью была привлекательна для массы, и потому, что воплощалась в жизнь через могучую тоталитарную власть. Эстетика Троцкого имеет известные преимущества перед сталинской: она опирается на более широкую культурную эрудицию.

В политике и в культурной политике Троцкий выступает как истинный сталинист, а Сталин — как истинный троцкист. Троцкий, например, безоговорочно одобряет революционный террор как историческую необходимость. Эта необходимость

проявит себя крещендо и приведет к гибели и соратников, и противников Троцкого, и его самого, и многих не имевших к нему отношения людей. Сколько крестьян, рабочих, интеллигентов погибнет в этом огне! Наивно надеясь, что насилие не будет применяться в личных целях, Троцкий с фанатичной беспечностью, бездумной жестокостью и восторгом пишет: «Революция, применяющая страшный меч террора, сурово оберегает это свое государственное право: ей грозила бы неминуемая гибель, если бы средства террора стали пускаться в ход для личных целей. Уже в начале 18-го года революция расправилась с анархической разнузданностью и вела беспощадную и победоносную борьбу с разлагающими методами партизанщины».

Теоретически невнятная идея Сталина о существовании буржуазных и социалистических наций и вычеркивание из состава народа его «врагов» предвосхищаются мыслями Троцкого о нации. Он разделяет нацию и видит национальное за «прогрессивным», «передовым», «классово-революционным», а другой половине в этом отказывает: «Варвар Петр был национальнее всего бородатого и разужоренного прошлого, что противостояло ему. Декабристы национальнее официальной государственности Николая I с ее крепостным мужиком, казенной иконой и штатным тараканом. Большевизм национальнее монархической и иной эмиграции, Буденный национальнее Врангеля, что бы ни говорили идеологи, мистики и поэты национальных экскрементов». Здесь взгляды Троцкого соприкасаются со взглядами Ленина, для которого существуют две культуры в каждой национальной культуре. Согласно Троцкому, в динамике своей национальное совпадает с классовым и во все критические эпохи нация ломается на две половины, и национально то, что поднимает народ на более высокую хозяйственную и культурную ступень. С этим невозможно согласиться, ведь в том и суть гражданской войны, что по обе стороны линии фронта стоит один и тот же народ.

Сходство многих постулатов Сталина и Троцкого свидетельствует, что их борьба была больше борьбой за личную власть, нежели борьбой за иной исторический и культурный путь развития.

Нередко Троцкий думает совсем по-сталински: кто не с нами — тот против нас; главное в искусстве — содержание и политическая ориентация; писатели оцениваются в соответ-

ствии с критерием — за революцию или против. А разве не по-сталински звучит формулировка «переплавка человека»? Какая же степень насилия огнем и ковкой в этом тезисе-образе?

Троцкий проявляет известную осторожность, формулируя принцип отношения партии к искусству. Некоторая осторожность даст себя знать вскоре и в известном постановлении партии по проблемам литературы (1925 год). Позже Сталин и Жданов отбросят эти полукорректные принципы воздействия на искусство. Однако не следует идеализировать идею Троцкого о культурной политике: в ней есть и похвальное желание учесть специфику искусства, и жесткость, «мнущая тебя, подтягивая вожжи». Он пишет: «Есть области, где партия руководит непосредственно и повелительно. Есть области, где она контролирует и содействует. Есть области, где она только содействует. Есть, наконец, области, где она только ориентируется. Область искусства не такая, где партия призвана командовать. Она может и должна ограждать, содействовать и лишь косвенно — руководить. Она может и должна оказывать условный кредит своего доверия разным художественным группировкам, искренно стремящимся ближе подойти к революции, чтобы помочь ее художественному оформлению. И уж во всяком случае партия не может стать и не станет на позицию литературного кружка, борющегося, отчасти просто конкурирующего с другими литературными кружками». В этих формулах мысль Троцкого колеблется от известной терпимости в отношении литературы до настойчивого подчеркивания необходимости повседневного партийного вмешательства в нее. Другими словами, вместе с известным либерализмом он высказывает согласную с Лениным мысль о недопустимости самотека в литературном процессе. При этом Троцкий огрубляет и ужесточает требование вмешательства и доводит его до перманентности и постоянства: «Совершенно очевидно, что и в области искусства партия не может ни на один день придерживаться либерального принципа *laissez faire, laissez passer* (предоставьте вещам идти своим ходом)».

Ни на один день! Вот ведь как суров. И дорого будет стоить культуре эта суровость. Далее Троцкий пишет: «Дело ведь вовсе не так обстоит, что у партии есть по вопросам будущего искусства определенные и твердые решения... Ни-

каких готовых решений по вопросу о формах стихосложения, об эволюции театра, об обновлении литературного языка, так же как — в другой плоскости — у нее нет и не может быть готовых решений о лучшем удобении, наиболее правильной организации транспорта и совершеннейшей системе пулемета».

Слава богу, хотя бы «нет твердых решений»! Но они скоро появятся, и Троцкий это допускает. Анализ же его суждений на фоне последующих исторических событий убеждает в том, что вмешательство любой политической организации в художественный процесс идет во вред и политике, и литературе. Чтобы понять это, художественной культуре нужно было пережить годы сталинского террора, кампании по всяческой борьбе, доклады Жданова, опору Хрущева на «автоматчиков» в литературе, «бульдозерную» выставку и Манеж, годы брежневского застоя, психушек и изгнания художников из страны.

Эстетика Троцкого жила в последующем литературном развитии. Так, состоявшаяся в конце 30-х годов в журнале «Литературный критик» полемика «вопрекистов» и «благодаристов», споривших о взаимоотношении мировоззрения и творчества писателя, была полемикой вокруг важных вульгарно-социологических постулатов эстетики, заданных Троцким.

С начала 30-х годов Троцкого не читали, не упоминали, но в памяти, в подсознании, в устной традиции без идентификации с социально проклятым его именем жила как теоретический фольклор троцкистская эстетика. Категориальный аппарат критики, ее методология, теоретические идеи литературы, само литературоведческое осознание истории советской литературы и в его слабых, и в его ошибочных, и в некоторых положительных моментах до последних лет опирались на концепции Троцкого. Ведь прижизненные критические оценки произведений писателей накладывают печать на суждения последующих поколений (так Белинский наложил печать на литературу и критику XIX века). Стереотипы современной оценки накладываются на позднейшие. Это общая закономерность. В соответствии с ней Троцкий принял участие в формировании наших взглядов на советскую литературу. Вычеркнутый из жизни и из культуры своей родины, он жил в головах ее идеологических руководителей не только в виде проклятой личности, но и в виде осевших на

самое дно их сознания и даже подсознания троцкистских эстетических постулатов и установок. Троцкий — один из немногих критиков своего времени, охвативших всю основную литературу эпохи. Он определил многое в последующих литературоведческих концепциях и во взглядах читающей публики.

Особое место в литературном процессе отводит Троцкий критике. Она, по Троцкому, наводит герменевтический мост взаимопонимания от души читателя к душе художника и этот мост зиждется на вульгарных утилитарно-социологических опорах классовой принадлежности. При этом «социальный критерий не исключает, а идет рука об руку с формальной критикой, т. е. с техническим критерием мастерства».

Политический утилитаризм часто затмевает эстетическое сознание Троцкого. Он пишет: «Творчество Демьяна Бедного есть пролетарская и народная литература, т. е. литература, жизненно нужная пробужденному народу. Если это не «нетинная» поэзия, то нечто большее ее». Социальная польза произведения важнее его художественных достоинств — эта мысль Троцкого войдет в культурный обиход и дорого будет стоить нашей культуре. Впрочем, трудно приписать первооткрытие этой мысли Троцкому. Этот социально-утилитарный взгляд на искусство в обстановке бесконечной борьбы десятки людей открывали для себя сами. Какой-нибудь Ксечетов, ненавидящий Троцкого и не ведающий, что творит, утверждал в унисон ему: в искусстве важно не как, а что.

Руководствуясь вульгарно-социологическими инструментами классового анализа искусства, Троцкий находит антикрестьянские мотивы в творчестве Блока, Пильняка, серапионов, имажинистов, футуристов (Хлебникова, Крученых, Каменского). Он полагает, что мужицкая основа нашей культуры — вернее, бескультурная — обнаруживает все свое пассивное могущество. По мнению Троцкого, русская революция — это крестьянин, ставший пролетарием и на крестьянина опирающийся. Наше искусство — это интеллигент, колеблющийся между крестьянином и пролетарием. Эти литературно-критические представления нашли свое политическое воплощение в знаменитом сталинском определении интеллигенции как прослойки между классами.

В области литературоведческой методологии мысль Троц-

кого вращается между формализмом и вульгарным социологизмом и отдает предпочтение последнему. Он довольно поверхностно понимает формализм: «Объявив сущностью поэзии форму, эта школа свою задачу сводит к анализу... этимологических и синтаксических свойств поэтических произведений, подсчету повторяющихся гласных и согласных, слогов, эпитетов. Эта частичная работа, «не по чину» называемая формалистами... поэтикой, безусловно нужна и полезна, если понять ее... служебно-подготовительный характер. Она может войти существенным элементом в технику поэтического ремесла, в его практическую рецептуру». Как видим, Троцкий не отвергает формальный анализ произведения, но полагает, что это малозначимый его элемент, не осознавая, что художник мыслит стилем, формой и художественность — это не только форма образной мысли, но и ее эстетическое содержание. Интересна у него и подборка цитат из формалистов, характеризующая их принципы: «Искусство всегда было вольно от жизни, и на цвете его никогда не отражался цвет флага над крепостью города» (Шкловский). «Установка на выражение, на словесную массу — «единственный, существенный для поэзии момент»; «Поэзия есть оформление самоценного, «самовитого», как говорит Хлебников, слова» (Якобсон). «Раз есть новая форма, следовательно, есть и новое содержание. Форма, таким образом, обуславливает содержание» (Крученых). Однако столь внимательно проштудировав формалистов, обнаружив их недостатки, Троцкий не смог полно увидеть их сильные стороны и понять, что художественность содержательна, семантически значима. Этого не смогла понять вся эстетика вульгарного социологизма. Впрочем, Троцкий осознавал масштабы формальной школы: «Единственной теорией, которая на советской почве за эти годы противопоставляла себя марксизму, является, пожалуй, формальная теория искусства». Идея Троцкого о прямой конфронтации формализма и марксизма будет усвоена литературным и политическим сознанием эпохи и позже при сталинском ужесточении культурной политики приведет к разгрому этой литературно-критической школы. Отвергнуты будут и все рациональные, все плодотворные моменты формальной методологии, из которой позже возникнет структурализм и займет в 60—70-х годах ведущие позиции в мировой критике.

Троцкий склонен к аргументам «не из вежливых» и к ха-

ра характеристикам жестким и грубым: формальная школа — «недоносок идеализма в применении к вопросам искусства»; на формалистах — печать скороспелого поповства. Для формалистов вначале было слово. А для Троцкого вначале было дело, и слово явилось за ним, как звуковая его тень.

Троцкий порой пытается преодолеть крайности вульгарного социологизма и подчеркивает, что революционным является не только то искусство, которое говорит о рабочем и описывает фабричные трубы. Если обобщенно характеризовать установки Троцкого в области литературоведческой методологии, то можно сказать, что вульгарный социологизм он сочетал с элементами примитивно понятого формализма.

Ориентация на вульгарный социологизм приводит к тому, что классовое в рассуждениях Троцкого превалирует над общечеловеческим. Между тем, последнее и определяет суть искусства, его эстетическое отношение к реальности. Этим художественное сознание и отличается от политики. Для Троцкого художественное сознание есть разновидность политического сознания или способ иллюстрации последнего. Это становится традицией, а затем и позицией Жданова и Сталина. Всем этим я вовсе не хочу сказать, что виновник всех бед нашей культуры только Троцкий. Ему просто удалось наиболее остро и определенно выразить общую тенденцию массового сознания партийной среды и придать этой тенденции энергию исторического движения. Что же касается персональной ответственности за эти ошибочные противокультурные постулаты, то почти каждый из партийных современников Троцкого внес свой вклад в эти ошибки.

Иногда в его положениях начинает проглядывать мысль о том, что диалектика индивидуального, общечеловеческого и национального в искусстве важнее классового. Однако прямолинейный социологизм дает себя знать на многих страницах его книги. Так, например, согласно Троцкому, только революционный перелом истории встряхивает индивидуальность, устанавливает другой угол лирического подхода к основным темам личной поэзии и тем самым спасает искусство от вечных перепевов.

Троцкий считал, что исторический смысл и нравственное величие пролетарской революции в том, что она закладывает основы внеклассовой, первой подлинно человеческой куль-

туры. Так, хотя бы в перспективе, Троцкий выходил на общечеловеческое.

Прогноз социального и художественного развития человечества Троцкий делает в духе своей теории перманентной революции. Он пророчит миру десятилетия борьбы, героями и жертвами которой будут люди не одного поколения. И соответственно революционным будет искусство этой эпохи.

Троцкому присущ исторический оптимизм, он уверен, что будущее лучше прошлого, так как оно вбирает в себя прошлое и поэтому «умнее и сильнее его». Россию он представляет как вершину, с которой берут начало истоки нового искусства.

Главную задачу пролетарской интеллигенции на ближайшие годы Троцкий видит не в формировании абстрактной новой культуры, а в планомерном критическом усвоении отсталыми массами элементов уже существующей старой культуры, чтобы проложить дорогу к новой. Задачи Пролеткульта Троцкий видит в борьбе за повышение культурного уровня рабочего класса. Троцкий справедливо критикует, совпадая в этом с Лениным, Пролеткульт за то, что тот стремился разрушать культуру прошлого и насаждать «искусственную и беспомощную новую классово-полноценную культуру». Впрочем, порой и Троцкому не чужды пролеткультовские нигилистические мотивы по отношению к культуре прошлого. Он подчеркивает, что пролетарскому писателю нужно приобщиться к литературной традиции и овладеть Пушкиным, впитать его в себя, однако лишь для того, чтобы «уже тем самым преодолеть его».

Характеризуя советское искусство начала 20-х годов, Троцкий говорит, что это «не есть еще эпоха новой культуры, а только преддверие к ней» или даже подготовка к подготовке будущего социалистического искусства. По его мнению, в литературном процессе эпохи можно насчитать несколько пластов: 1) внеоктябрьская литература и примыкающий к ней футуризм как ответвление старой литературы; 2) советская мужиковствующая литература; 3) пролетарское искусство, которое еще проходит через ученичество и ассимилирует для нового класса старые достижения; 4) социалистическое искусство.

Во внеоктябрьской литературе Троцкий диагностирует конфликт революции и интеллигенции. Октябрь, согласно Троцкому, знаменовал «невозвратный провал» русской ин-

геллигенции. Эта точка зрения на интеллигенцию глубоко укоренилась в партийной среде и обусловила многие беды и интеллигенции, и культуры, в конечном счете и партии.

Для Троцкого декаданс и символизм — плоды буржуазной индивидуализации личности, он же сторонник ее коллективного бытия, опасного, как мы знаем это теперь, хунвейбинскими последствиями для культуры. Индивидуализация есть необходимейший для личности процесс, без которого она становится безликой.

«Литература и революция» — некогда огненное, а ныне полуподозрительное сочетание слов. Однако, не проверив это словосочетание нашим современным опытом, мы рискуем ничего не понять в своей социальной истории и в истории культуры.

Искусство 20-х годов не могло пройти мимо потрясений эпохи, не могла пройти мимо них и эстетика, пытавшаяся осмыслить это искусство. В этом обстоятельстве заключены корни многих особенностей эстетики Троцкого, которая исходила из того, что новое искусство может быть создано только теми, кто живет заодно со своей эпохой.

Троцкий не только создал политизированную и идеологизированную эстетику, но и (критика — движущаяся эстетика!) воплотил ее в критическую деятельность. Например, он выступает как хлесткий полемист, дающий критические характеристики писателей и произведений в духе вульгарного социологизма. Так, по поводу Розанова Троцкий развязно пишет, что тот «был заведомой дрянью, трусом, приживальщиком, подлипалой. И это составляло суть его. Даровитость его была в пределах выражения этой сути». Однако Троцкий не ограничивается грубостью (Позже у Жданова крайняя литературно-критическая лексика станет единственным аргументом и инструментом). Отдав дань этой форме и заложив ее прочную традицию, Троцкий переходит к вполне вразумительным аргументам, которые трудно принять, но которые бросают на предмет анализа свой оригинальный свет: «Когда говорят о «гениальности» Розанова, выдвигают главным образом его откровения в области пола... Австрийская психоаналитическая школа (Фрейд, Юнг, Альберт Адлер и др.) внесла неизмеримо больший вклад в вопрос о роли полового момента в формировании личного характера и

общественного сознания... Даже и парадоксальнейшие из преувеличений Фрейда куда более значительны и плодотворны, чем размашистые догадки Розанова». Троцкий критикует Розанова за то, что он во время дела Бейлиса доказывал употребление евреями в культовых обрядах христианской крови, а незадолго до смерти писал о евреях, как о «первой нации в мире». Такая характеристика, по мнению Троцкого, «немногим лучше бейлисиады, хоть и с другой стороны».

Сегодня Розанов, как и многие незаслуженно вычеркнутые из культуры ее деятели, попал в поле зрения наших читателей. Соображения и критические возражения Троцкого будут играть роль в создании культурного поля восприятия этого сложного писателя. Столь же существенны и высказывания Троцкого о других возрождаемых или переосмысляемых ныне фигурах русской литературы XX века — Бунине, Мережковском, Гиппиус, Котляревском, Зайцеве, Замятине и других. Однако читателю подчас нужна большая терпимость, чтобы спокойно, как спорное мнение, читать такие характеристики: «Белый — покойник и ни в каком духе он не воскреснет».

Троцкий явился едва ли не первым историком советской литературы. Он считает, что после семнадцатого года развивается переходное искусство, связанное с революцией, но не являющееся искусством революции. По его мнению, Пильняк, Всеволод Иванов, Тихонов, «серапионовы братья», Есенин, имажинисты, Клюев были бы невозможны без революции. Литературный и общий духовный облик этих писателей создан революцией, и каждый из них по-своему приемлет ее.

Рассуждая о явлениях литературы, Троцкий мыслит не в эстетических, а в политических категориях и вносит в литературную критику на многие годы утвердившиеся в ней внеэстетические термины. В частности, определяя термин «попутчик» применительно к литературе, он считает, что общая черта всех попутчиков — их резкая отделенность от коммунизма, чуждость коммунистическим целям. Попутчик через голову рабочего глядит с надеждой на мужика. «Относительно попутчика,— пишет Троцкий,— всегда возникает вопрос: до какой станции? Этого вопроса нельзя сейчас, однако, предрешить и в самой приблизительной степени». Жизнь ответила на этот вопрос трагедией. Та группа писателей, которая именовалась попутчиками, ехала не дальше станции «37-й год». Клюев и Пильняк погибли в застенках и

лагерях. Есенин еще раньше покончил с собой. Тихонов написал исторически ложную поэму «Киров с нами». Всеволод Иванов — недостойную его пера повесть о Пархоменко и многие годы безмолвствовал. Распались как группа и изменились в своем творческом лице «серапионовы братья» и имажинисты. Они перестали существовать как литературное направление. Имажинист Гумилев был расстрелян еще до выхода книги Троцкого.

Хотя эстетика Троцкого строится преимущественно на литературном материале, но учитываются и другие виды искусства. Так, признавая мастерство труппы Художественного театра и отвергая с точки зрения революционного утилитаризма «ныне ненужное» его искусство, он пишет: «Они не знают, куда девать свою высокую технику и себя самих. То, что совершается вокруг, им враждебно и уж во всяком случае чуждо. Подумать только: люди до сих пор живут в настроениях чеховского театра. «Три сестры» и «Дядя Ваня» в 1922 году! Благородная, вымирающая каста ювелирного театра... Не сюда ли относится и даровитейшая Ахматова?» Входит в круг размышлений Троцкого и живопись. Он рассуждает и здесь революционно-утилитарно: «Пишут «советские» портреты, и пишут иногда большие художники. Опыт, техника — все налицо, только вот портреты непохожи. Почему бы? Потому, что у художника нет внутреннего интереса к тому, кого он пишет, нет духовного сродства и «изображает» он русского или немецкого большевика, как писал в академии графин или брюкву... Присоединившиеся... пойдут навозом под новую культуру. А это вовсе не так мало». За этими внеэстетическими рассуждениями Троцкого стоит спекулятивная антигуманная глобальная идея: современное поколение живет для того, чтобы унавозить почву для счастливой жизни будущих поколений. Сегодня мы уже хорошо знаем, насколько оказалась подла, социально безответственна эта идея, загубившая жизнь не одному поколению советских людей и не давшая ничего будущим поколениям.

Троцкий не создал целостной научной эстетической системы. Он создал политически прикладную эстетику, служившую целям воздействия партии на искусство. Именно этот тип эстетики, предложенный Троцким и продолжающий традиции нормативизма эстетики Буало, послужил образчиком

для ждановско-сталинской эстетики, служившей ошейником с шипами для художественной интеллигенции. Однако эстетическая деятельность Троцкого не сводится к этому культурно-отрицательному результату. Он внес много существенного в исторически ограниченную, но давшую и свои положительные результаты вульгарно-социологическую, литературно-критическую методологию, сочетающуюся у него с элементами формального подхода к искусству. При всех своих недостатках эта методология заостряла внимание на содержательной, художественно-концептуальной стороне искусства и послужила толчком к развитию нашего литературоведения. В поле противоречий «социологизм — формализм» развивались многие главнейшие литературно-критические школы XX века. И в этом смысле методологические концепции Троцкого сохранили свое историческое значение.

Редакция журнала собирает и приобретает годовые комплекты, а также отдельные номера старого «Русского богатства» (дореволюционные издания).

Напоминаем, что журнал выходил с 1876 по 1918 годы.

Некоторое время «Русское богатство» выходило под названием «Русские записки».

Контактные телефоны: 284-63-96, 280-06-13.

Литературная ситуация в России

Лекция в Сорбонне. Март, 1991 г.

Культура по своей природе диалогична. Она ведет с читателем вечный диалог, в котором художественные произведения не только рождаются, но и живут, обретают смысл и социальный статус. Изменения читателя и его жизненного опыта ведут к изменению литературы, и не только рождающейся, но и существующей. Ее содержание меняется. «Свежими и нынешними очами» читатель прочитывает литературные тексты и находит в них ранее неведомые смысл и ценность. Этот закон эстетики особенно внятно проявляется в переломные эпохи, когда резко меняется жизненный опыт людей. Наше переломное время сказалось не только на социальном статусе и рейтинге литературных произведений, но и на состоянии литературного процесса.

Каково же это состояние? Все основные направления отечественной литературы претерпели крах, ибо предлагаемые ими художественные концепции мира оказались несостоятельными. (Последнее не исключает художественной значимости отдельных произведений, создаваемых чаще всего ценой отхода писателя от концепции направления. Примером тому взаимоотношения В. Астафьева с деревенской прозой.)

Литература светлого настоящего и будущего (социалистического реализма) ушла из культуры. Кризис самой идеи построения коммунизма лишил это направление идеологического основания и целей. Одного «Архипелага ГУЛАГа» достаточно, чтобы все произведения, дающие в розовом свете нашу жизнь, обнаружили свою лживость и несостоятельность.

Новейшей модификацией этого направления стала национал-большевистская, шовинистическо-имперская литература.

В государственно-патриотической форме это направление представлено творчеством Проханова, славившего экспорт насилия и вторжение советских войск в Афганистан. Анти-семитскую форму этого направления можно найти во многих произведениях, публикуемых журналом «Молодая гвардия» и «Наш современник». Крах этого направления отчетливо виден на историческом фоне пламени дважды (в 34-м и в 45-м), горевшего рейхстага. И как бы ни развивалось это направление, исторически оно уже опровергнуто и чуждо мировой культуре.

Литературное направление, опиравшееся на идею социализма с человеческим лицом, производило парикмахерскую операцию: с лица социализма сбрасывались сталинские усы и приклеивалась ленинская борода. По этой схеме создавались пьесы М. Шатрова.

Это направление художественными средствами вынуждено было решать политические проблемы, когда другие средства были закрыты. Писатели делали макияж на лице казарменного социализма. Шатров давал либеральную по тем временам трактовку нашей истории, трактовку, способную и удовлетворить, и просветить высшее начальство. Многие зрители восторгались тем, что намеком дан Троцкий, и это уже воспринималось как открытие, или намеком говорилось, что Сталин был не совсем хорошим. Это воспринималось с восторгом нашей полузадавленной интеллигенцией. В ключе социалистического либерализма написаны и пьесы В. Розова. Его юный герой крушит мебель в доме бывшего энкаведешника снятой со стены отцовской буденновской шашкой. Сегодня такие временно прогрессивные произведения из полуправдивых и умеренно привлекательных превратились в ложные. Короток был век их триумфа.

Деревенской прозе уделяли восторженное внимание критики, издатели, переводчики. Эта литература имела серьезные завоевания («Привычное дело» В. Белова, «Живи и помни», «Прощание с Матерой» В. Распутина). Еще до того, как опустели полки продовольственных магазинов, до того, как партия стала сооружать очередную вавилонскую башню — «Продовольственную программу», писатели-деревенщики смело осудили тогда еще неприкасаемую коллективизацию. Эта социальная смелость деревенской прозы обусловила ее художественные достижения. Однако сама идеология деревенской литературы потерпела крах. Деревенщики ста-

ли отрицать городскую культуру. В пустыне духа оазис — деревня. В ней истинная жизнь, потому что сохранились духовные основы бытия народа. Согласно этому литературному направлению, крестьянин — единственный истинный представитель народа, единственный носитель идеалов, деревня дает основу для всеобщего национального возрождения страны.

Деревенщики исходили из общечеловеческих идеалов, которые только и плодотворны в искусстве. Патриархальность крестьянина утверждалась ими как высшая нравственная ценность и идеал. Однако вскоре общечеловеческая точка зрения была вытеснена классовой — крестьянской. Жизнь перестала измеряться общечеловеческим, а человеческое стало измеряться крестьянским. Взамен сталинской пролетарской партийности деревенщики обрели не менее узкую — крестьянскую, и сразу добрый мир превратился во враждебный, полный опасностей: иноверцы, инородцы, рок-музыка, модернизм, эротика, Запад. И стали писатели смотреть на этот мир глазами отчаяния и муки, ненавидя многое в этом мире и воображая ненависть мира к себе. Так возникла иллюзорная идея русофобии, идея объективно имперская, реваншистская, сталинистская, построенная по превратной закольцованной схеме: я всех вас ненавижу — значит, вы ненавидите меня, а поскольку вы меня ненавидите, я ненавижу вас и готов вас уничтожить. Главная незадача деревенской литературы: герой, утверждаемый ею. Плодоносившая ветвь нашей литературы — деревенская проза — высохла, потому что не может быть идеалом крестьянин, превращенный раскулачиванием, коллективизацией и десятилетиями несвободного труда в люмпен-крестьянина, не способного прокормить свой народ. Люмпен-крестьянин сегодня не хочет взять землю, завидует новому фермеру и живет по формуле: казалось бы, какое мне дело, что у соседа корова сдохла, а все-таки приятно. Для люмпен-крестьянина зажиточный крестьянин — чужой и сомнительный человек. Можно ли люмпен-крестьянина, забывшего землю и Бога, выдавать за идеал? Может ли он быть героем великой литературы?

Еще одно направление русской словесности — люмпен-интеллигентская литература. Люмпен-интеллигент — образованец, знающий кое-что кое о чем, не имеющий философского взгляда на мир, не чувствующий за него личной ответственности и привыкший мыслить «свободно» в рамках

осторожного фрэндерства. Люмпен-писатель владеет заемной, созданной мастерами, художественной формой, что придает его творчеству некоторую привлекательность. Однако применить эту форму к реальным проблемам бытия ему не дано: его сознание пусто, он не знает, что сказать людям. Изысканную форму они используют для передачи высокохудожественных мыслей о чепухе. Часто это бывает у современных поэтов, владеющих стихотворной техникой, но лишенных способности осмыслять современность. Люмпен-писатель выдвигает в качестве литературного героя собственное альтер-эго, человека пустого, слабовольного, мелкого инкодирика, способного «ухватить, что плохо лежит», но не способного на любовь, не умеющего ни дать женщине счастья, ни стать счастливым самому. Такова, например, проза М. Рощина. Люмпен-интеллигент не может быть ни героем, ни творцом высокой литературы.

Неокритический натурализм Каледина и других разоблачителей «свищовых мерзостей» нашей армейской, кладбищенской и городской жизни — это бытописание типа Помяловского, голько с меньшей культурой и литературными способностями. К сожалению, многое из «лагерной» литературы находится также на уровне такого бытописательства и лишено философически-художественного величия.

Большую роль стала играть литература ГУЛАГа, внесшая в культуру огромный трагический жизненный опыт. Эта литература останется в истории культуры, особенно в таких высших своих проявлениях, как Солженицын и Шаламов. Однако вершины русской и мировой литературы: «Война и мир», «Преступление и наказание», «Мастер и Маргарита» — позади нас и впереди. Платонов и Булгаков, Цветаева и Ахматова дают уверенность в великой будущности нашей литературы. Уникальный трагический жизненный опыт, который в страданиях обрела наша интеллигенция, и великие традиции нашей художественной культуры не могут не привести к созидательному акту сотворения нового художественного мира, к созданию истинных шедевров мировой классики.

Как бы ни пошел исторический процесс и какие бы откаты ни были, страна, имеющая огромный потенциал, исторически выйдет из кризиса. Политическая и экономическая ситуация имеет дальние перспективы выхода на большие просторы. Духовная же ситуация уже сегодня такова, что уже

завтра можно ожидать высоких духовных взлетов культуры нашей страны. Художественные и философские достижения ожидают нас в ближайшем времени. Таков мой прогноз.

«Тяжкий млат, дробя стекло, кует булат». В нашей стране страшная тоталитарная сила «дробила» интеллигенцию, превращая одних в доносчиков, других в пьяниц, третьих в конформистов. Однако в некоторых выковывала глубинное художественное сознание, сочетающееся с огромным жизненным опытом. Эта часть нашей интеллигенции творчески проявила себя за рубежом (Солженицын, Снявский, Войнович) и у нас (Искандер, Гроссман и другие). Однако в последние десятилетия наша литература редко поднималась на философический уровень и имела ясный идеал. Все хорошо в ней рождалось как нечто критическое, противостоящее тому, что есть. Это нормально. Только так в тоталитарном обществе и возможно рождение культурных ценностей. Однако простое отрицание, простая критика существующего еще не дает выход к высшим литературным достижениям. Высшие ценности появляются вместе с философическим видением мира и внятыми идеалами. Если бы Толстой просто говорил о мерзостях жизни — был бы он Помяловским. Но это не мировой уровень. Он же дал концепцию непротивления злу насилем, внутреннего самосовершенствования личности, утверждал, что насилем можно только разрушить, а преобразовать следует прежде всего самих себя.

Эта концепция предугадала XX век, и, если бы к ней прислушались, она предотвратила бы бедствия нашего века. Сегодня она помогает их понять и преодолеть. Концепции такого масштаба, охватывающей нашу эпоху и уходящей в будущее, нам не хватает. И когда она появится, у нас будет вновь великая литература. Она в пути, и гарантия тому — традиции русской литературы и трагический жизненный опыт нашей интеллигенции, обретенный в лагерях, в очередях, на работе и на кухне.

Тоталитарная и демократическая культура

Доклад на международной конференции

Жизнь есть саморазвитие белка путем обмена веществ. Культура — саморазвитие духа путем обмена духовных ценностей. Иное дело, что в условиях Крыма жизнь бьет ключом, а в пустыне ее признаки трудноразличимы. Культура тоже может свободно развиваться в условиях демократии и прозябать при тоталитаризме.

Академик Лысенко отрицал значение генного кода и утверждал, что развитие организма определяется исключительно средой. Полагать, что культура полностью зависит от окружающей реальности, — значит быть лысенковцем в теории культуры. Реальность может уничтожить культуру, замедлить или убыстрить ее развитие, но не является ее двигателем. Взаимодействие генного кода культуры с обстоятельствами эпохи определяет вид и направление изменения мыслительного материала культуры. Код культуры — концептуально обработанный и спрессованный спит народа: матрица и хромосомный набор духовности, определяющие национальный характер тех ценностей, которые вносятся в общечеловеческую сокровищницу.

Этот код не сводится к традиции. Он находится на порождающем уровне, он — духовная парадигма, определяющая архетип культуры. Например, одну и ту же русскую идею мировой справедливости и совершенства развивали как Достоевский и Толстой, призывавшие к непротивлению злу насиллем и к внутреннему самосовершенствованию, так и их «клоповояняющий» антипод Чернышевский, во имя совершенства и справедливости звавший Русь к топору; как Флоренский, стремившийся к социальному умиротворению и духовному очищению людей, так и охранник ГУЛАГа,

стрелявший в затылок Флоренскому, полагая, что устраниет очередного врага всеобщего счастья.

При всем различии из единой духовной парадигмы исходят и наследующий традицию Чернышевского красноармеец, который «хату покинул, пошел воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать», и наследующий толстовскую традицию непротивления злу доктор Живаго. Духовная парадигма всеохватно влияет на данную культуру. Воплощение этой парадигмы можно найти и в разных направлениях русской литературы в нашем отечестве, и в литературе русского зарубежья. Внутри общей парадигмы развиваются разные традиции и разные художественные концепции. Только антикультура (вроде драматургии Сурова) выламывается из парадигмы культуры. Антикультура — охранитель тоталитаризма, действующий даже тогда, когда он надломлен. Пастернак, выживший в эпоху сталинизма, был сломлен в оттепель, ибо оттепель была либерализацией тоталитаризма, а не демократизацией общества.

Не только председатель КГБ Семичастный, сравнивший поэта со свиньей, но и добрых два десятка писателей распинали Пастернака. Специально обученные слоны помогают в охоте на слонов. Писатели убивали своего собрата. Это тканевая несовместимость культуры и антикультуры. Антикультура, вводимая в культуру, действует как разрушительный вирус на организм. При тоталитаризме представителем антикультуры в сознании писателя становится его внутренний редактор. А извне это дополняется издательским типовым договором, который расторгается, если автор сопротивляется редакторскому произволу. Договор наделяет редактора и цензора властью, которой сам Господь Бог не имеет над художником. Это давление завершалось возможностью прямого устранения художника из жизни, что и произошло с Мандельштамом или Клюевым.

Если зерно не перемолото, оно может попасть на благодатную, либо — на плохую, бедную почву. При тоталитаризме культура либо перемалывается в утилитарно-пропагандистскую служанку политики (что стало с Маяковским или Подгунным), либо ценой трагедии личной судьбы творца мощно пробивается через тоталитаризм к человечеству (Пастернак, Ахматова, Цветаева, Булгаков, Платонов), либо живет, по словам Олеси, как «обломок атлета» (творческая судьба Олеси или Светлова).

Духовная деятельность в постсталинистском обществе все еще представляет те четыре типа, которые характерны для тоталитарной культуры: 1) антикультура, вирусом проникающая в культуру (Бондарев образца 80-х годов, Пиккуль); 2) утилитарно-пропагандистская культура на службе политики (Юлиан Семенов, Шатров); 3) искаленная культура («обломки атлетов») — Шаламов, Ямпольский; 4) общечеловеческие ценности — Гроссман, Домбровский.

Лев Толстой и идейно подкованный охранник ГУЛАГа опирались на разные традиции, но исходили из единой культурной парадигмы — развивать идею до беспредела, истово устремляться к справедливости: «Во всем мне хочется дойти до самой сути...», — или: «Коль рубить, так уж сплеча». Эта парадигма обрекла Россию на штурм Зимнего. Штурм закладывался в русской культуре от «Путешествия...» Радищева до «Колокола» Герцена и т. д. Исток тоталитаризма — истовая и самоотреченная устремленность русской культуры к благородной идее справедливости и совершенства. И в этом смысле, при всей вариативности развития истории, ее вектор был определен и амплитуда возможных отклонений была небольшой.

И Ленин, и либералы высказывались за принцип партийности литературы (сам этот термин впервые появился в либеральном журнале начала века «Северные цветы»). Другими словами, русская культура могла вступить в «классово-партийную», социально-утилитарную стадию своего развития или либеральным, или большевистским путем. Троцкий утверждал вульгарный социологизм, подменяющий эстетические критерии политическими. Эти принципы нашли свое продолжение в сталинском политическом прагматизме в культуре. Тоталитарность — это всегда выламывание из человечества. Железный занавес в политике имеет свой аналог в культуре — подмену общечеловеческих ценностей классовыми. Железный занавес и отказ от общечеловеческих ценностей — взаимодополняющие условия тоталитаризма. Сейчас мы вышли из утилитарно-политической стадии развития нашей культуры. Ее парадигма — устремленность к социальной справедливости и к совершенству, — остается прежней. Однако внутри этой парадигмы происходит переориентация на иные традиции. Это не новая модель развития культуры, а новая стадия ее развития, возвращающая нас с обретенным трагическим опытом к человечеству.

Зверушки и ловушки

КАК ЛОВЯТ ТИГРОВ

На тропе, ведущей к водопою, разбрасывают сухие листья и поливают их клеем. Тигр идет, и листья прилипают к его лапам. Он досадливо бьет лапами по земле, но от этого их прилипает еще больше. Тигр впадает в ярость, катается по земле и оказывается завернутым в ковер из листьев. Его свяжут и отвезут в зоопарк. А ведь проявил тигр благоразумие — опусти лапы в воду, — листья бы отклеились.

Гневливый теряет разум. Не будь тигром.

КАК ЛОВЯТ ОСЛОВ

Кладут две охапки душистого сена. Бредет осел, останавливается и думает, с какой начать. Пока он думает, на него набрасывают аркан.

Не будь ослом! Решайся! Даже ложное решение лучше бездействия: его можно поправить. Бездействие непоправимо.

КАК ЛОВЯТ СЛОНОВ

Роют большую яму и прикрывают ее жердями, а затем дерном и листьями. Слон наступает на жерди — и проваливается в яму.

Прежде чем начать какое-либо дело, проверь: есть ли под ним твердая почва.

КАК ЛОВЯТ ПЕСЦОВ

По тундре разбрасывают замороженные куски мяса со свернутым китовым усом внутри. Голодный песец проглатывает мясо, но как только оно оттаивает в желудке, китовый ус распрямляется и пронзает неосторожного зверя.

Прежде чем усвоить чужую мысль, проверь: не вморожена ли в нее глупость.

КАК ЛОВЯТ РЫБУ

Рыбу ловят удочкой. К палке-удилищу привязывают леску, к ней крючок. На крючок насаживают червячка. Рыба заглатывает его — и вот она уже в ведерке рыбака.

Не будь рыбой, не попадайся на крючок. Умей видеть природу вещей и связь между ними — червяка с крючком, крючка с леской, лески с удилищем, удилища с рыбаком.

КАК ЛОВЯТ ВОЛКОВ

Веревкой с красными лоскутами огораживают участок леса, где есть волчье логово. В одном месте оставляют просвет. Здесь прячутся охотники. Загонщики что есть силы кричат, стучат палками о деревья, ложками о кастрюли. Волки разбегаются. Но они боятся флажков, потому что их красный цвет напоминает им огонь. И они бегут туда,

где нет ни загонщиков, ни флажков — прямо на охотников, уже вскидывающих ружья...

Не будь волком. Опасность не всегда там, где страшно. Умей принимать смелые и неожиданные решения.

КАК ЛОВЯТ МАРТЫШЕК

В кокосовом орехе проделывают дырку, вынимают сердцевину и кладут лакомство. Мартышка просовывает лапку в кокос и зажимает лакомство в кулачок. То же самое она проделывает со вторым орехом, а иногда с третьим и даже с четвертым, ведь мартышки могут хватать задними лапками не хуже, чем передними. Вынуть из ореха кулачок мартышка не может, а разжать его — жалко. Так она становится пленницей собственной жадности. Поймать такую мартышку проще простого.

Не будь мартышкой! Не жадничай. В жизни важнее отдавать, чем брать.

КАК ЛОВЯТ МЫШЕЙ

Мышей ловят с помощью мышеловки. Мышеловка похожа на маленький домик из проволоки. Одна стенка этого домика — дверца. Внутри есть крючок, на который насаживают кусочек сала. Мышка хватает его зубами. От этого проволочка приходит в движение, высвобождает пружину — и дверца захлопывается. Мышь — в мышеловке.

Не будь мышкой: не рискуй свободой ради лакомого кусочка.

КАК ЛОВЯТ ПТИЦ

Переворачивают корзину и под один ее край подставляют палочку, к которой привязывают веревку. Под корзиной рассыпают зерна. Прилетает птица и начинает безмятежно клевать, птицелов дергает за веревку — и корзина накрывает птицу. Теперь ее ждет клетка.

Чтобы тебя не лишили счастья полета, чтобы твоя мысль могла взлететь, будь осторожен. Ни за какие земные блага не меняй высокого неба на клетку, даже если она золотая.

КАК ЛОВЯТ ДУРАКОВ

Дураков ловят словами — дурачат. Дураки же верят и попадают впросак. Не всякому слову верь: не верь ни хитрому, ни льстивому, ни злому слову. Верь только слову мудрого и доброго человека. А чтобы отличить правду от лжи, нужно много знать и, главное, уметь думать. И тогда тебя никто не одурачит.

МОЖНО ЛИ ПОЙМАТЬ СОЛНЕЧНЫЙ ЗАЙЧИК?

Солнечный зайчик — это луч солнца, который, отразившись в зеркале, упал на забор или на стену дома. Золотым пятном лежит солнечный зайчик на стене. Это пятно живое. Тот, кто накроет его рукой, обнаружит, что в его ладонях ничего нет, а зайчик — поверх ладони. Его нельзя зажать в кулак — все равно выпрыгнет наверх. Его нельзя закрыть, замкнуть, захлопнуть, нельзя поймать ни удочкой, ни сетью, ни сачком, ни капканом, потому что солнечный зайчик — это кусочек солнца, а солнце всегда свободно.

Будь солнечным! Свети людям, и все хорошие люди будут тебе рады, а плохие никогда не смогут причинить тебе зла.

ПРАВЛЕНИЕ
редакции журнала «РУССКОЕ БОГАТСТВО»

Председатель правления — **А. П. Злобин**
В. Г. Ге (коммерческий директор), **С. Р. Карасев**, **Г. Г. Кошелев**,
Е. К. Людвиковская (исполнительный директор), **С. С. Рябицкий**,
М. И. Франкевич (Авиабанк).

Ответственный секретарь **С. Г. Горбатов**
Художественный редактор **Г. А. Шалыгина**
Корректор **В. Л. Тищенко**

Сдано в набор 4.08.93. Подписано в печать 20.09.93. Формат 60×90¹/₁₆.
Объем 21 п. л. Тираж 5000 экз. Зак. № 482.
АО «Чертановская типография».

113545, Москва, Варшавское шоссе, 129а

